

РОССИЯ — УКРАИНА:
история взаимоотношений

STUDIA PHILOLOGICA

Институт славяноведения и балканистики РАН
Институт «Открытое общество»

РОССИЯ — УКРАИНА: история взаимоотношений

Ответственные редакторы:

А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

STUDIA HISTORICA

ББК 63.3(2)-6
Р 89

Книга подготовлена по итогам работы международной конференции «Россия – Украина: история взаимоотношений», проходившей в Москве в мае 1996 года. Организация и финансирование конференции, а также финансирование издания этого тома осуществлено Институтом «Открытое общество» в рамках национальной Программы семинаров и летних школ в системе высшего образования в сотрудничестве с Центрально-Европейским Университетом (CEU–HESS).

Р 89   Россия – Украина: история взаимоотношений. Отв. редакторы: Миллер А. И., Репринцев В. Ф., Флоря Б. Н. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 248 с.

ISBN 5-88766-015-5

Книга посвящена ключевым проблемам российско-украинских отношений и охватывает период от времен Киевской Руси до первой половины XX века. В ее создании участвуют авторы из России, Украины, Германии, Франции, США.

Книга адресована как специалистам, так и всем интересующимся историей.

ББК 63.3(2)-6+63.3(4Укр)-6

ISBN 5-88766-015-5

© Авторы, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ	7
Борис Флоря О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ — РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ	9
Николай Котляр К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI — НАЧАЛО XII ВЕКА)	29
Лев Заборовский ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА И МОСКОВСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1654 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	39
Татьяна Яковлева ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ В УКРАИНЕ НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРОВ С ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ	51
Геннадий Санин АНТИОСМАНСКИЕ ВОЙНЫ В 70—90-е ГОДЫ XVII ВЕКА И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ УКРАИНЫ В СОСТАВЕ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ	61
Виктор Горобец УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЕТМАНИЦИНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА)	77
Владимир Артамонов ПОЗИЦИИ ГЕТМАНСКОЙ ВЛАСТИ И РОССИИ НА УКРАИНЕ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА	89
Людмила Софронова ФУНКЦИЯ ГРАНИЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVII—XVIII ВЕКОВ	101
Олена Дзюба УКРАЇНЦІ В КУЛЬТУРНОМУ ЖИТТІ РОСІЇ (XVIII СТ.): ПРИЧИНИ МІГРАЦІЇ	115

Андреас Каппелер	
МАЗЕПИНЦЫ, МАЛОРОССЫ, ХОХЛЫ: УКРАИНЦЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	125
Алексей Миллер	
РОССИЯ И РУСИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ В XIX ВЕКЕ	145
Остап Середа	
МІСЦЕ РОСІЇ В ДИСКУСІЯХ ЩОДО НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ ГАЛИЦЬКИХ УКРАЇНЦІВ У 1860—1867 РОКАХ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПРЕСИ)	157
Даниэль Бовуа	
«БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ С 1863 ПО 1914 ГОД»: НОВАЯ КНИГА ОБ УКРАИНСКО- ПОЛЬСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЯХ	171
Марк фон Хаген	
РУССКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	183
Ирина Михутина	
УКРАИНСКИЙ ВОПРОС И РУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	197
Владислав Верстюк	
ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (К ИСТОРИИ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1917 ГОДУ)	209
Марина Соколова	
ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ: РОССИЯ И УКРАИНА В 1917 ГОДУ	219
Кирилл Галушко	
ВЯЧЕСЛАВ ЛИПИНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УКРАИНСКО- РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ	229
Геннадий Матвеев	
РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В ПЛАНАХ ПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ВОЕННЫХ КРУГОВ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД	237
Коротко об авторах	245
Authors	246

ОТ РЕДАКТОРОВ

Эта книга подготовлена по итогам конференции «Россия — Украина: история взаимоотношений», состоявшейся в Москве в мае 1996 г. Конференция стала первой такого масштаба встречей историков двух стран после распада СССР — в ней приняли участие более 50 ученых, из них 20 из Украины. Успешной работе конференции во многом способствовали и ее участники из других стран — США, Франции, Германии, Канады.

Сборник статей участников конференции довольно полно и адекватно отражает современное состояние изучения проблемы. Период до XVIII века исследован сегодня несравненно лучше, чем более позднее время, что является прямым следствием партийного контроля над наукой в СССР.

Закономерны и разногласия, порой весьма острые, в трактовке многих вопросов между украинскими и российскими историками. Однако, как это и подтвердила конференция, эти разногласия не блокируют возможности диалога и стремления к нему, что свидетельствует о необходимости продолжения начатых усилий.

Многие из включенных в сборник статей посвящены рассмотрению методологических вопросов. Проблематика русско-украинских отношений имеет свою уникальную специфику. Недостаточность традиционных подходов осознана многими специалистами, и есть основания надеяться, что дальнейшая разработка этих проблем принесет результаты, далеко выходящие по своему значению за рамки истории собственно российско-украинских отношений.

Мы выражаем глубокую признательность Институту «Открытое общество» за финансовую и организационную поддержку целого ряда инициатив, связанных с изучением истории российско-украинских отношений — конференции «Россия — Украина: история взаимоотношений» (Москва, 1995), издания этого тома, а также публикации первого выпуска работ российских историков «Ukrainica et Bielorossika» (Москва, 1995).

Борис Флоря

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ — РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Вплоть до сравнительно недавнего времени официальной и общепринятой в научной литературе Советского Союза была схема этнической истории восточных славян, с краткой характеристики которой имеет смысл начать рассмотрение темы. Согласно этой схеме восточнославянские племенные союзы, вовлеченные в IX—X вв. в процесс создания Древнерусского государства с центром в Киеве, в XI—XII вв. слились постепенно в единую древнерусскую народность, которая с конца XIV в. разделилась на три восточнославянские народности — белорусскую, великорусскую и украинскую. Следует отметить, однако, что уже в советской литературе был выставлен ряд серьезных возражений против начальной части этой схемы. Имею в виду прежде всего гипотезу, развитую в ряде работ известного русского археолога В. В. Седова, выдвигавшего на первый план контакт восточно-славянского и балтского этносов как фактор, определивший формирование белорусского народа в пределах тех территорий, на которых это взаимодействие имело место¹.

Если признать аргументацию В. В. Седова убедительной, то, поскольку расселяясь по территории Восточной Европы, восточные славяне вступали в разных частях восточноевропейской равнины в контакт с разными этносами (помимо балтского на северо-западе с ираноязычным на юге и угро-финским на северо-востоке), следовало бы отнести начало формирования отдельных восточнославянских народов еще к догосударственному периоду в истории восточных славян², а сам процесс их формирования придется в этом случае рассматривать как предопределенный заранее наличием на разных территориях разного этнического субстрата.

Важность поднятого в работах В. В. Седова вопроса заставляет остановиться на нем подробнее, тем более, что контакты восточных славян на территории Восточной Европы с разными этносами — бесспорный факт, как и то, что этим контактам славяне в разных областях Восточной Европы действительно обязаны многими особенностями своей духовной и материальной культуры.

В этой связи, как представляется, заслуживают внимания соображения, высказанные в связи с обсуждением гипотезы В. В. Седова белорусским исследователем М. Ф. Пилипенко. Пилипенко обратил внимание на то, что контакт славян и балтов предшествовал формированию отдельных восточно-славянских племенных союзов, определив многие конкретные особенности их культуры, так как разные группы восточных славян заимствовали не одни и те же балтские элементы и не в одном и том же объеме³. Что же привело в дальнейшем к консолидации ряда таких союзов в более широкую этническую общность, на это гипотеза В. В. Седова ответа не дает.

К этому следует добавить, что при изучении процессов развития этнического самосознания недостаточно существования определенных особенностей материальной или духовной культуры той или иной общности людей, заимствованных у этнического субстрата, важно, чтобы эти отличия осознавались населением и осмыслялись им, как этнообразующие признаки, отличающие данный этнос от других, соседних. Лишь в этом случае можно было бы ставить вопрос о серьезном воздействии балтского субстрата на этногенез белорусского народа, но подобная работа пока, насколько известно, не проделана.

Сказанное может быть с некоторыми конкретными уточнениями отнесено и к вопросу о роли этнического субстрата в формировании других восточнославянских народностей. Следует также отметить, что гипотеза В. В. Седова находится в определенном противоречии с имеющимися в нашем распоряжении данными об этническом самосознании восточных славян XIII—XIV вв. на тех территориях, где имело место их взаимодействие с балтским субстратом (об этих данных см. ниже).

Тезис о существовании в эпоху раннего средневековья единой древнерусской народности вызывает и ряд возражений иного порядка. Обращают внимание на трудности развития интеграционных процессов на столь обширной и сравнительно мало заселенной территории, как восточноевропейская равнина, на существование заметных различий в материальной культуре населения отдельных регионов⁴, на то, что и языковые различия между отдельными группами восточных славян, как показывают, в частности, исследования языка новгородских берестяных грамот, были, по-видимому, гораздо более глубокими, чем это предполагалось ранее⁵. В ряду иных доводов не последнее значение имеет и тот факт, что в летописании до-монгольского времени термином «Русь» обозначается и в этом качестве противопоставляется другим восточнославянским землям территория Среднего Поднепровья. При таком подходе наиболее важное место в этнической истории восточных славян отводится тем интеграционным

процессам, которые развивались в рамках крупных государств Восточной Европы, сформировавшихся в XIV—XV вв.⁶

Ограниченность источников XI—XIV вв. (достаточно узкий круг по преимуществу нарративных памятников) не дает и не может дать прямого ответа на вопрос, насколько представление о совокупности всех восточных славян, как особом едином народе («языке»), впервые четко выраженное на страницах «Повести временных лет» в начале XII в., проникло в сознание широких кругов населения, выйдя за рамки интеллектуальной элиты тогдашнего общества. Однако, хотя косвенный, но достаточно определенный ответ на вопрос о степени развития интеграционных процессов у восточных славян XII—XIII вв. все же может быть получен.

При неразвитости интеграционного процесса мы вправе были бы ожидать сохранения у восточных славян более ранних традиционных форм самосознания — прежде всего сознания принадлежности к племенному союзу, являвшемуся, одновременно, и социальным, и этническим организмом. Есть основания полагать, что в сознании восточных славян племенные традиции еще в начале XII в. занимали достаточно заметное место: в «Повести временных лет» приводятся не только названия многих восточнославянских племен, но и сведения о территории их расселения, некоторые данные об их обычаях, предания о родоначальниках некоторых племен. Однако в обширных повествованиях нарративных источников о событиях первой половины XII в. население отдельных древнерусских земель крайне редко определялось по своей племенной принадлежности, а с середины XII в. старые племенные названия в текстах летописи вообще перестают встречаться, а население отдельных районов (от больших княжеств до мелких округов) обозначается, как правило, термином производным от названия его политического центра («новгородцы», «псковичи», «полочане» и т. д.). Очевидно, что в этой новой терминологии находило свое выражение лишь областное, а не этническое самосознание⁷.

Своеобразие картины, которая возникает в результате анализа летописных текстов, станет особенно отчетливым, если сопоставить ее с положением на германских землях более раннего и того же времени. Здесь на территории Тевтонского королевства отдельные крупные княжества — земли, такие как «Саксония» или «Бавария», формировались на базе старых племенных союзов, а законодательство («Саксонская правда», «Баварская правда») представляло собой приспособленную к новым социальным отношениям запись традиционного племенного права. Здесь сохранялись не только традиционные этнонимы, но и сознание преемственной связи между средневековой

«землей» и старым племенным союзом. Подобную же ситуацию можно наблюдать и в Скандинавии. Даже в соседней с Древней Русью Польшей, где таких мощных традиций племенного самосознания, судя по всему, не было, некоторые из средневековых «земель» сохранили старые племенные названия (Силезия, Мазовия).

Как представляется, столь радикальное исчезновение на восточнославянской почве традиционных племенных этнонимов может быть объяснено (от обратного) не имеющим явного отражения в нарративных источниках распространением сознания принадлежности всего восточного славянства к одной народности — «Руси».

Позитивные свидетельства развития такого процесса дают договоры Смоленска с Ригой в XII в., где население княжества обозначается как «Русь» — особая общность, противостоящая «Латинскому языку», смоленский купец — это «русский гость», а житель смоленского княжества — «русин». В одной из редакций договора говорится о «Русской земле», в состав которой входят «волости» смоленского и полоцкого князей⁸. Как показывает анализ нарративных и документальных источников второй половины XIII — начала XIV в., на всех частях восточнославянской этнической территории местное население называет себя «русинами» или «русскими», а страну, в которой они живут, «Русью» или «Русской землей» и свой язык — «русским».

Таким образом, и сравнительно-исторические сопоставления, и конкретные наблюдения говорят в пользу положения о широком распространении у восточных славян в XII—XIII вв. сознания их принадлежности к широкой этнической общности — «русскому языку», которая определяется исследователями как древнерусская народность. В свете сказанного представляется особенно актуальным исследовать вопрос о том, какие факторы способствовали распространению этой формы этнического самосознания в условиях растущей политической раздробленности древнерусских земель. Немалую роль сыграло здесь, по-видимому, единство исторической памяти, существование общей исторической традиции (как известно, в основе всех дошедших до нас памятников древнерусского летописания лежат киевские своды конца XI — начала XII в.). Подводя итоги, можно сделать вывод о принципиальной правильности традиционной схемы этнической истории восточных славян в ее начальной части.

Совсем иное следует сказать о том положении традиционной схемы, согласно которому уже с конца XIV в. можно говорить о существовании трех восточнославянских народностей.

В истории восточных славян конец XIV в. действительно может рассматриваться, как важнейший хронологический рубеж. С этого времени есть все основания говорить о разных исторических еудьбах

отдельных частей восточного славянства в рамках новых многоэтнических государств. Начиная с этого времени постепенно нарастают различия между социальным строем тех частей восточного славянства, которые вошли в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, с одной стороны, и тех, которые вошли затем в состав формирующегося Русского государства, с другой. Параллельно с различиями в социально-политическом строе постепенно формировались и важные различия в характере политической культуры, социальной психологии, а затем и в круге общекультурных интересов. Однако следует иметь в виду, что на рубеже XIV—XV вв. такие различия лишь зарождались, и нужно было время не только для их полного развития, но и для осознания их существования обществом по обе стороны рубежей, отделявших державы Ягеллонов от земель Северо-Восточной Руси. Тем самым нет серьезных оснований рассматривать рубеж XIV—XV вв. как важную веху в развитии этнического самосознания восточных славян. Можно говорить лишь о том, что с этого времени возникают объективные предпосылки для формирования нескольких восточнославянских народностей.

Ко времени русско-литовских войн рубежа XV—XVI вв. относится ряд свидетельств, которые говорят не только об осознании представителями общественной элиты этих различий, но косвенно и о том, что этот факт очень существенно повлиял на позицию восточнославянской шляхты и мещан Великого княжества Литовского во время военного конфликта между ним и Русским государством. В записке, поданной Сигизмунду I в 1514 г., указывалось, что «жестокая тирания» московских князей является причиной того, что «русские» в Великом княжестве Литовском не хотят перейти под их власть⁹. О «тиранской власти» московских князей, в государстве которых богатство и общественное положение человека зависит от воли правителя, писал, как о препятствии для соединения восточных славян, придворный хронист Сигизмунда I Иост Людвиг Деций¹⁰. К этому же времени — первым десятилетиям XVI в. — относится появление в источниках сопоставлений московского и «турецкого» правления как двух сходных типов политического устройства¹¹. Хотя эти высказывания принадлежат представителям польской элиты, как представляется, в них предложено верное объяснение политического патриотизма шляхты и мещанства Великого княжества Литовского во время русско-литовских войн рубежа XV—XVI в.¹², и они могут рассматриваться как определенное отражение общественных настроений в этом государстве.

Однако нет никаких оснований полагать, что уже в то время данные различия социально-политического строя осознавались как признаки принадлежности к разным этническим общностям. Имеющиеся

свидетельства говорят об обратном. В уже цитировавшейся записке 1514 г. говорится о том, что у «русских» Литвы и «Московитов» общая религия, язык и ссылка на «тиранию» московских правителей в таком контексте служит объяснением того, почему одна часть народа все же не хочет присоединиться к другой. Для Матвея Меховского, писавшего в своем «Трактате о двух Сарматиях», что «в государстве московском, как и в земле турок людей перебрасывают с места на место», тем не менее было ясно, что жители Московии «*Rutheni sunt et Ruthenicum loquuntur*»¹³.

Дипломат и советник Сигизмунда II Мартин Кромер в середине XVI в. писал, говоря о Руси, что Московия — это «их же племя и часть», что жители Московии сами называют себя русскими и говорят на русском языке, что под властью московских правителей живут «русские люди» из многих ранее независимых княжеств¹⁴. Представление о том, что все восточные славяне являются, в сущности, одним народом, достаточно определенно прослеживается и в высказываниях польских публицистов времени бескоролья 1572—1573 гг. Утверждая, что население «Московии» может измениться к лучшему под воздействием польской культуры, один из публицистов писал: «Посмотрите, как был перед тем люд литовский и русский, а московский люд — та же Русь и то же племя»¹⁵. Другой публицист, предостерегая против избрания Ивана IV на польский трон, обращался к польской шляхте со следующими словами: «ваше панование Руси надоело, и она может встряхнуть рогами, надеясь на государя своей веры, своего языка и своего народа»¹⁶.

В 1578 г. завершил работу над «Описанием европейской Сарматии» итальянец Александр Гваньини, офицер витебского гарнизона. Однако и в сочинении этого автора, находившегося в особенно тесном контакте с восточнославянской средой, говорится о двух частях России — «Белой», которая находится под властью великого князя Московского, и «Черной», которая находится под властью польского короля. Жители Московии для автора — это «русские» и говорят на «русском» языке, сама Московия образовалась из многих «русских» княжеств, а «москвичи» (*Moschovitae*) — это «простонародное» название¹⁷. Пример этого писателя особенно показателен, так как А. Гваньини включил в свой текст подробное описание «тиранства» Ивана Грозного и положение в современной ему «Московии» описывал в самых черных красках. Это, однако, не послужило для него основанием к тому, чтобы рассматривать жителей «Белой» и «Черной» России как представителей двух разных народов.

Разумеется, все эти свидетельства позволяют лишь косвенно судить об этническом самосознании восточных славян в границах дер-

жав Ягеллонов, а затем — в Речи Посполитой. Однако следует учесть, что в польском обществе не существовало какой-либо самостоятельной традиции об этнических отношениях в Восточной Европе, и представления соответствующих авторов так или иначе должны были основываться на воззрениях почерпнутых из восточнославянской среды. К этому следует добавить, что представители польской элиты никак не были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать единство восточных славян (и тем самым, хотя бы косвенно, признавать справедливость притязаний московских государей на древнерусское наследство). Тем самым есть определенные основания искать в приведенных высказываниях польских писателей отражение воззрений, характерных для самой восточнославянской среды. Во всяком случае, знакомство с этой традицией заставляет предостерегать против преувеличения глубины того взаимного отчуждения, которое возникало между восточными славянами России и Речи Посполитой на почве прежде всего различий в характере общественного строя. Эти замечания имеют в виду прежде всего западную часть восточного славянства. Что касается восточной части — жителей Московии, то здесь сохранению представления о единстве восточных славян содействовала и мощная историческая традиция (как письменная, так и народная, фольклорная) и политические факторы (борьба московских правителей за «собрание русских земель»).

Изучение памятников исторической традиции, создававшихся в Речи Посполитой эпохи Возрождения, позволяет выделить последнюю четверть XVI в. как время, когда осознание различий привело к переменам в характере этнического самосознания восточных славян на территории Речи Посполитой.

Почти одновременно с окончанием работы А. Гваньини над «Описанием» в 1578 г. завершил работу над первой редакцией своей «Хроники» Матвей Стрыйковский, польский шляхтич, в прошлом также офицер в Витебске, нашедший приют при дворе Слуцких князей. В его труде читаем рассказ о четырех братьях: Лехе, Чехе, Русе и Москве (самом младшем). Рус земли, полученные от отца, назвал Русью, а Москва стал основателем особого государства и основал в нем столицу, которой дал свое имя¹⁸. Появление под пером хрониста подобной генеалогической легенды, как представляется, достаточно ясно говорит о появлении в Речи Посполитой представления о «московитах» и «русских», как о двух разных народах. Легенда собственно и должна была служить историческим обоснованием такого представления. В 70-х гг. XVI в. оно явно лишь зарождалось. В иных местах своего труда Стрыйковский, следуя традиции, называет Ростов и Рязань «русскими» городами, говорит о подчинении Иваном III «русских» кня-

жеств и о том, что сам Иван III был самым счастливым из «русских монархов»¹⁹.

Позднее достаточно определенные следы представления о «московитах» и «русских» как двух разных народах прослеживаются в памятниках полемической литературы, возникших после заключения Брестской унии 1596 г. Хорошо известны, например, отзывы Ипатия Потия об отрицательных качествах «московского народа»²⁰. В таком известном униатском памфлете начала 20-х гг. как «*Sowita wina*», обращая внимание на то, что по одному из спорных вопросов совпадают мнения «Русских» и «Московских» хроник, автор констатировал, что это мнение, видимо, соответствует истине, так как здесь соглашаются между собой «*pisarze dwoch nasyi z sobą więc niezgodnych i z dawna*»²¹. Таким образом, в представлении униатского автора «русские» и «московиты» — два разных народа, давно живущих в несогласии между собой.

Еще более показательно, что представление о «русских» и «московитах» как двух разных народах обнаруживается и в сочинениях православных авторов. Так, например, у Ивана Вишенского читаем «кождыи отменным своим голосом зовомый язык, а меновите греци, арапи, северани, серби, болгаре, словяне, Москва и наша Русь»²². Здесь «Москва» как особый «язык» — народ определенно отделена от «нашей Руси». То же видим и в перечне «варварских» народов, помещенном в «Обороне верификации» Мелетия Смотрицкого: «*Czeskie, Polskie, Ruskie, Moskiewskie*»²³.

О важных изменениях этнического самосознания восточных славян, идущих в этом направлении, говорит и появление в текстах конца XVI — первой половины XVII в. таких словосочетаний, как «Малая Россия» и «Великая Россия». Истории появления в источниках термина «Малая Русь» и изменения его значений с течением времени недавно посвятил особое внимание украинский исследователь П. П. Толочко²⁴. Как справедливо отметил этот исследователь, термин «Малая Русь» появился впервые в византийских документах начала XVI в., где он обозначал территорию Галицкой митрополии, выделенной из состава общерусской митрополии Киевской. Эта «Малая Русь» практически совпадала с территорией Галицко-Волынского княжества. Затем в течение длительного времени этот термин в источниках не встречается и снова появляется лишь в конце XVI в. в сочинениях Ивана Вишенского²⁵. Как верно отметил П. П. Толочко, этот термин в первой половине XVII в. стал использоваться не только в литературных сочинениях, но и в сфере межгосударственных и церковных отношений²⁶. Так, перемышльский епископ Исайя Копинский в грамоте патриарху

Филарету от 4 декабря 1622 г. представлял себя, как «ексарха Малой России»²⁷.

По мнению П. П. Толочко в первой половине XVII в. это название относилось «до всієї колишньої Південної Русі»²⁸. Иное мнение о значении этого названия в первой половине XVII в. высказал в свое время М. С. Грушевский. По его мнению, в конце XVI — середине XVII в. это название означало «всі українські і білоруські землі»²⁹. Главным аргументом для М. С. Грушевского стал характер использования этого названия в сфере межгосударственных отношений. Как отметил исследователь, киевский митрополит Петр Могила в своих сношениях с Россией постоянно выступал с титулом митрополита «киевского, галицкого и всея Малыя России»³⁰. Очевидно, что в этих документах «Малая Россия» — это обозначение территории киевской митрополии, этническая территория восточных славян в границах Речи Посполитой. Когда в 1621 г., отъезжая из Киева, иерусалимский патриарх Феофан посылал свое благословение «всем благочестивым християном в Малой России»³¹, то он, конечно, также имел в виду всех православных киевской митрополии, а не какую-то одну их часть. К сказанному следует добавить, что и в сочинениях православных авторов конца XVI — первой половины XVII в. название «Малая Русь» употреблялось именно в том широком значении, какое установил для него на основании иных данных М. С. Грушевский. Так, в одном из своих посланий Иван Вишенский обращался к «християном Малое Росии братству Львовскому и Виленскому»³². Говоря о разделении ранее единой общерусской митрополии в середине XV в., Захарий Копыстенский отмечал в «Палинодии», что с этого времени «Россия Малая теж, то-есть Киев и Литва, также себе иного обрали»³³. В обоих указанных случаях писатели явно имели в виду отнюдь не только жителей Южной Руси.

Почти одновременно в восточнославянских текстах, возникших на почве Речи Посполитой, появилось и название «Великая Россия» для обозначения Русского государства и его населения. Как справедливо отметил П. П. Толочко³⁴, это название в указанном значении встречается уже в одном из сочинений Ивана Вишенского³⁵. Затем название встречается в сочинении 1603 г. «Вопросы и ответы православного с папезником»³⁶. В декабре 1622 г. Исайя Копинский обращался к Филарету Никитичу, как к «преосвященному патриарху Великой и Малой России и до последних Великого Океана»³⁷, очевидно, признавая тем самым право Филарета на духовное руководство православными и на территории России, и на территории Речи Посполитой. Оба названия — «Великая Россия» и «Малая Россия» — широко использовал в установившемся в первой половине XVII в. значе-

нии Захарий Копыстенский в «Палинодии»³⁸. Тогда же в написанном П. Берындой послесловии в «Постной триоди» 1627 г. появился и термин — «великороссии» для обозначения живущего в «Великой России» народа³⁹. Распространение этих названий также есть все основания рассматривать, как одно из существенных проявлений представлений о том, что восточные славяне на территории России и на территории Речи Посполитой представляют собой два разных общества и два разных народа.

Все эти свидетельства отражают перемены в самосознании восточных славян на территории Речи Посполитой, однако, как увидим далее, в источниках первой половины XVII в. можно обнаружить очевидные следы аналогичных процессов и на почве Московской Руси.

Важной особенностью этнических представлений восточных славян в первой половине XVII в., как верно отметил А. В. Соловьев⁴⁰, было то, что два народа, живущие в «Малой» и «Великой» России, воспринимались как две тесно связанные между собой части некоего общего целого. Это особенно сильно и заметно проявляется в произведениях православных авторов. Так, в протестации 1621 г. епископы киевской митрополии во главе с митрополитом Иовом Борецким заявляли, что с Москвой православных в Речи Посполитой объединяет не только общая вера, но и «ieden rodzay, jezyk, obyczaje»⁴¹. Представление о тесной связи двух народов получило яркое отражение в грамоте Иова Борецкого царю Михаилу от 24 августа 1624 г.⁴² Отношения двух народов были уподоблены в ней отношениям библейского Иосифа и его «единоутробного» брата Вениамина. В последних словах грамоты содержалась просьба о помощи «российского ти племени едноутробных людем державы ти и твоему самому царскому величеству». Захария Копыстенский, одним из первых широко использовавший названия «Великая» и «Малая» Россия, рассматривал росов, живущих в этих странах, как две части «Яфето-Росского поколенья»⁴³. В этой связи заслуживает быть отмеченным и свидетельство Густынской летописи, что славяне, расселившиеся на территории Восточной Европы «различно презывахуся... яко же и ныне Москва, Белая Русь, Волынь, Подолля, Украина, Подгоря и проч. Но обаче аще и различие есть во именовании волостям, но вестно есть всем, яко все единокровны и единораслы, сем бо суть и ныне все общеединым именем Русь нарицаются»⁴⁴. В такую совокупность воззрений хорошо вписывается и известные слова Богдана Хмельницкого, обращенные к русскому посланцу Г. Унковскому: «от Владимира святого крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством и имели одну власть, а отлучили нас неправдою и насилием лукавые ляхи»⁴⁵.

Для выяснения полной картины воззрений восточнославянского общества в Речи Посполитой на восточных славян, живущих в Московии, более показательными представляются свидетельства, исходящие от иерархов униатской церкви. Очень интересный материал по этому вопросу содержится в двух записках митрополита Иосифа Рутского, направленных в Рим в 20-х гг. XVII в.⁴⁶ В этих записках Рутский разъяснял своим римским патронам, что «Russia» — это не только Волынь, Подолия и другие восточнославянские земли Речи Посполитой, но и «ipsum Imperium Moscoviticum», и в прошлом вся эта Русь подчинялась киевскому митрополиту. Жители Московии называют русских из Речи Посполитой «своими братьями». Литературный язык у них совершенно одинаков, а разговорный отличается, как язык жителей Рима от языка жителей Бергамо. Таким образом, и для взглядов униатской среды было характерно представление о близком родстве двух частей восточных славян и что обе они являются частями одного целого — Руси.

Подводя итоги, можно констатировать, что процесс этнической дифференциации между восточными славянами в Речи Посполитой и в России в конце XVI — первой половине XVII в. зашел достаточно глубоко, но было еще далеко до его окончательного завершения, представления о единстве всех восточных славян, как особой этнической общности продолжали занимать значительное место⁴⁷.

Неудивительно, что вхождение территорий созданного в результате народно-освободительной войны на восточнославянских землях Речи Посполитой гетманства в состав Русского государства (после решений Переяславской рады 1654 г.) было воспринято обеими сторонами как восстановление прежнего единства, как воссоединение отдельных частей Руси, ранее разделенных политическими границами. Мотив восстановления прежнего единства, существовавшего некогда во времена Владимира, достаточно ясно звучал в посланиях и речах представителей обеих сторон, относившихся ко времени перехода гетманства под власть царя Алексея Михайловича. В речи при вручении Богдану Хмельницкому царского знамени русский посол говорил о промысле божьем, направившем ход событий так, чтобы «якоже во времена благоверного царя Владимира и прочих его наследников бысть тако, через ваше тцание соединити»⁴⁸. Тогда же он говорил, что царь принимает под свою власть Киев, «царского своего орла некогда гнездо сущии»⁴⁹. О возвращении времен Владимира говорили в беседе с послом Выговский и Хмельницкий⁵⁰. В своем послании царю в июне 1654 г. игумен Михайловского монастыря в Киеве Феодосий Васильевич писал: «Воздвигнул в нынешнее радостное лето от многих лет усопшаго великого равноаностольнаго князя российс-

каго святого Владимира ... возвел погребенную российского рода честь и славу»⁵¹. Нежинский протопоп Максим Филимонович в речи перед царем 27 сентября 1654 г. также восхвалял божий промысел, который побудил царя «дабы расточенных сынов русских злохитрием лятцким воедино собрал, разделенных составов тело русского великого княжения совокупил, ... дабы преславное имя русское в Малороссии уничтоженно и гноищем насилствования лятцкого погребенное воскресил и в первое достояние привел»⁵². Даже такой противник переяславских решений, как митрополит Сильвестр Косов, встречая в Киеве русских послов, заявил: «вашим пришествием обновитца, яко орлу, юность наследия благочестивых великих князей руских»⁵³.

Все эти высказывания, отражавшие официальную, общепринятую точку зрения на происшедшие события, показывают, что в середине XVII в. представление о единстве всех восточных славян, несмотря на сознание существования серьезных различий между «Великой» и «Малой» Россией, продолжало занимать видное место в их общественном сознании.

Ирония истории состояла в том, что в то время, когда политические события способствовали оживлению этого традиционного представления, перемены, связанные с установлением в гетманстве особого казацкого строя, привели к тому, что различия между общественным строем этого политического образования и общественным строем Русского государства оказались еще более глубокими и значительными, чем различия между общественным строем России и Речи Посполитой. В итоге в ближайшие десятилетия после Переяславской рады представление о единстве восточных славян должно было подвергнуться суровому испытанию в условиях контактов в границах одного государства представителей двух восточнославянских обществ, очень различных по своей социальной структуре, обладавших к середине XVII в. разными культурно-историческими традициями, сложившимися за предшествующие столетия раздельного существования.

Десятки разнообразных источников XV—XVI вв. свидетельствуют о том, что восточные славяне в границах держав Ягеллонов, а затем Речи Посполитой считали себя единой этнической общностью — «русским» народом, называли себя «русскими» или «русинами», а свой язык «русской мовой»⁵⁴.

Для целого ряда исследователей конец XVI — первая половина XVII в. представляется как период уже заметной этнической дифференциации между предками украинцев и белорусов. Как одно из важных проявлений такой дифференциации исследователи оценивают появление и распространение в этот период названий «Малая» и «Белая» Россия для обозначения этнической территории украинцев и

белорусов. Ошибочность такой трактовки значения названия «Малая Россия» применительно к первой половине XVII в. была показана выше. Более сложная картина вырисовывается при изучении источников, содержащих упоминания названия «Белая Русь» и производных от него.

Сравнительно недавно один из исследователей истории средневековой Белоруссии на Западе достаточно категорично заявил, что этот термин в XVI и первой половине XVII в. «зусім ня быу пашыраны у нашом народзе» и встречается в этот период преимущественно в источниках московского (великорусского) происхождения⁵⁵. По отношению к первой половине XVII в. с этим определенно нельзя согласиться. Действительно, как выяснил в обстоятельном исследовании А. В. Соловьев, в источниках XVI в. «Белой Русью» обычно называли Русское государство (Московию)⁵⁶. Так обстоит дело еще и в «Описании Европейской Сарматии» А. Гваньини. Москва для него — «caput et metropolis totius Russiae albae»⁵⁷. Однако, как установил А. В. Соловьев, в польском переводе этого сочинения, датированном 1611 г., упоминается Белая Русь, находящаяся «okolo Kijewa, Mozera, Mścisławia, Witebska, Orszy, Plocka, Smolenska i ziemi Siewierskiej»⁵⁸. Как одна из областей Речи Посполитой, где происходит борьба между униатами и православными, «Белая Русь» постоянно упоминается в полемических сочинениях 20-х гг. XVII в.⁵⁹ Границы территории, которая определялась этим названием, позволяет наиболее точно установить анализ так называемой «Суппликации» — обращения православных к сейму 1623 г., в котором помещен большой перечень городов в разных частях Речи Посполитой, где православные подвергались преследованиям⁶⁰. Как находящиеся «на Белой Руси», в документе названы города Полоцк, Витебск, Могилев, Орша и Мстиславль⁶¹. Такие города, как Слоним, Брест, Кобрин, Минск, Новогрудок, Гродно, определены как находящиеся в Литве. Пинск и Мозырь — на Полесье, Кричев и Гомель «на Понизовье», Бельск и Драгичин «на Подляшье». Очевидно, что названием «Белая Русь» обозначалась в то время лишь территория современной Восточной Белоруссии, и само это название было областным, употреблявшимся в одном ряду с такими названиями, как «Волынь», «Подолія», «Полесье». Отметив такие особенности использования этого названия, современные белорусские этнографы пришли, как представляется, к правильному выводу, что этот термин первоначально вовсе не был названием страны, заселенной особым восточнославянским этносом⁶². В дальнейшем, однако, по их мнению, это название стало насыщаться этническим содержанием. В этой связи отмечается появление в источниках наряду с названием «Белая Русь» термина «бе-

лорусцы» таких выражений, как «белорусский язык» и «белорусская вера»⁶³.

Однако, если термин «Белая Русь» как обозначение части этнической территории будущей Белоруссии встречается в источниках, возникших на территории Речи Посполитой, то термин «белорусцы» для первой половины XVII в. известен исключительно по документам из архивов московских приказов. Уже это обстоятельство не позволяет ставить оба эти термина в прямую и непосредственную связь друг с другом.

Уже А. Потембня, анализируя русские документы 20-х гг. XVII в., где содержались упоминания о «белорусцах», установил, что наряду с жителями современной Белоруссии этим термином в них неоднократно обозначаются жители современной Украины: «свели, де, его в Киевской повет, жил у белорусца», «родина, де, ся в Белой Руси в Хвастове» и др.⁶⁴ Обращение к неопубликованным архивным материалам позволяет значительно увеличить количество таких примеров. Из них наиболее выразительны те, где Киев определяется как город, где живут «белорусцы»: «а в Киеве, де, только у белорусцов служба в Печерском монастыре», «а веры де, крестьянские в Киеве и по иным городом, где живут белорусцы, ещо не отымают»⁶⁵. Из этого следует со всей определенностью, что никакой связи между термином «Белая Русь», о котором речь была выше, и термином «белорусцы» русских источников не прослеживается.

Попытка определить значение термина «белорусцы» была предпринята М. С. Грушевским, который пришел к выводу, что в русских источниках этим термином определяли восточнославянское население Речи Посполитой⁶⁶. Такой вывод исследователя находит прямое подтверждение в одном из самых ранних текстов, содержащих упоминание этого термина, — решениях церковного собора 1620 г. («Указ, како изыскивати и о самех белорусцах»)⁶⁷, где этот термин явно обозначает всю совокупность восточных славян, живущих в Речи Посполитой. В том же значении употребляется этот термин и в середине XVII в. в сообщениях русского гонца Г. Кунакова о ситуации, сложившейся в Речи Посполитой после восстания Б. Хмельницкого (июль 1649 г.): «А белорусцы, де, государь, всякие черные люди всех городов и уездов, которые за казаками, стоят против поляков с казаки заодно, а которые, де, государь, белорусцы в литовских городех поветныи люди, и те, де, неволею слупают Литвы»⁶⁸. Здесь, как видим, «белорусцами» названы и жители тех земель Украины, которые оказались под властью казаков, и жители восточнославянских территорий в составе Великого княжества Литовского. В соответствии с этим и название «Белая Русь» великорусских источников первой половины XVII в.,

как отметил также М. С. Грушевский, означает совсем не то, что то же название в источниках, возникших на почве Речи Посполитой. «Белая Русь» — здесь означает совокупность восточнославянских земель в составе Речи Посполитой. Именно в таком контексте следует понимать высказывание Богдана Хмельницкого в его беседе с Г. Унковским весной 1649 г. (в редакции, приданной им русским дипломатом), что ему «бог повелел над Войском Запорожским и над Белой Русью в войне сей начальником быти» и что ему нужен такой мир с Речью Посполитой, чтобы «уступили бы мне и войску Запорожскому всей Белой Руси по тем границам, как владели благочестивые великие князи»⁶⁹. В этом смысле следует понимать и часто встречающееся в великорусских источниках выражение «белорусская вера». Уже из самых ранних свидетельств, в которых это выражение содержится, очевидно, что «белорусская вера» — это вера запорожских казаков, готовых отстаивать ее всеми силами⁷⁰.

Появление в русских источниках первой половины XVII в. таких терминов как «Белая Русь», «белорусцы», «белорусская вера» для обозначения территории, занимаемой восточными славянами в Речи Посполитой, проживающего на этих территориях населения, его веры, как представляется, являются важным свидетельством того, что и на русской стороне ностепенно (возможно, отчасти стихийно) стали отдавать себе отчет в том, что восточные славяне на территории Речи Посполитой представляют особую общность, отличную от русского (великорусского) народа⁷¹. И в этом смысле анализ содержания всех этих выражений дополнительно подкрепляет сформулированный выше вывод о том, что в первой половине XVII в. постепенно укореняется представление о восточных славянах в России и Речи Посполитой, как двух особых, хотя и близко родственных народах. Однако ни о каких процессах этнической дифференциации в среде восточных славян на территории Речи Посполитой появление этих терминов в русских источниках свидетельствовать не может. В свете сказанного нет никаких оснований считать название «Белая Русь» в источниках, возникших на территории Речи Посполитой, чем-либо большим, чем «областным» названием. Таким образом, в нашем распоряжении, по существу, нет каких-либо очевидных свидетельств серьезной этнической дифференциации в среде восточных славян на почве Речи Посполитой.

Тем самым есть самые серьезные основания ставить вопрос о том, что усиление этнического самосознания восточнославянского населения Речи Посполитой, очевидно нашедшее свое выражение, в частности, в памятниках, возникших в ходе борьбы вокруг Брестской унии 1596 г., было усилением сознания принадлежности к единой этнической общности — «русскому» народу на территории Речи Пр-

сполитой. Соответственно и целью освободительного движения и, в частности, организаторов казацких восстаний было освобождение от власти «ляхов» всего этого «русского» народа, и лишь в силу конкретно-исторических условий и этн восстания, и возникшее в середине XVII в. новое политическое образование — гетманство оказались ограничены рамками земель Восточной Украины.

Создание на этих территориях нового государства со своеобразным общественным строем, в ряде отношений резко отличным от того, который сохранился на других восточнославянских землях Речи Посполитой, и стало, как представляется, толчком к развитию процессов этнической дифференциации на почве ранее единого «русского» народа. Развитие этого процесса нашло свое выражение, в частности, в переосмыслении содержания ряда традиционных терминов. Так, термин «Малая Россия», обозначавший в первой половине XVII в. всю совокупность восточнославянских земель Речи Посполитой, во второй половине XVII в. становится названием казацкой державы, а название «Белая Русь» устойчиво закрепляется за восточнославянскими землями в составе Великого княжества Литовского (в сочинениях как русских, так и польских авторов)⁷². Тем самым во второй половине XVII в. оба эти названия стали употребляться как равновеликие обозначения разных регионов восточнославянской этнической территории.

Сложившаяся к 60-м гг. XVII в. совокупность названий отдельных регионов восточнославянского мира получила, как известно, четкое выражение в написанном в эти годы беглым подьячим Посольского приказа Григорием Котошихиным по заказу шведских властей описании России. Говоря о принятии Алексеем Михайловичем нового титула «всеа Великия и Малыя и Бelyя России самодержец» Котошихин отметил, что это произошло «как учинились в вечном подданстве Малая Россия, войско Запорожское, Великою Россиею прозвано Московское государство, Белая Россия — белорусцы, которые живут около Смоленска и Полотцка и в иных городех»⁷³. В этой цитате обращает на себя внимание прямое отождествление Малой России с Запорожским войском, что еще раз разъясняет характер различия между «Малой Россией» и «Белой Русью», как между областью казацких порядков и областью, в которой таких порядков не было. Исторические пути развития отдельных частей восточных славян на территории Речи Посполитой расходились так же, как разошлись некогда пути развития восточных славян на территории России и Речи Посполитой. Тем самым и здесь с середины XVII в. закладывались предпосылки для разделения ранее единого «русского народа» на несколько этнических общностей.

Примечания

¹ Седов В. В. К происхождению белорусов (Проблема балтского субстрата в этногенезе белорусов) // Советская этнография, 1967, № 2; Его же. Еще раз о происхождении белорусов // Советская этнография, 1969, № 1; Его же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 163, М., 1970.

² См. вполне логичное при рассмотрении вопроса в такой плоскости утверждение, что «национальная дифференциация восточных славян... возникла уже в VII и VIII веках» (Chirovsky N. F. An introduction to Russian history. New York, 1967. P. 15).

³ Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии. Новая концепция. Минск, 1991. С. 31 и Сл. 114 и Сл.

⁴ Хорошо известные различия погребальной обрядности заставляют ставить вопрос и о заметных различиях в духовной культуре разных частей восточнославянского мира.

⁵ См. в особенности соображения А. А. Зализняка об отсутствии общей языковой основы у восточнославянских диалектов — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 45—46, 134—135.

⁶ См., например, Исаевич Я. Д. Проблема походження українського народу: Історіографічний і політичний аспект // Исаевич Я. Д. Україна давня і нова. Народ, релігія, культура. Львів, 1996. С. 34—36.

⁷ См. подробнее об этом Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 120—123.

⁸ Памятники русского права. Вып. 2, М., 1953. С. 58 и Сл. С. 63.

⁹ Acta Tomiciana. T. III. Posnaniae, 1853. S. 10 i n.

¹⁰ Jost Ludwik Decjus z Księgi o czasach króla Zygmunta. Warszawa, 1960. S. 85.

¹¹ Acta Tomiciana. T. III. S. 178. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М., 1936. С. 116.

¹² Обширный материал о проявлениях такого патриотизма собран в недавно вышедшей книге М. М. Крома (Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1955).

¹³ Меховский М. Трактат... С. 192.

¹⁴ Исползован польский перевод 1611 г. Kromer M. Kronika polska. Sanok, 1857. S. 29—30.

¹⁵ Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906. S. 365.

¹⁶ Ibid. S. 52.

¹⁷ Gwagnin A. Sarmatae Europae Descriptio. Spirae, 1581. F. 39 V. 78, 83 (жители Белозерской земли ранее говорили на особом языке, но теперь «fere omnes Ruthenice loquuntur») 92 v.

¹⁸ Strykowski M. O początkach wywodach i dzielnościach sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego żemoydzkiego i ruskiego. Warszawa, 1978. S. 151.

¹⁹ Strykowski M. Op. cit. S. 182, 529, 276.

²⁰ «Бо а хто ж не ведае, як великое грубиянство, упор и забобоны есть в народе московском» — Русская историческая библиотека (далее РИБ). Т. 19. СПб., 1903. Стб. 1017.

²¹ Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7. Киев, 1892. С. 452.

²² Иван Вишенский. Сочинения. М.-Л., 1955. С. 58.

²³ Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7. С. 411.

- ²⁴ Толочко П. П. Русь — Мала Русь — русский народ у другій половині XIII—XVII ст. // Київська старовина, 1993. № 3.
- ²⁵ Толочко П. П. Указ. соч. С. 7. Иван Вишенский. Сочинения... С. 7, 39, 178.
- ²⁶ Толочко П. П. Указ. соч. С. 8.
- ²⁷ Воссоединение Украины с Россией (далее — Воссоединение...) Документы и материалы. Т. 1. М., 1954. № 15.
- ²⁸ Толочко П. П. Указ соч. С. 7—8.
- ²⁹ Грушевський М. С. Велика, Мала і Біла Русь. // Український світ. 1992. № 2. С. 30 (переиздание работы 1917 г.).
- ³⁰ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 3. СПб., 1861. № 18, 60, 66, 74. Эту же титулатуру использовал и его преемник Сильвестр Косов (Там же № 261). Как митрополит «Малой России» Петр Могила выступает и в подписи на грамоте константинопольского патриарха Парфения с осуждением «Исповедания» Кирилла Лукариса — Макарий (Булгаков) История русской церкви. Т. 11. М., 1881. С. 577.
- ³¹ Максимович М. А. Собрание сочинений. Т. 2. Киев, 1877. С. 308.
- ³² Иван Вишенский. Сочинения... С. 139.
- ³³ РИБ. Т. 4. СПб., 1878. Стб. 1030.
- ³⁴ Толочко П. П. Указ. соч. С. 6.
- ³⁵ Иван Вишенский. Сочинения... С. 192.
- ³⁶ РИБ. Т. 7. СПб., 1882. Стб. 9.
- ³⁷ Воссоединение... Т. 1. № 15.
- ³⁸ РИБ. Т. 4. Стб. 811, 849, 863, 1030, 1110, 1158 (тот же титул Филарета).
- ³⁹ Оправдываясь в том, что он перевел текст Синаксаря на «простой», народный язык П. Берында писал: «сему, я не пререкуете великороссии, болгарии и сѣрби и прочии подобнии нам в православии» — Титов Ф. И. Матеріали до історії книжної справи на Україні в XVI—XVII вв. Київ, 1924. С. 179.
- ⁴⁰ Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории, 1947, № 6.
- ⁴¹ Жукович П. Н. Протестация Иова Борецкого и других западно-русских иерархов, сост. 28 апреля 1621 г. // Статьи по славяноведению. Т. III. СПб., 1910. С. 143.
- ⁴² Воссоединение... Т. 1. № 22.
- ⁴³ РИБ. Т. 4. Стб. 1110. См. также Толочко П. П. Указ. соч. С. 7. Следует отметить, что в перечне «православных» народов, помещенном в предисловии Захарии Копытского к Беседам Иоанна Златоуста на Деяния Апостольские в издании 1623 г., «Иафетово племя Россове» выступает как единый народ. — Титов Ф. И. Матеріали... С. 102.
- ⁴⁴ Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1843. С. 236.
- ⁴⁵ Воссоединение... Т. II. М., 1954. С. 152.
- ⁴⁶ Epistolae Josephi Velamin Rutzkyj metropolitae kiovensis catholici (1613—1637). Romae, 1956. N 58. S. 112. Шмурло Е. Ф. Римская курия на православном Востоке в 1609—1654 гг. Прага, 1928. Прил. № 2(13). С. 27.
- ⁴⁷ Ср. соображения П. П. Толочко. Указ. соч. С. 13.
- ⁴⁸ Воссоединение... Т. III, М., 1954. С. 467.
- ⁴⁹ Там же. С. 468.
- ⁵⁰ Там же. С. 460: «милость де, божия над нами, яко же древле при великом князи Владимире».
- ⁵¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 10. СПб., 1878. Стб. 723.
- ⁵² Там же. Т. 14. СПб., 1889. С. 175.
- ⁵³ Воссоединение... Т. III. С. 478.
- ⁵⁴ Богатый материал на эту тему собран в цитировавшейся неоднократно статье П. П. Толочко (Указ. соч. С. 9—11). Автор последовательно говорит об использовании этих терминов населением Южной Руси, но даже среди приве-

денных им свидетельств имеются такие, как Протестация 1621 г. или акт избрания Петра Могилы киевским митрополитом, которые совершенно явно имеют в виду все восточнославянское население Речи Посполитой и количество таких примеров легко умножить. В равной мере и приведенные П. П. Толочко свидетельства иностранцев (С. Герберштейна, А. Гваньини и др.) относятся ко всему восточнославянскому населению Речи Посполитой.

⁵⁵ Урбан П. У сьвятле гістарычных фактаў. Мюнхен-Нью-Йорк, 1972. С. 66—67.

⁵⁶ Soloviev A. V. Weiss, Schwartz und Rotreussen // Soloviev A. V. Byzance et la formation de l'état russe. London, 1979. P. 16—20.

⁵⁷ Gwagnin A. Sarmatiae Europae descriptio... F. 78 V.

⁵⁸ Цит по: Soloviev A. V. Op. cit. P. 23.

⁵⁹ Архив Юго-Западной России. Ч. 1. Т. 7. С. 459, 527. Ч. 1. Т. 8. Вып. 1. Киев, 1914. С. 601.

⁶⁰ Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношение к России и Польше, СПб., 1865. С. 292.

⁶¹ Эти же города называет «местами белорусскими» в своей «Палинодии» Захарий Копыстенский — РИБ. Т. 4. Стб. 1065.

⁶² Чаквин И. В. Терешкович П. В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV — начало XX в.) — Советская этнография. 1990. № 6. С. 44.

⁶³ Там же. Как явное недоразумение, следует расценить рассуждения М. Ф. Пилипенко о значениях термина «белорусцы» в XIII—XIV вв. (Пилипенко М. Ф. Указ. соч. С. 107). В источниках XIII—XIV вв. этот термин вообще не встречается.

⁶⁴ Потебня А. А. Этимологические заметки // Живая старина. Вып. 3. СПб, 1891. С. 118—119.

⁶⁵ Российский государственный архив древних актов в Москве (далее — РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Приказной стол. Стб. 40. Л. 239. (1631 г.) Белградский стол. Стб. 54. Л. 139 (1636 г.).

⁶⁶ Грушевский М. С. Велика, Мала і Біла Русь.... С. 31.

⁶⁷ Опаріна Т. Сприняття унії в Росії XVII ст. Держава, суспільство і Церква в Україні у XVII ст. Львів, 1996. С. 140—141.

⁶⁸ Воссоединение... Т. II. № 95. С. 216.

⁶⁹ Воссоединение... Т. II. № 59. С. 152. Ср. слова, сказанные Хмельницким в начале 1649 г. на переговорах с комиссарами Речи Посполитой «wybiju z laskoi niewolej narod weś ruski» (Воссоединение... Т. II. № 47. С. 107).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 3. «А запорожские де, черкасы посылали на сойм к королю, чтоб их белорусские веры король не велел нарушать» (1623 г.).

⁷¹ В этом же ряду следует отметить и появление в русских документах, начиная с 30-х гг. XVII в. термина «хохлачи» первоначально для обозначения запорожских казаков (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 64. Л. 46 — наиболее раннее упоминание).

⁷² О переосмыслении значения терминов «Малая» и «Белая» Русь в московской среде в связи с событиями сер. 50-х гг. XVII в. см. Грушевский М. С. Велика, Мала і Біла Русь... О значениях термина «Белая Русь» в польскоязычных текстах середины второй половины XVII в. см. Soloviev A. V. Weiss, Schwartz und Rotreussen... P. 24—25. Пилипенко М. Ф. Возникновение Белоруссии... С. 105—106.

⁷³ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 126.

Николай Котляр

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ И ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI — НАЧАЛО XII ВЕКА)

Последовавшая 20 февраля 1054 г. кончина Ярослава Мудрого имела далеко идущие последствия для процессов развития древнерусской государственности. Его «ряд» — завещание сыновьям — отражен в летописи под тем же 1054 г. Вряд ли этот документ попал в летописи в первоизданном виде. Наибольшего доверия заслуживает текст, вписанный в «Повесть временных лет».

Обращаясь к сыновьям, Ярослав молвил: «Се же поручаю в собе место старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу Киев; сего же послушайте мене, якоже послушаете мене... А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимер, а Вячеславу Смолинеск»¹. Краткий летописец, сопровождающий текст Новгородской Первой летописи конкретизирует картину земельных пожалований Ярослава детям: «И разделиша землю: и пзя вятши (больше других — *Н. К.*) Изяслав — Киев и Новгород и ины города многы Киевския в пределех (Киевской земли (*Н. К.*); а Святослав — Чернигов и всю страну Вьсточную и до Мурوما; а Всеволод — Переяславль, Ростов, Суждаль, Белоозеро, Поволожье»².

До сих пор историки спорят относительно вклада Ярославова ряда в изменение политической организации, характера и формы власти на Руси. Одни считали, что он не внес ничего в нее нового, отразив родо-патриархальные отношения в княжеском роде и государстве, и вообще был обращен в прошлое³. Другие — что ряд установил порядок родового старейшинства в замещении княжеских столов и основал систему сюзеренитета-вассалитета в правящем классе⁴. Второе мнение разделяется и мною.

Вместе с тем, отсутствие полного и аутентичного текста ряда в источниках, обобщенность и недостаточная конкретность передачи его в различных летописях лишает последователей возможности уверенно очертить статус старшего Ярославича в Киеве после смерти отца. Возможно, как раз слова «поручаю в собе место стол старейшему сыну своему...», по мнению самого Ярослава, и определили его как единовластного правителя Руси (правда, тогда остается непонятным, поче-

му киевский князь считал возможным выделить земли каждому из его младших братьев). Не исключено, что приведенные только что слова были конкретизированы Ярославом в самом акте ряда, оставшемся неизвестным науке.

По моему мнению, ряд 1054 г. был для своего времени новаторским документом, впервые установившим порядок престолонаследия на Руси⁵. Его неординарность, а также недостаточная очерченность статуса старшего сына (насколько можно судить по известным текстам) привели, вероятно, к тому, что политическая жизнь Руси после смерти Ярослава пошла по иному руслу, чем он, по всей вероятности, предусматривал.

Прежде всего, Святослав и Всеволод не пожелали признать Изяслава своим сюзереном. Если исходить из относительно подробно отраженного в летописи жизненного пути старшего Ярославича, то он не имел ни государственных талантов, ни твердого характера, чтобы провести ряд в жизнь. Поэтому, наверное, он вынужден был согласиться на общее с двумя младшими братьями правление в Древнерусском государстве.

Может показаться парадоксальным следующее утверждение: значение завещания Ярослава, — при том, что сыновья не соблюли главного его условия: замещения столов по принципу родового старейшинства, — состояло в том, что со времени его провозглашения стало возможным изменение формы государственной власти на Руси: на смену единовластному правлению киевского князя пришел триумвират его старших сыновей.

Кажется, сам термин «триумвират Ярославичей» ввел в науку А. Е. Пресняков⁶. Летописец его не знает, пользуясь, впрочем, тождественным по смыслу понятием: «трие» — «Заратися Всеслав, сын Брячиславль, Полочъске, и зая Новгород. Ярославичи же трие — Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, иде на Всеслава»⁷. Можно допустить, что трое старших Ярославичей заключили между собой письменное соглашение о совместном управлении Русью.

Летописи сохранили немало косвенных свидетельств того, что триумвират сложился не случайно, а благодаря договору между Изяславом, Святославом и Всеволодом. Они почти двадцать лет совместно вершили делами Древнерусского государства. Двух младших братьев триумвиры отстранили от руководства страной, а после их смерти — Вячеслава в 1057 г., Игоря — в 1060-м, — присвоили их владения себе. Взрослые сыновья умерших не получили от дядей ничего. Это посеяло зерна больших усобиц на Руси, которые проросли двумя десятилетиями позже. Внешне, казалось бы, объединенное государство

Ярославичей в действительности было недостаточно целостным. Достаточно было первого сильного внешнего толчка, чтобы зашаталась триумвиратная форма правления. Им стало нашествие половецкой орды, поражение в битве с ней Ярославичей на реке Альте и последовавшее затем восстание киевлян против Изяслава в 1068 г.

Триумвират тогда дал серьезную трещину, и последующие пять лет существовал как бы по инерции. В 1073 г. Святослав и Всеволод изгнали Изяслава из Киева и стали вдвоем править Русью. Несторова летопись безоговорочно отдает инициативу Святославу: он «же бе начало выгнанию братню, желая большее власти; Всеволода бо прелести»⁸. Сместив с киевского стола старшего брата, Святослав завладел большей частью территории государства и по масштабу владений и материальным ресурсам решительно превосходил Всеволода, играя первую скрипку в дуумвирате. Так на обломках триумвирата Ярославичей возник дуумвират Святослав-Всеволод с явной тенденцией трансформации в единоличную монархию первого, чему помешала только его преждевременная смерть в декабре 1076 г.

Триумвират Ярославичей сложился вследствие взаимодействия объективного (правовая нечеткость ряда Ярослава) и субъективного (неспособность Изяслава единолично руководить страной) факторов. Он оказался нестойкой и мало подходящей для управления государством структурой. Триумвират не смог обеспечить ни единства страны, ни целенаправленной и единодушной внутренней и внешней политики, ни даже защиты государства от кочевников южных степей. И поэтому установление в октябре 1078 г. единоличной власти даже такого заурядного правителя, каким оказался Всеволод Ярославич, было, наверное, воспринято в обществе как возвращение к старым добрым порядкам.

Да и сам Всеволод Ярославич вовсе не стремился стать киевским князем. Заняв 1 января 1077 г. киевский стол после смерти Святослава, он весной того же года добровольно уступил Киев и великое княжение вернувшемуся из Польши Изяславу. И только гибель Изяслава в кровавой битве с изгоями Борисом Вячеславичем и Олегом Святославичем на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г. сделала Всеволода единоличным правителем Древнерусского государства.

Уже беглое чтение летописных известий конца 70-х — начала 90-х годов XI в. оставляет впечатление, что реставрация единоличной монархии на Руси благодаря вокняжению Всеволода в Киеве была во многом формальной и внешней. Между тем, в историографии распространено мнение, будто бы во времена Всеволода Русь представляла собой единоличную монархию. Правда, часть историков отмечала огра-

нический характер единовластия Всеволода⁹. Скептически смотрел на единоличность правления Всеволода на Руси М. С. Грушевский¹⁰.

Эта несогласованность в оценках историками самого характера власти Всеволода и формы правления в Древнерусском государстве его времени вытекает из лаконичности, отрывочности, неполноты и, временами, противоречивости свидетельств «Повести временных лет» и других летописей. Однако лишь эти источники при всех их недостатках могут составить фундамент построения концепции формы древнерусской государственности времен Всеволода — разумеется, при корректном их толковании и использовании.

С самого начала своего княжения в Киеве Всеволод не сумел зарекомендовать себя самодержавным властелином. Он то подавляет силой выступления изговы и даже ссылает Олега Святославича в Царьград, то уступает им или делает вид, что не замечает их действий, направленных против него, киевского князя. Прав был М. С. Грушевский, когда остроумно заметил: «Все пятнадцатилетнее княжение Всеволода в Киеве пошло лишь на то, чтобы защитить собранные земли, отбиться от лишенных земель князей, так называемых в истории князей-изгоев»¹¹.

Трудно ответить на вопрос: чем была вызвана непоследовательность Всеволода в деле объединения и централизации государства, соответственно — удерживания в послушании всех князей Ярославичей. В определенной степени она, вероятно, объясняется его мягким, уступчивым характером, явным нежеланием прибегать к силе как раз тогда, когда без ее применения было не обойтись. Но у него был старший сын — Владимир Мономах, которому было не занимать ни государственного ума, ни решительности, ни военной мощи, ни полководческого таланта. И Всеволод чуть ли не с первых дней своего киевского княжения перепоручает Владимиру основные дела государства. Он правил совместно с Владимиром. Таким образом, на Руси в 1078—1093 гг. власть принадлежала своеобразному дуумвирату — отца и сына. Вероятно, «нечто», неподвластное ни Всеволоду, ни даже Владимиру Мономаху, мешало держать твердой рукой изгоев в покорности, сплачивая тем самым государство.

Это «нечто», по моему мнению, лежало в области феодального права. Ведь правовое поле Ярослава ряда 1054 г. в сфере престолонаследования и земельных владений было ограничено единственным, следующим поколением Рюриковичей, т. е. пятью сыновьями князя. Даже старший и уже взрослый внук Ярослава Ростислав Владимирович не был внесен в завещание (хотя нет уверенности в том, что ряд дошел до нас в первоизданном виде, приходится исходить из

текста, вписанного в летописи). Это создавало неразбериху и трудности в замещении столов младшими поколениями Ярославичей.

Когда 13 апреля 1093 г. в Киеве умер Всеволод, перед его старшим сыном Владимиром, формально княжившим тогда в Чернигове, а фактически постоянно находившимся в Киеве возле отца, открылся путь к киевскому престолу. Путь, построенный на отчинном порядке замещения столов, который так упрямо и отчаянно отстаивали изгои и, вероятно, сумели утвердить его в правосознании какой-то части феодалов. Но Мономах поступил иначе. По свидетельству летописи, «Володимер нача размышляти, река: «Аще сяду на столе отца своего, то имам рать со Святополком взяти, яко есть стол прежде отца его был»¹². Обычно историки рассматривают этот текст как доказательство признания Мономахом отчинного порядка замещения столов¹³. Но если это так, то почему же сам он не воспользовался этим порядком и не сел в Киеве, — тем более, что в княжение отца долгое время был фактическим правителем Руси?! В. О. Ключевский резонно заметил, что Мономах не хотел занимать стол, принадлежавший его старшему двоюродному брату Святополку Изяславичу — ведь в роду Ярославичей Святополк был старше Мономаха¹⁴.

М. С. Грушевский полагал, будто Владимир Всеволодич трезво взвесил шансы: мол, Святополк был тогда сильнее, потому что за него стояли Ольговичи, претендовавшие на Чернигов¹⁵. Если бы Мономах сравнивал военный потенциал, свой и Святополка, то он без труда определил бы, кто сильнее. Ведь за Святополком, княжившим тогда в захолустном Турове и имевшим соответственно немногочисленную дружину, действительно стояли Ольговичи, — но не один из них не имел тогда заметных земельных владений и, естественно, большой военной силы. А за Мономахом была почти вся Русская земля: и великокняжеская многочисленная дружина Всеволода, и собственная черниговская, и киевское ополчение, и контингенты Переяславщины, Смоленщины, Волыни, северорусских земель... Нет, Мономах был решительно сильнее Святополка.

На мой взгляд, Мономах уступил Киев Святополку по двум причинам. Во-первых, он был сторонником порядка родового старейшинства в замещении княжеских столов. Во-вторых, не хотел подталкивать княжеские убоицы на Руси. Об этом говорят его же слова: «Аще сяду на столе отца своего» (тут и далее подчеркнуто мною. — Н. К.), то имам рать со Святополком», — выходит, что Владимир, помня об отчинном, выгодном для него порядке престолонаследия, понимал, что опереться на него было крайне опасно. Это могло вызвать кровавую убоицу в стране, пусть и с благоприятным для Мономаха исходом. Об уважении порядка родового старейшинства свидетельствуют, в частности, собствен-

ные слова Владимира в «Поучении»: «И на весну посади мя отец в Переяславли перед братьею»¹⁶ — в них ощущается неловкость Мономаха перед старшими в роде Ярославичей его двоюродными братьями: Изяславичами и Святославичами.

Само вокняжение Святополка в Киеве описано Нестором в духе следования старшим Изяславичем порядку рядового старейшинства: «И седе на столе отца своего и стрья (дяди по отцу. — *Н. К.*) своего»¹⁷ — книжник подчеркнул, что Святополк вокняжился на престоле, освобожденном его дядей Всеволодом, старшим в то время среди Ярославичей. Следовательно, в общественном правосознании родовой порядок продолжал жить.

Княжение Святополка Изяславича (1093—1113) началось во времена усиления натиска половецких ханов на южные окраины Руси. Потерпев неудачу в первой же войне с кочевниками в мае 1093 г., Святополк начал стремиться к объединению сил с тогдашним черниговским князем Владимиром Мономахом. Для определения характера и формы государственной власти на Руси в последующие годы представляется важным следующее сообщение летописи: «Смыслении (мужи. — *Н. К.*) же глаголаху (Святополку. — *Н. К.*): «Послился к брату своему Володимиру, да бы помогл ему. Володимер же собра вои, и помсла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помогати Святополку»¹⁸.

Обычно историки видят в действиях Святополка, начиная с весны 1093 г., лишь стремление создать дуумвират с Владимиром¹⁹. Но приведенная цитата из «Повести временных лет» дает возможность допустить, что если Святополк и думал тогда о дуумвирате, то Мономах шел дальше и стремился к возрождению триумvirата, в котором он с братом имел бы перевес над Святополком. Важно отметить, что Ростислав был тогда князем Переяславля. Поэтому, как и в триумvirате 1054 г., должны были объединиться главные князья южной Русской земли: киевский, черниговский и переяславский. Задуманный Мономахом триумvirат опирался бы на традицию сорокалетней давности. Этот новый триумvirат мог бы способствовать консолидации страны.

Святополк и Владимир с Ростиславом собрались в Киеве в Михайловском монастыре «и уладившася, целоваста крест межи собою». Уже это свидетельствует о заключении союза между тремя князьями. Но на съезде в Киеве они не достигли согласия относительно стратегической линии в отношениях с Половецкой степью: «Володимер хотяше мира, Святополк же хотяше рати». По-видимому, Мономах настаивал на выработке такой линии на ближайшие годы. По-

этому, вероятно, «пойде Святополк, и Володимеръ, и Ростислав к Треполю», где «созваша дружину свою на совет,... и начаша думати»²⁰. Так начал действовать новый триумvirат Ярославичей, уже не сыновей, а внуков Ярослава Мудрого.

Этому триумvirату суждена была недолгая жизнь. После съезда Святополка с сыновьями Всеволода возле Треполя состоялась несчастливая для Руси битва с половцами. Во время бегства, переправляясь через р. Стугну, Ростислав утонул, и Мономаху не удалось спасти брата²¹.

Вероятно, Святополку и Мономаху стало ясно, что без укрепления государственной власти, стабилизации межнажеских отношений и прекращения усобиц Руси не удастся защититься от кочевников, в то время угрожавших самому существованию Древнерусской державы. Нападение Олега Святославича с половецкой ордой на Чернигов в 1094 г., вокняжение его в этом городе и разграбление кочевниками с его разрешения Черниговской земли еще больше ухудшили позиции Киевской Руси в борьбе с Половецкой степью. С тех пор Святополк и Мономах, без сомнения, поняли, что объединяться следует не только против половцев, но и против их союзника — Олега «Гориславича». Так возник дуумvirат Святополк — Мономах, в течение почти двадцати лет правивший в Древнерусском государстве.

Начало активной деятельности дуумvirата приходится на конец февраля 1096 г. Тогда Святополк и Мономах собрались в поход в степь и «посласта к Ольгови (Святославичу. — Н. К.), веляща ему пойти на половци с собою. Олег же обещавъся с нима», однако на врага не двинулся. После возвращения из победоносного похода дуумвиры вновь пытались вынудить Олега воевать с половцами, но «Олег же сего не послуша. И бысть межи ими ненависть»²².

Стоит обратить внимание на форму призыва идти в поход, с которым обратились к Олегу Святополк и Владимир: «веляща ему пойти». Дуумвиры брали на себя ответственность за судьбы Русской земли. Наверное, уже тогда у них была возможность (и сила) отдавать приказы другим князьям, даже самому буйному и непокорному среди них — Олегу.

Дуумvirат Святополк—Мономах, направленный прежде всего против половецких ханов, другим острием был устремлен в сторону черниговских Святославичей, удерживание которых в повиновении объективно способствовало централизации и консолидации государства. Поэтому есть серьезные основания считать Киевскую Русь 1096—1113 гг. относительно объединенной монархией, но не с одним, а с двумя князьями во главе.

В течение 1096—1097 гг. дуумвиры силой оружия вынудили Олега Святославича и его братьев к покорности, не остановившись перед тем, чтобы отнять у Олега Чернигов и передать его княжение более уступчивому и спокойному младшему брату Давиду. Они провели серию княжеских съездов, на которых прилагали усилия к сплочению сил южнорусских князей против половцев (Любечский 1097 г., Витичевский 1100 г., на Золотче 1101 г. и др.). Все это позволило Святополку и Мономаху начать широкомасштабную войну против половцев, принесшую им в течение 1103—1111 гг. громкие победы и ослабившие кочевническую угрозу.

Даже неблагоприятная роль Святополка в деле ослепления Василько Теребовльского Давидом Игоревичем волынским (оно произошло в 1097 г. при содействии киевского князя), способствовавшая вспышке усобиц на Руси, не смогла разрушить дуумвират. Всеобщее возмущение, прежде всего в феодальной верхушке, заставило Святополка отмежеваться от Давида и даже вместе с Мономахом совершить в том же 1097 г. демонстративный поход против злодея²³.

Все же между дуумвирами тогда пробежал холодок. В коротких рассказах летописи о княжеских съездах 1100 и 1101 гг., на которых рассматривалась необходимость прекращения усобиц и сплочение сил против половецких ханов, не ощущается согласованности действий Святополка и Мономаха. Но уже в 1102 г. дуумвират проявил себя в полную силу: «Святополк с Володимером ряд имел, яко Новугороду (Великому. — *Н. К.*) быть Святополчю и посадити сын свой в немь, а Володимеру»²⁴ (Волынском. — *Н. К.*). Другие князья в этом ряде, разделявшем сферы власти дуумвиров, участия не приняли. С той поры и до кончины Святополка он действовал согласованно с Мономахом.

Характерным и познавательным в аспекте понимания формы государственной власти и ее глубинного характера представляется рассказ «Повести временных лет» под 1103 г.: «Бог вложи в сердце князем русским Святополку и Володимеру и снястася думати на Долобське» — следовательно, сначала дуумвиры думают вдвоем о судьбах Русской земли, а уж затем «послаша (Святополк и Владимир. — *Н. К.*) ко Ольгови и Давыдови (Святославичам. — *Н. К.*), глаголюща: «Поидите на половци!»²⁵ Вслед за ними Святополк и Мономах подняли против кочевников других князей Южной Руси.

Дуумвират Святополк Изяславич — Владимир Всеволодич действовал в течение почти двух десятков лет. Его прочности способствовали половецкая угроза и разжигание усобиц Олегом Святославичем. Но даже после укрощения Олега (1096 г.) и первых совмест-

ных удачных походов в степь, ослабивших половецкую опасность, дуумвират сохранил жизнеспособность.

Таким образом, характерной особенностью государственной власти на Руси во второй половине XI — начале XX в. было совместное правление старших членов дома Ярославичей. Оно осуществлялось в форме триумвиратов и дуумвиратов и в общем способствовало стабилизации межкняжеских отношений, прекращению усобиц и ослаблению половецкой опасности. Даже первый триумвират Ярославичей (1054—1073), невзирая на эгоизм и несогласованность действий его членов, в какой-то мере выполнял названные функции. Что же касается времен княжений в Киеве Всеволода (1078—1093) и Святополка (1093—1113), то следует признать дуумвиратную форму правления государством, отвечающей условиям времени. В частности, дуумвират Святополк — Мономах обеспечил упрочение политической и социальной жизни страны и надолго покончил с половецкой угрозой.

Примечания

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.-Л., 1950. С. 108.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 469.

³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 35, 37; Юшков С. В. Нариси з історії виникнення і початкового етапу розвитку феодалізму в Київській Русі. Київ, 1992. С. 230 и др.

⁴ Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 1. М., 1987. С. 183—184.

⁵ Летописец рассказывает, как перед смертью Ярослав Мудрый молвил любимому сыну Всеволоду: «Сыну мой!... Аже ты подасть Бого приять власть стола моего по братьи своей, с правдою, а не с насильем...» (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 142). Еще В. О. Ключевский справедливо, как мне кажется, увидел в этих словах доказательство того, что Ярославов ряд 1054 г. предусматривал передачу Киева по принципу от старшего брата к следующему по возрасту, т. е. по порядку родового старейшинства (Ключевский В. О. Указ. соч. С. 183).

⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 490. См. также: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 389.

⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 111—112.

⁸ Там же. С. 121.

⁹ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 44.

¹⁰ Грушевський М. Історія України—Руси. Львів, 1905. С. 71.

¹¹ Грушевський М. назв. праця. С. 71.

¹² Повесть временных лет. Ч. 1. С. 143.

¹³ См., напр.: Толочко П. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 34.

¹⁴ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 184.

-
- ¹⁵ Грушевский М. Назв. праця. С. 81.
¹⁶ Повесть временних лет. Ч. 1. С. 160 (1084).
¹⁷ Там же. С. 143.
¹⁸ Там же.
¹⁹ См., напр.: Пресняков А. Е. Указ соч. С. 391.
²⁰ Повесть временних лет. Ч. 1. С. 143—144.
²¹ Там же. С. 144.
²² Там же. С. 149.
²³ Там же. С. 175.
²⁴ Там же. С. 182.
²⁵ Там же. С. 183.

Лев Заборовский

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА И МОСКОВСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 1654 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переяславский акт 8 (18) января 1654 г. принадлежит к числу одного из наиболее заидеологизированных, политизированных событий истории взаимоотношений двух наших народов, международной и политической жизни в ареале XVII в. Неудивительно поэтому, что в общем процессе освобождения от мифологии советской эпохи, столь характерном для современного этапа украинской историографии, переосмысление значимости переяславских решений заняло заметное место¹. В данной связи хотелось бы высказать некоторые соображения в качестве одного из представителей российской исторической науки, занимающегося указанной проблематикой.

Начну с ряда общих моментов. В отличие от наших украинских коллег, русским историкам названного профиля нет необходимости кардинально пересматривать свои прежние мнения. Специфика развития историографии в СССР в послесталинский и особенно в «застойный» период (имею в виду, конечно, ее участок, занимающий нас сейчас) состояла в том, что в «центре» условия для ее развития были гораздо либеральнее, чем в «провинции». Сказывалась и общая атмосфера, и положительное влияние наших учителей. Маленький личный пример. Ныне мы не встретим ни одной украинской работы, где не говорилось бы об отрицательном влиянии на научную мысль известных тезисов к 300-летию воссоединения. Меж тем, автор этих строк, довольно давно занимающийся данной тематикой, никогда не знакомился с названным текстом и, соответственно, не учитывал его в своей исследовательской работе, не являясь тут каким-то исключением в круге московских историков. Разумеется, не стоит упрощать дела: укоренившиеся историографические стереотипы и мифы влияли, к примеру, на гораздо более осторожных в те времена издательских работников, а опосредствованно — на нас. Но в целом обстановка в академической науке на нашем направлении была относительно приемлемой. Иное дело в той же Украине. Тяжкие местные «инициативы», накладываясь на «линию центра», заставляли наших коллег испытывать идеологическое давление на несколько атмосфер выше, чем ощущали мы, а идеология очень легко перетекала в «оргвыводы».

Второй момент. В независимой Украине произошел вполне естественный взрыв интереса к ранее малодоступным исследованиям не только своих прежних историков, именовавшихся до того «националистическими», но и зарубежных, включая труды представителей украинской диаспоры. В освоении этого богатого наследия недостает, однако, духа здорового критицизма. Ведь посланцы западной историографии, занимавшиеся интересующими нас здесь сюжетами, далеко не всегда представляли только чистую науку, над ними также довели требования времени, а предлагаемые ими научные решения часто отличались не меньшей тенденциозностью (понятно, с противоположным знаком), чем концепции историков в СССР, и не обладали необходимой сбалансированностью. Поэтому, при всей необходимости всеобъемлющего учета и использования достижений прежней историографии, не удастся приблизиться к исторической истине на путях простого синтеза всего лучшего, наработанного предшественниками.

Третье. В ходе пересмотра современными украинскими исследователями постулатов советской историографии, касающихся освободительной войны на Украине середины XVII в., был подвергнут тотальной и во многом обоснованной критике прежний официально принятый взгляд о стремлении к воссоединению со «старшим братом», как главной пружине планов и действий казачества и его руководства с самого начала восстания, о гармонии интересов их и царского правительства и т. д. Справедливо, что все многообразие палитры событий того времени никак не втиснуть в эти узкие рамки. Взамен наши коллеги выдвинули гипотезу, согласно которой основной целью национально-освободительной войны являлось создание и закрепление независимой державы на Украине в ее этнических границах (это распространено и на деятельность последовавших за Б. М. Хмельницким гетманов). Подобный взгляд стал общеупотребительным и вошел в популярные работы и учебники², получил статус официально признанного. В современной ситуации на Украине он понятен и объясним политически и идеологически. Однако российским исследователям уже приходилось — например, в ходе совместной конференции по случаю 340-летия Переяславской рады (Москва, январь 1995)³ — высказывать своим оппонентам мнение об опасности такого чрезмерно «огосударственного» подхода для воссоздания реальной истории тех лет.

Действительно, изложенная гипотеза, вполне допустимая как рабочая, пока остается именно такой. Ее фактическое обоснование еще недостаточно, есть немало источников, не вполне вписывающихся в ее рамки. Вообще изученность политических представлений, идей, действий казачьей элиты и их эволюции хотя бы в гетманство Б. М. Хмельниц-

кого совершенно недостаточна. В еще большей мере это надо отнести к исследованию массовых настроений в разных слоях тогдашнего украинского общества, а ведь в конечном счете именно эти настроения были той глубинной основой, которая определяла мощь удара по сложившимся порядкам и прочность происходивших перемен. Для решения подобных задач требуется поиск новых материалов, спокойная продуктивная работа в русских, польских, украинских архивах, объективный анализ всей имеющейся документации, а не постулирование новых схем.

Немного о дипломатической предыстории событий 1654 г. В историографии сложился довольно затверделый канон определяющий борьбу с Речью Посполитой за ликвидацию последствий Смуты как одну из важнейших, даже главную цель внешней политики России в первой половине XVII в., а конфликт двух держав считающий неизбежным. Думается, что такой взгляд явно упрощает реальность. Справедливо, что положение на русской западной границе стало неблагоприятным, проблема эта стояла в повестке дня двусторонних отношений. Однако после Смоленской войны 1632—1634 гг., с неизбежно приближавшимся концом Тридцатилетней войны, примерно с середины 40-х гг. XVII в. международная ситуация в ареале толкала обе страны в ином направлении, к сближению (тем более, что политики Речи Посполитой не стремились к дальнейшей экспансии на востоке). Главной причиной стала опасная для них агрессивная политика Крымского ханства. Попытки царского правительства обеспечить безопасность на юге дипломатическими средствами, используя посредничество Порты, успеха не принесли. Поэтому, наряду с масштабными оборонительными мероприятиями на южных рубежах, московский двор не исключал и наступательных операций против татар, что совпало со сходными (но более широкими) планами Владислава IV и его сторонников.

Контрагенты довольно далеко продвинулись по этому пути (соглашение А. Киселя 1647 г. и его конкретизация), настолько далеко, что с началом восстания на Украине, с учетом казацко-татарского союза, начала реально осуществляться координация совместных польско-русских боевых усилий. Правда, единение продолжалось недолго. Разобравшись в действительном характере украинского восстания, включая в особенности его религиозный, проправославный аспект, царское правительство достаточно быстро отказалось от какой-либо поддержки поляков, как и от всяких антикрымских действий, и твердо держалось такого курса, несмотря на все последующие попытки варшавского двора добиться военной помощи. Однако отсюда до активного вмешательства в конфликт на стороне казаче-

ства было еще очень и очень далеко. Русские власти разными способами помогали гетманату, в т. ч. в важной в условиях тяжелой войны экономической сфере, но далее не шли. Политику московского двора наиболее основательно проанализировал Г. М. Лызлов (с использованием материалов А. В. Чернова по военной истории) в нескольких опубликованных в 50-х гг. статьях и кандидатской диссертации, выполненной под руководством В. Д. Корольюка. Доказано, что царское правительство не вело сколько-нибудь значительной боевой подготовки того типа, которого требовала война на западе: формирование полков нового строя, соответствующее вооружение, обучение и т. д. И объяснялось это политическими целями — они не были ориентированы на конфликт с Речью Посполитой, имелось в виду использовать к своей выгоде ее ухудшившееся положение дипломатическими средствами.

К сожалению, Г. М. Лызлов не дошел до конца, повторив общепринятое положение о Земском соборе февраля 1651 г., как поворотном пункте в русской внешней политике, когда было принято стратегическое решение о войне (промедление до 1654 г. объяснялось тактическими причинами). Впрочем, в те времена ему и не позволили бы покуситься на этот замшелый историографический постулат, если бы у него и появилось подобное желание. Фактически и после собора ситуация не изменилась кардинально. Причиной был и «южный фактор», прежде всего позиция Крымского ханства, то вполне обоснованное недоверие к политике ханов, которое испытывали в Москве, несмотря на татаро-украинский союз (впрочем, опыт его осуществления в 1649, 1651, 1653 гг. показал и руководителям гетманата, насколько небезопасна данная ориентация). Лишь преимущественно с 1653 г. под влиянием обострения ситуации на Украине и растущей информации о возможности ее перехода под протекторат Османской империи, военная подготовка русских приобрела отмеченный выше «западный» крен в значительных масштабах, свидетельствуя о политических переменах: возможности войны с Речью Посполитой. Но эта подготовка оставалась незавершенной, отсюда, в частности, усилия царской дипломатии оттянуть начало столкновения, вызвавшие недовольство чигиринских руководителей.

Характеризуя период в целом, считаем, что вплоть до августа 1653 г. (неудача посольства во главе с Б. А. Репниным-Оболенским в Речь Посполитую), при колебаниях общей линии, московский двор стремился выступать скорее как посредник в достижении мира на Украине, конечно, не забывая и о собственных выгодах. Условия урегулирования, выдвинутые в ходе львовских переговоров Б. А. Репнина, объективно не были тяжелыми для Речи Посполитой и могли устроить всех участников. Три года спустя, во время бесед в Немежи

в 1656 г. польско-литовская сторона сама желала посредничества царя и выражала готовность принять сходные условия. Но в 1653 г. руководители Речи Посполитой ориентировались на крайне радикальную программу, добиваясь фактически полной капитуляции гетманата, что свидетельствовало о прискорбно неверной оценке реального соотношения сил. В итоге последний шанс предотвратить большую войну оказался упущенным.

Несколько слов о Переяславском акте. Вначале одно источниковедческое замечание. Широко известный и многократно публикуемый рассказ о раде воспроизводится обычно по тексту из статейного списка посольства, возглавляемого В. В. Бутурлиным. Не учитывается, однако, что это вторичный, несколько врепарированный вариант. Меж тем, сохранился подлинник⁴: именно его повез сеунщик А. С. Матвеев 21 января, именно он зачитывался царю неделю спустя. Разумеется, существенные различия отсутствуют, но некоторые детали не совпадают. В частности, в списке удалены украинизмы. Текст в нем расположен так, что создается впечатление записи со слов И. О. Выговского, именно так излагаются иногда события в литературе. Но фактически это отдельный документ, авторство которого требует дополнительных разысканий. Принадлежность его самому писарю генеральному вызывает сомнения, хотя вполне вероятно, что источник исходил из писарской канцелярии и составлен с его слов. В любом случае нет никаких оснований считать документ, как и запись в статейном списке, искажающими смысл говорившегося и происходившего на Переяславской раде.

Касаясь существа дела отметим, что заметное исчерпание ресурсов гетманата в ходе долголетней войны, невозможность вести ее дальше только своими силами, определившаяся ненадежность крымского союзника поставили Б. М. Хмельницкого к концу 1653 г. перед необходимостью выбрать сюзерена среди альтернатив, о которых он говорил в речи на «раде явной всему народу» в Переяславе 18.I.1654 г.: нереальной тогда польской, «бусурманской» (султан либо хан) и русской. Сделанный там выбор был оптимальным из возможных и пользовался поддержкой жителей Украины. В данной речи мы находим в концентрированном виде изложение комплекса идей, очевидно, согласованного среди прочего во время тайной рады в узком составе, с участием полковников, утром того же дня. Это констатация: «Что уже шесть лет живем без пана в наней земле в безпрестанных бранех...», и два главных вывода: «Что уж велми нам всем докучило, и видим, что нелзя нам жити боле без царя...», а также сравнительная характеристика претендентов и определение преимуществ кандидатуры Алексея Михайловича, которые трактовались прежде

всего с религиозной точки зрения как естественное объединение православных (что было поддержано и присутствующими на раде).

Из текста однозначно следует, что имелся в виду переход под царскую власть: «...себе за царя и пана просим...», «... под царя восточного православного крепкою рукою...». Вместе с тем на тайной раде выработали, очевидно, процедуру такого перехода, желательную руководству гетманата: требование ответной присяги послов с обязательствами защиты войска Запорожского от поляков и сохранения давних сословных прав, включая имущественные, которое прозвучало перед присягой гетмана и др. в соборной церкви 18 января, в т. ч. со ссылкой на практику королей Речи Посполитой. Фактически короли не присягали войску Запорожскому, тут имелась в виду их общая коронационная присяга, хотя на деле она давалась привилегированным сословиям, т. е., в частности, не казачеству, а украинской шляхте. Но в условиях, когда гетманские власти считали себя свободными от прежних обязательств перед Речью Посполитой, они сочли необходимым при перемене подданства добиваться нерушимости прежнего статуса.

Взятое само по себе требование подтвердить комплекс сословных, личных и некоторых других прав жителей гетманата, прежде всего казачества и шляхты, не представляло собой ничего неприемлемого, и это сразу же подчеркнули царские посланцы. Однако попытка установить в некоторой мере принцип взаимности обязательств была ими решительно отвергнута, как противоречащая практике самодержавного государства (что соответствовало действительности). Безрезультатными остались и последующие усилия полковников получить от послов письмо примерно такого же содержания, по образцу прежних соглашений войска Запорожского с Речью Посполитой, закреплявшихся иногда сенаторами от имени короля. Ответ остался прежним: для получения желаемого необходимо обратиться непосредственно к царю. Одновременно давались устные заверения, что в таком случае все просьбы будут уважены. Ясно, что в возникшей ситуации никаких шансов на успех не мог иметь тайный демарш, предпринятый представителями украинской шляхты с целью обеспечить ей особое положение в гетманате. Можно полагать, что первоначально Б. М. Хмельницкий не планировал специального посольства в Москву для дальнейших переговоров, ограничившись взаимной присягой: во всяком случае, в ходе бесед с прибывшей к нему немного раньше миссией во главе с Р. М. Стрешневым данная тема не возникала. Поездка в столицу царей была сочтена необходимой только после неудачи предложенной процедуры⁵.

Даже из предшествующего краткого изложения ясно, что ни о каких соглашениях речи тогда не было, поэтому от встречающегося иногда наименования «Переяславский договор» следует отказаться: нельзя же считать договором устные обещания поелов. И еще об одном термине, ставшем в последние годы очень одиозным, «воссоединение». Пишущий эти строки всегда считал его совершенно искусственным и потому старался не применять. Однако именно в недавнее время пришлось задуматься, я правилен ли такой подход? Причина не в том, конечно, что термин родился не в советский период, а заимствован из трудов некоторых украинских историков XIX в. Суть дела совсем в ином. Проводимая сотрудниками ИСБ РАН под эгидой РГНФ работа над источниками эпохи Хмельниччины показала, что не сам термин, но соответствующее ему идейное содержание или элементы последнего нередко встречались в высказываниях жителей гетманата разного круга, причем в обстоятельствах не только торжественных или особых, но и будничных. Если учесть также уже известные аналогичные примеры в источниках более раннего времени, следует, возможно, понятие «воссоединение» сохранить, во всяком случае до дальнейших обсуждений. Само собой разумеется, что в любом случае оно должно быть очищено от идеологизированной шелухи, налившей на него в нашем недавнем общем прошлом. Не исключено, что тогда термин потеряет свою одиозность.

В западной и современной украинской литературе заметное место занял показ противоречий между переяславскими контрагентами и оппозиции данному акту в гетманате. Это вполне естественная реакция на то искаженное, беспроблемное, стерилизованное изображение тогдашних событий, которое было принято у нас со сталинских времен. При всем при том необходимо соблюдать реальные пропорции: действительно возникавшие споры, разногласия, конфликты сторон не столь уж редко рисуются в неоправданно гипертрофированном виде. Так, эпизод с отказом в присяге приобретает поистине драматическую форму, когда на волоске повисает успешное завершение всей акции, хотя имеющиеся источники едва ли подтверждают такую трактовку. Или подсчитывают примерную численность участников Переяславской рады, доказывая, что о всеукраинском или общенародном ее характере говорить не приходится. Все так, но при этом недостаточно учитываются два важных факта. Во-первых, на раде присутствовали почти все полковники, представлявшие не только себя и подчиненных им казаков, но и определенные территории, а также их жителей. Во-вторых, что еще важнее, за радой последовала присяга населения гетманата. Не всеохватывающая, но масштабная, поставить в ряд с которой по этому признаку из событий на Украине, в Речи

Посполитой, да и вообще в тогдашней Европе можно не столь уж многое.

Известны сообщения о противодействии переяславским решениям в ряде мест, со стороны отдельных лиц и т. д. Но не будем забывать, что такие данные исходили нередко с польской стороны или от пропольски настроенных групп, а потому нуждаются в осторожном использовании. Особенно «повезло» в данном смысле полковнику И. Богуну, который в результате комбинации подобных сообщений превратился чуть ли не в центральную фигуру оппозиции новому курсу, хотя доказательные факты отсутствуют. Иногда пишут о полном неучастии в этих событиях сельского населения. Можно подумать, что где-либо на континенте в XVII в. особо интересовались его мнением о политическом курсе! Пожалуй, единственное, о чем мы знаем вполне определенно, — это противодействие переяславскому акту и вообще данной политической линии со стороны части православного клира гетманата. Соответствующие источники вводились в научный обиход и исследовались с XIX в. Они далеко не исчерпывающи, да и не могут быть такими из-за весьма доверительного характера соответствующих акций, которые нередко приобретали прямо-таки детективный вид. Основной источниковый минус — крайне редкие упоминания рассматриваемой темы в выявленных документах польского происхождения, а без них, новых, окончательные выводы затруднительны.

Известно, что активные контакты с польско-литовской стороной поддерживали деятели масштаба С. Косова, И. Тризны, Ф. Василевича, Д. Балабана, К. Старушича — они упоминаются чаще всего, но остается неясным, отражало ли все это позицию только группы представителей высшего клира или имело менее узкую базу. Под большим знаком вопроса остается возможное предположение о поддержке данной линии средним и низшим духовенством. Кроме того, со временем и ориентация некоторых из названных лиц, включая митрополита киевского, менялась. Для гетманской администрации пропольская активность части духовенства не была секретом, вызывая скорее отрицательную реакцию: известны соответствующие высказывания Б. М. Хмельницкого, который, впрочем, имел мощную поддержку своему «переяславскому» курсу со стороны греческого духовенства, включая восточных патриархов.

Условия вступления гетманата в состав России определялись в ходе переговоров в Москве с посольством, возглавляемым С. Богдановичем (Зарудным) и П. И. Тетерей. Комплекс выработанных тогда (март-апрель 1654 г.) соглашений можно назвать Московским договором, если не по форме, то по существу. Определяемый им статус

Украины представляет и поныне целый букет суждений историков. Это объясняется среди прочего воздействием политических страстей: проблема издавна актуальна и не является чисто академической. Тем не менее, столь большой и продолжительный разброс мнений, при практической неизменности источниковой основы, кажется неестественным, являя, если использовать одно из крылатых выражений В. О. Ключевского, еще один пример научной патологии, наподобие пресловутого «варяжского вопроса». Выбраться из этого историографического тупика можно, если ориентироваться на научный подход, а не на преходящие политические ценности. Не входя здесь в обсуждение существа дела, что требует специального исследования, хотелось бы высказать некоторые соображения.

Полностью разделяю уже выдвинутое в историографии положение о необходимости нового пересмотра и желательно — издания на современном уровне всех относящихся к теме документальных материалов⁶, поскольку прежние публикации представляются на нынешнем этапе недостаточными. При этом необходимо учесть, что нельзя ограничиваться только документами за март-апрель 1654 г., сюда же должны быть подключены источники о последующих переговорах с представителями духовенства и городов гетманата, может быть, и об обращениях старшины и т. п. Только при таком комплексном подходе можно доказательно выяснить, как представляли себе статус Украины ее элита, частью и остальные жители. Именно так анализировал проблему еще М. С. Грушевский, хотя не все полученные им результаты бессильны. И еще одно важное обстоятельство. До сих пор авторы, занимавшиеся рассматриваемыми на этих страницах вопросами, подходили к ним так, как будто имели дело с чем-то совершенно уникальным, не имеющим аналогий. Между тем, уже с осени 1654 г., но особенно в 1655—1656 гг. был заключен ряд соглашений, тексты которых совершенно необходимо привлечь для сопоставительного анализа. Достаточно назвать самые крупные из них, договоры Великого княжества Литовского со Швецией и Россией (они заключались частями ВКЛ, но от его имени как нераздельного целого), Молдавского княжества с Россией (переговоры не дошли до подписания договоров, но проекты были выработаны). Сравнив их с комплексом московских соглашений 1654 г., можно будет гораздо точнее и правильнее оценить реальное содержание последних.

Думается также, что при исследовании московских текстов необходим не только сбалансированный, но и несколько расчлененный подход. Одно дело — общие положения, рассчитанные на более отдаленную перспективу: они укладываются в рамки представлений, высказанных Б. М. Хмельницким в речи 18 января 1654 г. Совсем иное —

реальное положение Украины в последние годы его жизни: тогда гетманат был практически, с определенными ограничениями, независимым, в частности, его руководители вели достаточно самостоятельную внешнюю политику, с 1656 г., как известно, вошедшую в противоречие с курсом царского правительства. Несомненно, статус Украины в немалой мере определялся тем личным признанием и авторитетом, которыми пользовался Б. М. Хмельницкий и у ее масс, и в Москве. А дальнейшее реальное наполнение переяславских соглашений зависело от многих факторов, в том числе от политики его преемников, старшины, духовенства.

В заключение, несколько замечаний о международном аспекте темы. В преддверии и в начале общей войны с Речью Посполитой русская и украинская дипломатия предприняли весьма значительную внешнеполитическую акцию. На некоторых направлениях чигиринские и московские посланцы действовали рука об руку, согласованно, на других — полусогласованно: первое относится к Крымскому ханству и Дунайским княжествам, второе — к Швеции, куда, в частности, ездили русские и казацкие миссии, но не одновременно и с несовпадающими целями. В иных местах они работали самостоятельно, но ко взаимной пользе: гетманские представители проявили традиционную активность в Стамбуле, царские — в ряде столиц Центральной и Западной Европы, а также в Дании. Результаты их деятельности оказались неоднозначными. На юге, несмотря на первоначальные оптимистические расчеты Б. М. Хмельницкого, не удалось добиться благоприятных результатов, реальностью стал наиболее неприемлемый политический вариант, а именно блок между Крымским ханством и Речью Посполитой. В результате татарские силы участвовали уже в зимнем походе на Украину 1654—1655 г., принеся ей тяжкие испытания.

Гораздо более радужные перспективы открылись на севере. С верным политическим чутьем казацкий гетман нащупал вариант, дававший тогда наилучшие возможности решить к выгоде потенциальных союзников их споры с Речью Посполитой: он старался смонтировать русско-шведско-украинский альянс. При осуществлении данного плана, в частности, усиливались позиции Украины, но и московский двор постепенно стал считать его приемлемым. Очень показательно, что в сентябре 1654 г. через Россию пропустили в Стокгольм казацкое посольство во главе с известным о. Даниилом афинянином, нацеленное на создание военного союза, о чем в Посольском приказе получили достаточную информацию. Имелись и иные признаки, но царские дипломаты ожидали первого шага со стороны нового шведского короля Карла X Густава. Указанная политическая альтернати-

ва, реализация которой могла существенно изменить ситуацию и дальнейший ход дел в данной части континента, и позже некоторое время не потеряла актуальности. Даже, когда в конце июня 1655 г. последовал отказ пропустить в Стокгольм новую казацкую миссию, это не означало еще изменения курса русского правительства, а объяснялось ожиданием начала полномасштабных переговоров с уже объявленным «великим посольством» от Карла X⁷. Только события Потопа в Речи Посполитой принесли кардинальные перемены, но это совсем иная тема.

Примечания

¹ См. например: Смолій В. А., Степанков В. С. Богдан Хмельницький. Соціально-політичний портрет. Київ, 1993 (к сожалению, не довелось пока ознакомиться со вторым, расширенным вариантом этой ценной монографии); Цибульский В. Переяславська угода 1654 року у зарубіжній історіографії (1945—1990). Рівне, 1993; Апанович О. М. Українсько-російський договір 1654 р.: Міфи і реальність, Київ, 1994; Горобець В. Переяславсько-Московський договір 1654 р. результати і наслідки із історії українсько-російських відносин доби Богдана Хмельницького // Доба Богдана Хмельницького (До 400-річчя від дня народження великого гетьмана). Збірник наукових праць. Київ, 1995; Горобець В. М. Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII — першої чверти XVIII ст. Київ, 1995; Заяць А. Українсько-російський договір 1654 р. в оцінці сучасної української історіографії (90-ти роки) // Козацькі війни XVII століття в історичній свідомості польського та українського народів. Матеріали Другої Польсько-Української Науково (Зустрічі (Львів, 12—13 жовтня 1995 р.). Львів — Люблін, 1996.

² См., например: Історія України. Нове бачення. У двох томах. Т. 1. Київ, 1995; Рибалко І. К. Історія України. Ч. 1. Харків 1995.

³ См. о ней: Заборовский Л. В. Российско-украинская конференция, посвященная 340-летию Переяславской рады // Отечественная история. 1995. № 5.

⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822. С. 494—495 (публикация с неточностями в передаче текста).

⁵ См. об этих событиях: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. III. М., 1953. С. 393—402, 454—477.

⁶ См.: Заяць А. Указ. соч. С. 292.

⁷ Соответствующие материалы см.: РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 1636. Ч. 3. Л. 481—530.

Татьяна Яковлева

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕИ В УКРАИНЕ НА ПРИМЕРЕ ДОГОВОРОВ С ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ

Говоря о генезисе государственной идеи в Украине, в данном случае мы не преследуем цели охарактеризовать ту форму государственности, которая возникла на Украине в результате Хмельниччины — так называемую Гетманщину. Мы не станем также исследовать причины, приведшие к ее возникновению и затем — к падению. Мы хотим лишь рассмотреть генезис самой державной идеи, что, безусловно, тесно связано с развитием менталитета ее творцов, в отражении договоров Украины с Польшей и Россией. Именно различные формы союза с этими государствами волею обстоятельств определяли степень независимости Гетманщины на протяжении 1648—1667 гг.

Определяя для себя основные вехи, мы говорим о Зборовском договоре 1649 г., Мартовских статьях 1654 г., Гадячском договоре 1658 г., Переяславском договоре 1659 г., Чудновском договоре 1660 г., Московских статьях 1665 г. Это те основные этапы, которые прошла Гетманщина на пути своего создания, расцвета и наконец Руины. Андрусовское перемирие привело к расчленению Украины и ликвидации Гетманщины в границах Хмельниччины.

Эти договоры, наряду с дипломатическими документами, являются практически единственными юридическими актами, регламентировавшими степень независимости Гетманщины и позволяющими нам оценивать зрелость украинского государства де-юре, а также степень развития государственной идеи у его руководителей. Разумеется, действительность далеко не всегда совпадала с бумагой. В благоприятные для себя моменты гетманы весьма вольно обращались с этими документами.

Идея государственности, принявшая в годы Хмельниччины форму Гетманщины, созревала в среде украинской элиты, что в общем-то справедливо и для любой другой страны. Массам показавшихся крестьян куда понятней и ближе был идеал запорожской вольности. Именно за лозунг «воли козацкой» десятки тысяч крестьян поднялись на призыв Хмельницкого и, охваченные волной массового показачивания, смели из Украины польскую шляхту. Для этих толп показаченных, плохо организованных и совершенно не обученных масс

было характерно недоверие к старшине, олицетворявшей твердую власть. Конфликт между старшиной и показаченными сперва привел к массовой панике под Берестечком, затем к одиночным бунтам в конце гетманства Хмельницкого, измене во время похода на помощь Ракоци и, наконец, к массовым беспорядкам в гетманство Выговского. Со времени бунтов Пушкаря старшина, в значительной мере, превратилась в заложницу взбалмошных настроений показаченных, менявших по своей прихоти гетманов или политические пристрастия. Именно с момента выхода из повиновения приверженцев так называемой «запорожской вольности» претендентам на булаву приходится заручаться сильной внешней поддержкой для осуществления своих планов¹.

Но нас интересует другое крыло украинского общества. Государственная идея и воплощавшие ее тонкие юридические акты создавались группой образованных старшин, очень ограниченным кругом высших должностных лиц Гетманщины, поголовно состоявших из шляхты и, как правило, получивших польское юридическое образование — Хмельницкий, Выговский, Немирич и другие. Нам очень мало известно о том, кто именно и в какой степени принимал участие в создании того или иного документа. В основном это лишь косвенные свидетельства. Более или менее достоверно мы можем приписать Зборовский договор усилиям Богдана Хмельницкого и Выговского, в написании Мартовских статей принимал участие помимо них Павел Тетеря, Гадячский договор — это плод творения Выговского, Тетери (создавшего первоначальное соглашение) и Немирича. Переяславский договор представлял собой перекроенные под московскую диктовку Мартовские статьи, Чудновский договор — урезанный вариант Гадячского, а Московские статьи практически закрепили падение Гетманщины.

Перечисленные имена безусловно не исчерпывают список сторонников «государственной партии». К таковым мы не причисляем Тетерю, но относим Богуна, Ханенко и ряд других деятелей. Кроме того, огромный вклад в создание непосредственно юридических актов вносили «команды» Хмельницкого и Выговского, состоявшие не только из «подписков», но и многочисленных советников и консультантов. К сожалению, большинство из них остались для нас безымянными. И, наконец, все акты безжалостно урезались в Москве и Варшаве.

В основе государственной идеи, как ее представляли лидеры Гетманщины 50—60-х гг., лежало довольно смутное воспоминание о киевских князьях. Хорошо известен эпизод, когда Хмельницкий на переговорах с польскими комиссарами в 1649 г. назвал себя «едино-

владцем і самодержцем руським»² с «границей по Львов, Холм і Галич»³. Но еще раньше, в июне 1648 г. епископ хелмский писал о том, что Хмельницкий «именует себя князем киевским и руським»⁴. В марте 1658 г. о своем желании стать «Великим князем Украины и соседних областей» заявлял Выговский⁵. Идею создания (или воссоздания?) княжества Руського попытался воплотить в Гадячском договоре Немирич⁶. Правда речь уже шла только о трех воеводствах. Вообще, представления о преемственности дела киевских князей в годы Гетманщины были весьма расплывчатыми. Например, Юрий Хмельницкий в 1660 г., полемизируя с Выговским, именно ссылкой на киевских князей доказывал естественность главенства на Украине московского царя⁷.

Эта расплывчатость в понимании преемственности дела киевских князей даже в рядах высшей украинской старшины доказывает, что ссылки на киевских князей были лишь попыткой юридического обоснования правомерности создания Гетманщины, хитрой уловкой профессиональных юристов, какими были Выговский и Тетеря. Несомненно, образование Хмельницкого и Немирича тоже позволяло им понимать, что, если они хотели претендовать на роль законных лидеров законно созданного/воссозданного государства, следовало найти юридические лазейки для благовидного объяснения возникновения Гетманщины и их лидерства в ней. Такое обоснование было необходимо для придания законной силы переговорам с иностранными державами и должно было облегчить этим самым дружественным державам пути признания Гетманщины. В этом деле достоверность доказательств не имела значения — равно как создание генеалогии Романовых от Рюрика или Меншикова от польской шляхты.

Лидеров Гетманщины заботило то, какое мнение вызывали их поступки в Европе. Пространные письма к польскому королю или русскому царю неоднократно писал Хмельницкий, досконально, шаг за шагом воссоздавая хронологию нарастания конфликта и объясняя позицию Войска Запорожского. После разрыва союза с Москвой Выговский (точнее Немирич) пишет пространное обращение к Европейским державам⁸, объясняя причину такого ноступка. Даже Юрий Хмельницкий, которого никак нельзя назвать сторонником государственной идеи, заботился о престиже Гетманщины в глазах иностранных государств и долгое время объяснял невозможность союза с Польшей необходимостью держать слово, данное перед лицом других государств⁹. Таким образом, заметна тенденция лидеров Гетманщины закрепить за ней имидж законного государственного формирования, отвечающего за свои обязательства.

Другое направление обоснования государственной идеи ее творцами шло по пути сравнения украинских процессов с общеевропейскими. Видимо, неслучайным было обращение Хмельницкого к Оливеру Кромвелю. А в период создания Гадяча в иольских кругах (видимо через Немирича) муссируется сравнение казаков с голландцами и швейцарцами¹⁰. Здесь речь идет не о сравнении формы правления или строя (как безосновательно пытались делать некоторые историки, изображая Гетманщину демократической республикой, а Хмельничину буржуазной революцией). Ссылки на европейские события должны были доказать, что лидеры и строй, пришедшие в результате революции или освободительной войны, имеют право на законное признание.

Говоря о государственной идее, надо подчеркнуть, что даже самые ее преданные сторонники, будучи прагматиками, лучше всего посвященными во внутренние и внешние проблемы Гетманщины, практически никогда — за исключением разве что 1650 г. — не добивались полной независимости, но шли по пути создания внешних союзов, подыскивая варианты, которые как можно более полно могли обеспечивать права Гетманщины. Договоры с Польшей и Россией, заключенные гетманами, наиболее характерны как способ балансировки между двумя сильнейшими соседями. Эти договора носили безусловную преемственность и изменялись в сторону расширения или сокращения степени независимости Гетманщины в зависимости от военно-политической ситуации, в которой находилась казацкая держава. (Летом 1657 г. во время бунта в войске, посланном на помощь Ракоци, казаки прямо заявляли старшине: «... как де вам было от Ляхов тесно, в те поры вы приклонились к государю; а как де за государевою обороною увидели себе простор и многое владенье и обогатились, так де хотите самовласными панями быть и обираете короля невернова...»¹¹). В Мартовских статьях и Переяславском договоре границы Гетманщины определялись ссылкой на Зборовский договор, в 1659 г. царь предлагал воеводам помириться с казаками на условиях Гадячского договора, и наоборот, идеи московских статей переключивали в польские соглашения.

Теперь мы перейдем к рассмотрению тех пунктов договоров, которые собственно и решали вопрос о существовании (или ликвидации) де-юре Гетманщины¹².

Первое — это глава государства. Зборовский договор не оговаривал формы избрания гетмана. Но уже согласно этому соглашению Чигирин становился официально столицей и гетманской резиденцией, передаваемой с булавой. Попытки назначить Забусского гетманом

убедили в необходимости введения отдельного пункта, устанавливающего порядок избрания главы государства. В Мартовских статьях казакам разрешалось «обирати гетмана по прежним их обычаям самим меж себя». Таким образом, выбор гетмана никак не зависел от решения и даже мнения царя. Такое же вольное избрание гетмана предполагалось и в первоначальной редакции Гадячского договора, но сейм трансформировал этот пункт в весьма условный: «чины воеводств киевского, брацлавского и черниговского изберут четырех кандидатов, из которых одного утверждает его королевское величество». Уступив один раз полякам, не удалось добиться прежних положений и от русских: Переяславский договор требовал обязательной поездки новоизбранного гетмана в Москву для утверждения царем.

Вторым моментом, определявшим степень независимости Гетманщины, было положение о внешней политике и сношениях с иностранными державами. Зборовский договор ничего не говорил на этот счет. Если учесть, что к тому времени Хмельницкий вел уже очень активную внешнюю политику, это больше походило на молчаливое согласие, чем на категорический запрет. Мартовские статьи сделали оговорку для польского короля и турецкого султана. На деле этот пункт никогда при Богдане не действовал. Хмельницкий вел активную переписку и обмен посольствами как с поляками, так и с турками. А наиболее опасными оказались для русских его сношения со шведами и трансильванцами. Опасность независимой политики Гетманщины и ее возможные союзы с иностранными державами очень скоро осознали и в Москве, и в Варшаве. Сперва запрет на прием любых иностранных посольств появился в окончательной редакции Гадячского договора, а оттуда он практически без изменений перекочевал и в Переяславский договор.

Что касается территории Гетманщины, то этот пункт практически изменений не претерпевал: границы, установленные Зборовским договором, принимались как Мартовскими статьями, так и Гадячским договором. И только в период обсуждения Гадячского договора со стороны Украины была предпринята попытка расширить территорию путем прибавления к Киевскому, Черниговскому и Брацлавскому воеводствам — Волынского, Руського и Подольского¹³.

Что касается налоговой политики, то Зборовский договор оставлял за казаками право винокурения, но лишал их возможности шинковать горилку — столь важной статьи доходов Войска Запорожского. Мартовские статьи постановляли сбор податей на царя (этот пункт никогда не исполнялся ни при Богдане, ни при Выговском), но давал казакам право заниматься горилкой и винокуреньем. Гадячский догово-

вор давал, пожалуй, наибольшую финансовую независимость гетману — не предписывая налоги, он не накладывал ограничений на изготовление казаками любых спиртных напитков.

Нет необходимости говорить о роли воиросо о церкви в рассматриваемый период. Украинские гетманы стремились заручиться поддержкой киевского духовенства. Для степени их независимости очень важным был вопрос о номинальном подчинении Константинопольскому патриарху. Совсем наоборот, Польша не желала отказаться от идеи Унии, как от возможности иметь духовное влияние на Украине, а Россия добивалась подчинения киевского митрополита Московскому патриарху. Зборовский договор не ограничил Унию, хотя киевский митрополит и получил право заседать в сенате. Мартовские статьи предусматривали господство православия, но с первых же дней Москва попыталась навязать свое главенство в церковном вопросе. Ожесточенная борьба вокруг Унии во время заключения Гадячского договора не принесла желаемого результата — она была сохранена, хотя и в урезанном виде. Зато Переяславский договор уже требовал благословления митрополита Московским патриархом.

Вопрос о собственной валюте поднимался только в Гадячском договоре, но он был заменен правом чеканить такую же монету, как в Короне. Формально речь о независимом государстве как таковом шла только однажды — в первоначальной редакции Гадячского договора. Именно там была сформулирована знаменитая идея о создании Княжества Руського. Интересный парадокс, что наивысший взлет идеи государственности на бумаге совпал с практически полной ликвидацией автономии де-факто. И наоборот: хотя ни в Зборовском договоре, ни в Мартовских статьях формально о Гетманщине речи не было, но именно первый заложил юридическую основу этого государства, а вассалитет Мартовских статей дал наиболее полную независимость гетманам как во внешней, так и во внутренней политике. Гетманщине уже никогда не удавалось достигать такой степени независимости, как по условиям этих двух соглашений.

Ни в коем случае не преуменьшая роль внешней и внутренней ситуации (интересы сильных соседей, борьба европейских держав за влияние в регионе, усиление антигосударственного анархичного «запорожского» крыла), остается определить, насколько справедливо полагать, что лишь неблагоприятная внешняя ситуация привела к Руине Гетманщины? Или все же налицо деградация государственной идеи в угоду личным интересам и жажде власти? Вопрос очень интересный и почему-то остававшийся в тени. В самом деле: было ли положение Юрия Хмельницкого в 1659 г. хуже ситуации осени 1653 г.?

Разгром русских войск под Конотопом, полное военное бессилие поляков и продолжавшаяся русско-шведская война делали, на наш взгляд, позиции Юрия куда более предпочтительными, чем его отца — в разоренной татарами стране с наступающими иольскими войсками. Даже внутренняя ситуация декабря 1659 г. кажется более благоприятной — смерть основных главарей бунта Пушкаря привела к ослаблению междоусобицы, а нападения татар 1653 г. вызвали проклятия на голову Богдана от его сторонников. Да и Чудновская компания до боли напоминала Зборовскую ситуацию. Измена татар во втором случае ставила казачье войско в более затруднительную ситуацию, чем разгром русских в первом. Победа поляков в обоих случаях далась им слишком большой ценой, чтобы они могли диктовать свою волю.

Возможно, такое сравнение не вполне правомерно. Однако мы смеем предположить, что и в 1659, и в 1660 г. у Гетманщины были все шансы как минимум сохранить, если не приумножить свою независимость, найдись среди ее лидеров сторонники государственной идеи. Но Богдан Хмельницкий и Немирич к тому времени умерли, Выговский был практически отстранен от политической борьбы. Остававшиеся в живых Богун, Ханенко, Гоголь не были допущены до переговоров, а безвольный Юрий Хмельницкий потворствовал превращению практически независимого государства в весьма урезанную автономию. Впрочем, что мы называем безвольностью? И разве не стояли за Юрием сильные личности вроде Цицурь, сперва покорившего царю Левобережье, а затем, после отказа царя вознаградить его так, как ему этого хотелось, бросившего Шереметьева на растерзание полякам? Гораздо правильнее будет сказать, что эти люди умели добиваться желаемого, просто высокие идеи государственности не входили в их планы.

В начале 1660 г. Юрий Хмельницкий написал Бенеvскому письмо, весьма откровенно выражая свои чувства. Так, он говорил о «глупости Яна Выговского, который хотел быть... князем Руським». Именно из-за этого, по его мнению, сторонники Выговского «потеряли все»¹⁴. Этим словам Юрия приходится верить. Именно он первым из гетманов употребляет (и где — в письме к Дионисию Балабану!) весьма щекотливое выражение «малороссийские города»¹⁵. Не менее циничны и положения Чудновского договора, заключенного им с поляками: договор подтверждал Гадячский — за исключением пунктов, «которые относятся к княжеству Руському, так как они менее необходимы для вольностей войска его королевской милости Запорожского, и менее служат к непоколебимости вечного мира, которого обоюдно от Господа Бога искренне желаем». Еще большего падения дос-

тигла старшина во главе с Юрием в своей инструкции на сейм в мае 1661 г. (видимо, стыдясь этого документа, потомки так и оставили его неопубликованным). Авторами и вдохновителями этой инструкции были Лесницкий (в свое время умолявший русских послать своих воевод, чтобы спасти его от Пушкаря), Кравченко (печально знаменитый своей трусливой миссией в Москву в 1658 г.) и ряд других. Одним из самых знаменательных пунктов данного документа был следующий: «Добровольно уступив титул Княжества Руського Войско Запорожское только того от ЕКМ просит, чтобы вместо этого Гетману нынешнему и будущим и другой старшине Запорожской, как то Писарю Войсковому, Обозному, Судье, Есаулам и другим при них находящихся Писарям и Арматным, также на содержание арматы Войсковой, на Порох, Пули и другие военные потребности и затраты староство Чигиринское, Черкаское, Корсунское, Каневское, Лисянское и Богуславское как издавна со всеми принадлежностями относились»¹⁶.

После этого этапа 1661 г. вполне закономерным кажется следующий — а именно Московские статьи. Если для Юрия Хмельницкого вполне естественным представлялся отказ от титула князя руського с целью сохранения хотя бы номинальной власти на Украине, то Брюховецкий уже не дорожил и титулом гетмана, погнавшись за званием боярина. Введение запрета на винокуренье и передача сбора всех податей русским воеводам ликвидировали экономическую власть гетмана и свели к нулю внутреннюю автономию Гетманщины, которая еще оставалась по статьям Переяславского договора 1659 г.

Примечания

¹ Подробнее об этом: Яковлева Т. Г., Богдан Хмельницкий і рядове козацтво. УІЖ, № 4, 1995. С. 56—67.

² Воссоединение Украины с Россией. Т. II. М., 1954. № 47. С. 117 — Дневник В. Мясковского, 22 февраля 1649 г.

³ Там же. С. 118 — за 23 февраля 1649 г.

⁴ Документы об Освободительной войне украинского народа. К., 1965, № 17. С. 44.

⁵ *Litterae Nuntiorum Apostolicorum*, IX, Romae, 1963. № 4270, 89.

⁶ См: Яковлева Т. Г. Гадячский договор — легенда и реальность // «Исследования по истории Украины и Белоруссии». Вып. 1. М., 1995. С. 62—78.

⁷ Памятники Киевской Комиссии. Изд. 1. К., 1852. Т. III. Ч. III. № XCIV. С. 423—432.

⁸ Архив ЮЗР. Ч. III. Т. 6. К., 1908. № CXXVII. С. 362—369.

⁹ ПКК. Изд. 1. Т. III. Ч. III. С. 426 и др.

¹⁰ Приложение к: Kubala L., Szkice historyczne. Ser. VI. Lwów, 1922, № XVIII. S. 544—545.

¹¹ Русская историческая библиотека. Т. 8. С. 1257.

¹² Мы используем следующие опубликованные тексты договоров: Зборовский — Акты ЮЗР. Т. III. № 303. С. 415—416, Мартовские статьи — Воссоединение Украины с Россией. Т. III. М., 1953. № 245. С. 560—565, Гадячский — Volumina Legum. Т. IV. Petersburg, 1859. S. 297—300, Переяславский — Акты ЮЗР, Т. IV. № 115. С. 264—269, Чудновский — ПКК, Т. IV, N. VI, С. 17—24.

¹³ ПКК. Изд. I. Т. III. № LXXV. С. 315—328.

¹⁴ ПКК. Изд. I. Т. III. Ч. III. № XCIV. С. 425.

¹⁵ Там же. № XCV. С. 434.

¹⁶ Рукопись Российской Национальной библиотеки СПб. Собр. Дубровского. № 158. Л. 39.

Геннадий Санин

АНТИОСМАНСКИЕ ВОЙНЫ В 70—90-е ГОДЫ XVII ВЕКА И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ УКРАИНЫ В СОСТАВЕ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Вопрос об украинской государственности до настоящего времени вызывает споры среди исследователей. Разброс мнений необычайно широк: от полного отрицания государственности украинского народа¹ до господствовавшего в 50—80-х гг. мнения об «элементах» украинской государственности², и, наконец, преобладающего в настоящее время утверждения о том, что в ходе Освободительной войны 1648—1654 гг. сложилось вполне зрелое и самостоятельное украинское государство³, а сама война стала победоносной революцией⁴. (Последнее вызывает споры.)

Радикальный перелом в подходе к проблеме украинской государственности произошел в конце 1980-х гг., когда вышли в свет работы В. А. Смолия, А. И. Гуржия, В. С. Степанкова⁵. В этих работах показана генетическая связь украинской государственности в форме казачьей республики с древнерусской государственностью, возрождение этой государственности на основе казачества в XVI в., ее оформление в ходе Освободительной войны и медленное, постепенное угасание в составе России к концу XVIII в. Основную причину падения автономии Украины авторы усматривают в формировании абсолютизма в России⁶.

Впрочем, постепенное угасание украинской автономии в составе России было связано не столько с развитием абсолютизма, хотя и это играло немалую роль, сколько с трудным решением внешнеполитических проблем. Продвижение России к черноморским берегам и ликвидация угрозы вторжения Османской империи делали ненужным украинский «политический буфер», прикрывавший южные рубежи страны.

В советской и постперестроечной историографии давно и достаточно прочно утвердилось мнение о том, что национально-освободительное движение на Украине нельзя рассматривать как локальное явление, не имеющее связи с другими регионами Европы. В работах Б. Ф. Поршнева, О. Л. Вайнштейна, В. А. Голобуцкого отмечены переговоры восстав-

ших казаков с европейскими державами уже в 1630-х гг., во время Тридцатилетней войны. Тем более это относится к освободительной войне 1648—1654 гг.⁷ Внешнеполитическая функция складывающегося украинского государства прослеживается совершенно бесспорно.

Международную ситуацию в Восточной и Юго-Восточной Европе определяли, в основном, три политические проблемы: борьба России, Речи Посполитой и других прибалтийских государств против попыток Швеции полностью захватить все балтийское побережье и поставить под свой контроль балтийскую торговлю⁸; борьба России с Речью Посполитой за утраченные в 1618 г. русские, а потом и за украинские, белорусские земли; защита Россией и Речью Посполитой своих южных порубежных земель от агрессии Османской империи⁹.

В конкретных условиях середины XVII в. для России на первый план выдвигался вопрос о воссоединении западно-русских, а затем украинских и белорусских земель с Россией. Причины воссоединения, последствия его для трех славянских народов, мотивы, побудившие Россию начать борьбу с Речью Посполитой — все это выходит за рамки статьи. Для поставленной темы важно отметить, что уже в ходе начавшейся в 1654 г. русско-польской войны за Украину на долю украинского казачества выпадал важный театр военных действий: вместе с крепостями Белгородской оборонительной черты Украина должна была защищать главные силы России от удара с юга крымских татар и польско-литовских войск. Таким образом, в ходе русско-польской войны 1654—1667 гг. Украина дополнила оборонительную систему России на юге, знаменитую Белгородскую черту. Украина становилась в военном отношении как бы «предпольем» этой крепостной линии, своеобразным «буфером», прикрывавшим с юга главный театр военных действий в районе Белоруссии¹⁰.

По «Мартовским статьям» 1654 г., предложенным Богданом Хмельницким и принятым в Москве в ходе переговоров с послами гетмана, Украина сохраняла в практически неизменном виде свое государственное устройство. Предусматривалось свободное избрание гетмана, полнота его исполнительной власти, законодательная власть рады, местная власть и местное административное деление, своя судебная и налоговая система, свои финансы. Налоги с Украины в московскую казну фактически не поступали и шли на местные нужды. Украина имела свои вооруженные силы. Некоторые, чисто формальные, ограничения самостоятельности Украины сводились к следующему: царь признавался верховным властителем Украины; царь санкционировал некоторые земельные пожалования казацкой старшине; гетман должен был информировать Москву о враждебных ей

предложениях, которые делали ему другие государи. Московские власти пытались поставить под контроль патриарха Никона украинскую церковь, но украинские иерархи этому воспротивились и пункт о церковной власти был просто изъят из Мартовских статей¹¹. Можно сказать, что воссоединение Украины с Россией произошло на основе борьбы с общими противниками: Речью Посполитой и Крымским ханством. По своей форме это была конфедерация.

Начавшаяся война за Украину естественно требовала не обострять отношений правительства с местным населением. Но сводить все только к военным действиям, как это сделано в интересной, но весьма спорной и далеко не всегда доказательной монографии Н. И. Ульянова¹², было бы неправильно. Характерной чертой политики Москвы во вновь приобретенных землях чаще всего была крайняя осторожность и терпимость к национальным особенностям, сохранение в неприкосновенности законодательства, порядка землевладения и т. п.

Отношение Речи Посполитой к украинской государственности было довольно противоречивым. «С одной стороны, Речь Посполитая уже в середине XVI в. пыталась привлечь казачество к осуществлению своих политических целей, направить его против сил, угрожавших восточным (скорее — южным — Г. С.) окраинам польского феодального государства. С другой стороны, польское правительство, считая казачество скоплением «разбойничьих», «смутьянских» элементов, старалось подчинить их действующему феодальному праву, ограничить их самостоятельность системой запретов и угроз»¹³. Поскольку украинская государственность складывалась на казацкой основе, то же самое можно сказать и об отношении Речи Посполитой к Украинскому государству. С образованием украинского государства в отношениях между ним и Речью Посполитой возник еще один важный вопрос — о судьбе земельной собственности польской шляхты на территории Украины. Возвращение шляхте ее собственности делало автономию гетманства иллюзорной, и перед его «показавшимся» населением возникала угроза нового обращения в крепостных. Между тем особенности политического строя Речи Посполитой исключали возможность урегулирования ее отношений с Украиной вопреки интересам тех кругов магнатов и шляхты, которые добивались возвращения своей собственности. Отсюда постоянные колебания в политике Речи Посполитой второй половины XVII в. по отношению к Украине. Намерение удержать Украину, признавая за казаками некоторые политические права, сменялось противоположным намерением ликвидировать все ее права силой оружия, ввергнуть казаков в крепостное состояние, или, сохранив их как военную силу,

заставить безоговорочно подчиниться королевской гражданской администрации и воинским начальникам.

Бесперспективность такой политики непризнания украинской государственности и попыток ее уничтожения доказала уже Освободительная война 1648—1654 гг. Война показала и принципиальную невозможность сохранения Украины в составе Речи Посполитой. Максимально возможные уступки были зафиксированы в Зборовском договоре 1649 г., который признавал автономию Украины и одновременно «восстановление старой модели социально-экономических отношений, исключение из казацкого сословия десятков тысяч крестьян и мещан»¹⁴. Примечательно, что ни население Украины, ни сейм Речи Посполитой этого договора не приняли: на Украине едва дело не дошло до гражданской войны между восставшими, а на сейме было «несогласие и рознь большая. Все (послы) на королевские договоры, что договорился с ханом крымским, и с гетманом Богданом Хмельницким, не позволяют, и к 40 000 будет их больше 100 000, и николи с такими своевольниками бес соры и бес войны не будет. Да и на все статьи против договорных записей послы не позволяют»¹⁵.

Пойти на уступки казакам готова была небольшая горстка трезвомыслящих политиков во главе с безвластным королем Яном Казимиром и коронным канцлером Ю. Оссолинским. Непримируемая позиция шляхты усиливала враждебность Украины и делала неизбежным разрыв с ней.

Силу Украины великолепно понимали в Москве. Хмельницкий, в свою очередь, трезво и рационально судил, что только в единстве с Россией Украина сохранит свою государственность.

Специфика украинской государственности состояла в том, что формирование республики проходило в тот момент, когда опасность национальному существованию привела к сглаживанию классовых различий внутри украинского общества. Эти классовые различия практически сливались с различиями национальными и религиозными. Шляхтич почти обязательно был поляком-католиком, или католиком-литовцем, казак и крестьянин — православным украинцем. Это давало внутреннюю монолитность украинскому государству.

Теперь же, когда благодаря воссоединению-конфедерации с Россией опасность национального порабощения была устранена, классовые противоречия внутри республики обострились. Поэтому, когда, избранный в 1657 г. после смерти Хмельницкого, гетман И. Выговский попытался вернуть Украину под протекторат Речи Посполитой, народные массы выступили против него за единство с Россией, и в этом выступлении народа довольно отчетливо прослеживалась классовая поляризация.

Вряд ли правильно обвинять И. Выговского в предательстве национальных интересов и измене Украине — изменил он российскому правительству. Определенная доля вины лежит и на правительстве России. «В Москве были уверены, что Украина уже совершенно слилась с Россией, что возврат к прошлому положению под эгидой польских королей уже невозможен. Именно эта уверенность в решении украинского вопроса побудила начать войну против Швеции и подержать Речь Посполитую. Тенерь попытались сделать новый шаг: воспользоваться смертью Хмельницкого и поставить под контроль внешнюю политику, взять в свои руки сбор налогов, поставить воевод и гарнизоны не только в Киеве, но и в других городах»¹⁶. Явно преждевременная и непродуманная попытка урезать права Украины привела к ненужным и опасным осложнениям.

Если для Хмельницкого, его сподвижников и истинных последователей возможность сохранения украинской государственности виделась в конфедерации с Россией, то Выговский намеревался сохранить государственность в составе более слабой и децентрализованной Речи Посполитой.

Переориентация на Речь Посполитую была для Украины совершенно неприемлема, ибо означала не только радикальную ломку и потрясение внутренних связей и образа жизни общества, но и перемену системы международных связей и отношений, с таким трудом созданную Хмельницким. Система Хмельницкого складывалась на идее антипольского блока государств с сильной центральной фигурой российского царя. Выговский замыслил прямо противоположное: антироссийский блок государств во главе со слабой, децентрализованной Речью Посполитой.

Летом 1658 г. посол Выговского Павел Тетеря и польский дипломат Станислав Беневский согласовали основные положения, а 6 сентября в г. Гадяче был подписан договор о возвращении Украины в состав Речи Посполитой. Договор этот отличается нечеткостью, но он позволяет в общих чертах предположить, чего хотел И. Выговский и его сторонники.

Украина входила в польско-литовское государство на правах довольно ограниченной автономии и включала в свой состав земли Киевского, Черниговского, Брацлавского воеводств.

Верховная власть принадлежала здесь гетману, но прямых выборов гетмана не было: Украина могла лишь выбирать кандидатов, из числа которых король назначал гетмана. Казацкое войско сокращалось в 2 раза, до 30 тысяч. В Киевском воеводстве высшие сенаторские посты занимали только православные, от других воеводств, в Се-

нат Речи Посполитой входили и православные, и католики. Православные епископы должны были получить места в Сенате, как и епископы католические¹⁷.

Гадячский договор явно не являлся шедевром государственной мудрости. Трактат создает впечатление спешно записанных и внутренне несбалансированных пунктов. Скроен и сшит он гораздо хуже, чем Мартовские статьи Б. Хмельницкого. Не раскрыты столь подробно, как в Мартовских статьях, вопросы административного устройства, суда, финансов, внешней политики, вопросы присутствия на Украине королевских войск, командования ими и многое другое.

Очень нечетко решены территориальные вопросы: к кому переходит Подолия, Волынь, Полесье, Западная Украина? Наличие неясных мест означало только то, что трактовка их будет в интересах сильного. В ситуации 1658 г. это была Речь Посполитая, а не Украина. Таким образом, еще не вступив в силу, договор обрекал Украину на поражение, тем более, что он предусматривал «свободное возвращение всем частным лицам» утраченной ими собственности.

Впрочем, даже этот беспомощный юридически договор сейм Речи Посполитой не утвердил: сенаторы и шляхта требовали безоговорочной капитуляции Украины, возвращения тех порядков, которые существовали до 1648 г. Такос требование показывало реальное отношение шляхты к украинской государственности.

Итак, в 1654—1657 гг. можно констатировать принципиальное различие в отношении России и Речи Посполитой к украинской государственности. Россия была готова на длительный период сохранить за гетманством довольно широкую автономию, со стороны же Речи Посполитой видим отказ признавать эту государственность.

Неудачная война России со Швецией 1656—1661 гг. и политическая «смута» на Украине после смерти Богдана Хмельницкого привели к частичному ослаблению позиций России на Украине и к утрате по Андрусовскому договору 1667 г. части воссоединившихся земель. Вместе с тем, только такая оценка Андрусовского договора (часто встречающаяся в работах украинских авторов 1960-х гг.) грешит односторонностью. Воссоединение Украины с Россией и заключение Андрусовского договора знаменовало начавшееся изменение соотношения политических сил в Юго-Восточной Европе. Если до этого времени ведущую роль в этом регионе играла Речь Посполитая, то теперь пальма первенства все более и более переходит к России. Нет нужды говорить о сохранении сильного влияния России на Правобережной Украине, в Белоруссии, оставшихся в составе Речи Посполитой. С этого времени начинается переориентация освободительного

движения балканских народов с надежды на помощь Речи Посполитой на поиски помощи и поддержки со стороны России¹⁸.

Поскольку участники Андрусовского соглашения не признавали претензий Османской империи на украинские земли, следовало ожидать конфликта между последней и ее северными соседями. На этот случай в Москве в 1667 г. был подписан и в 1672 г. уточнен союзный договор России и Речи Посполитой¹⁹.

Впрочем, и Россия, и Речь Посполитая, утомленные войной, предпочитали решить спор миром и предложили султану и крымскому хану присоединиться к Андрусовскому договору²⁰. Однако мира на украинские земли Андрусовский договор не принес: и на левом берегу Днепра, перешедшем к России, и на правом его берегу, оставшемся в составе Речи Посполитой, шли бурные казацко-крестьянские восстания.

Больше всего население «русской» части Украины было недовольно вмешательством российских воевод в местные дела. В России в середине XVII в. начали все отчетливее формироваться предпосылки абсолютизма, и в руках воеводы сосредоточивалась вся полнота административной и военной власти на местах. Вполне понятно, что появившись со своими войсками на Украине, воеводы пытались жить «в чужом монастыре со своим уставом» и конфликтовали с местной властью.

Необходимо было четче определить и ограничить компетенцию воевод, что и было сделано. В договорах России и Украины, заключенных в 1659, 1669, 1672 гг. при избрании гетманов Юрия Хмельницкого, Демьяна Многогрешного, Ивана Самойловича, воевода предстает только как военачальник российского отряда и не имеет права вмешиваться во внутренние дела гетманской и полковой администрации. Он не может судить население, занимать под постой казацкие дворы. Гарнизон обязан содержать себя за счет своих средств, либо брать провиант в специально выделенных для этого селах и городках, но обязательно расплачиваться с населением²¹.

Итак, основа конфликта была устранена. Вообще, видеть в поведении воевод целенаправленную национальную политику России принципиально неверно. Их поведение было характерно для любой армии того времени. Незаконный постой, угон скота, другие, как писал Б. Брехт в «Мамаше Кураж», «воинские подвиги», были делом обычным и в России, и в «цивилизованных» европейских странах. Самое значительное вмешательство воевод в политическую жизнь Украины происходило во время выборов нового гетмана: русские войска окружали выборную казацкую раду, а накануне рады казацкая старшина

обязательно «советовалась» с воеводой — кого избрать. Тем не менее, случаев прямого вмешательства российских войск в ход выборов гетманов никогда не было.

Правда, права гетманов были несколько урезаны при избрании Ю. Хмельницкого в 1659 г.: гетман не мог своей властью назначать и смещать полковников — вопрос этот решался только на раде²². В 1672 г. при избрании И. Самойловича последовало новое ограничение гетманских прав. Гетман «без совету всей старшины и безвинно» не мог судить высшую войсковую старшину. Судить ее могла рада и войсковой суд²³. Впрочем, здесь дело не в ограничении автономии Украины, это реакция старшины на попытки гетманов установить личную, неограниченную власть. В борьбе между старшиной и гетманом Москва поддержала старшину. В условиях политического кризиса на Украине Москве нужна была надежная социальная опора.

Внешнеполитические полномочия украинского государства пострадали сильнее. Богдан Хмельницкий мог поддерживать дипломатические отношения с любым государством. Внесенные в «Мартовские статьи» ограничения относительно Польши, Крыма, Турции фактически не соблюдались Хмельницким. Более того: московские дипломаты «похваляли» гетмана и награждали его соболями за эти контакты, фактически гетман защищал и украинские, и российские интересы²⁴.

Ограничение внешнеполитических контактов было оговорено при выборах Ю. Хмельницкого 19 октября 1659 г., но теперь это было реальное ограничение, а не формальность²⁵. Свои контакты с ханом Ю. Хмельницкий поддерживал за спиной Москвы.

Право самостоятельных внешнеполитических контактов сохранял И. Брюховецкий (1664—1668). Но при избрании 6 марта 1669 г. Демьяна Многогрешного гетману было запрещено иметь всякие политические контакты с зарубежными государствами²⁶. Вызвано это ограничение было тем, что украинские гетманы после Б. Хмельницкого заключали антироссийские союзы с Речью Посполитой, Турцией и Крымским ханством. Официальная мотивировка решения рады: от «ссылок» гетмана с другими государствами «чинятся в малороссийских городах многие ссоры»²⁷.

В 1667—1672 гг. между Россией и Речью Посполитой шли переговоры о заключении Вечного Мира, об антиосманском союзе и о Киеве (по Андрусовскому договору Киев в 1669 г. надлежало вернуть Польше). С целью сохранить за Россией Киев и Левобережье Днепра, глава российского Посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин пытался пригласить на переговоры в качестве третьей стороны

представителей левобережного гетмана Д. Многогрешного, но идея эта сорвалась из-за противодействия гетмана Правобережья П. Дорошенко²⁸ и польских дипломатов, не без основания опасавшихся, что представители Украины ослабят их позиции на переговорах²⁹.

По мысли А. Л. Ордина-Нащокина, казацкие представители на переговорах должны были лично убедиться в том, что российское правительство не собирается отдавать Украину и Киев Польше. Кроме того, Ордин-Нащокин, как и его преемник на посту главы Посольского приказа А. С. Матвеев, не упускали возможности усилить влияние и авторитет России на Правобережье Днепра: «И они де, послы (польские дипломаты — Г. С.) видят, что великий государь, его царское величество и тех украинских казаков, которые ныне государю их, его королевскому величеству противны, вступается и хочет того, чтоб их принять под свою царского величества высокую руку»³⁰.

В ответ на возражения польских дипломатов А. С. Матвеев, ведущий переговоры, заявил, что «не спрося их которого великого государя они, казаки, приняв милость и благодеяние, от басурман отлучатся, и у того великого государя быть в подданстве похотят, и принудить их к другому великому государю в послушание невозможно»³¹. Таким образом, московские дипломаты вовсе не отрицали, что при поддержке правобережных казаков возможно воссоединение с Россией и Украины к западу от Днепра.

Итак, для закрепления за собой Левобережной Украины российские политики были готовы сохранять ее автономию в составе России. Каково же было отношение к украинской автономии и государственности в Речи Посполитой? Гетман Правобережной Украины П. Д. Дорошенко в 1666 г. поднял восстание³² и в 1670 г. между ним и коронным гетманом (с 1674 г. — королем) Речи Посполитой Яном Собеским был подписан договор в г. Остроге. Этот договор во многом напоминал Зборовский мир 1649 г. и Гадячское соглашение 1658 г.

Четко определялись западные границы Украины в составе Речи Посполитой по реке Случ. Под власть гетмана переходили Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства. В этих пределах магнаты и шляхта не имели права появляться без разрешения гетмана.

Войска Речи Посполитой могли войти в пределы этих воеводств только в случае нападения неприятеля и должны были находиться под командой гетмана. Православные получали равные права с католиками. Киевский митрополит уравнивался в правах с католическими епископами, то есть имел место в Сенате. Украина получала полную самостоятельность в сборе налогов, налоги шли только на нужды

Украины, казаки освобождались от всех повинностей как в королевских, так и в шляхетских имениях³³.

Острогский договор, как и Зборовский, и Гадячский, не отличался глубиной проработки и последовательностью. Не ясно было главное: соотношение гетманской и центральной власти и судьба собственности шляхты на территории гетманства. Освобождение казаков от повинностей в шляхетских имениях говорит за то, что эти имения должны были вернуться к прежним владельцам. Предполагалось и восстановление прежней административной структуры. В украинских воеводствах «чины сенаторские, дворные и земские» должны были назначаться королем попеременно из католической и православной шляхты³⁴.

Договор не касался полномочий гетмана во внешнеполитической сфере. Реально П. Д. Дорошенко проводил в это время независимую внешнюю политику.

Но даже такой договор был воспринят как «ненасыщенное хотение государства отдельного»³⁵. Ярый противник казаков, подканцлер Ольшовский считал даже, что Дорошенко желает «независимой ни от кого монаршей власти»³⁶. Сейм не ратифицировал договор. 2 сентября 1670 г. гетманом Правобережья король утвердил уманьского казацкого полковника Михаила Ханенко, который был, по словам Яна Собеского, «добрый и приветливый королю человек»³⁷.

С Ханенко был заключен новый договор, который фактически перечеркивал все старания П. Дорошенко укрепить самостоятельность Правобережья. Гетман не имел права без ведома короля принимать дипломатов других стран и направлять свои посольства «к кому-нибудь к посторонним». Напротив, по приказу коронных воевод (не короля!) ему надлежало «смело, подобием предков своих отпор давать»³⁸. Таким образом, напрочь уничтожался пункт о введении королевских войск только в случае нападения неирятеля и о подчинении этих войск казацкому гетману. Шляхта имела право возвращаться в свои имения, православные иерархи лишались права заседать в Сенате и прочих привилегий. Новые условия договора вскоре, 22 декабря 1670 г., были ратифицированы королем Михалом Вишневецким.

Таким образом, если Россия уступками и признанием украинской государственности стабилизировала внутреннее положение на Левобережье, то Речь Посполитая отказалась признать требования казаков. Это привело к катастрофе. Михаил Ханенко в 1672 г. был разгромлен П. Д. Дорошенко. В начавшейся вскоре польско-турецкой войне Речь Посполитая не имела поддержки от казаков и Турция захватила Подолию и Брацлавщину.

Напротив, русско-турецкая война за Украину 1677—1681 гг. привела к закреплению за Россией Левобережья и Запорожья. В этой

войне полки украинских казаков под командой И. Самойловича вели самостоятельные боевые операции, тесно скоординированные с боевыми действиями войск России. (Порой И. Самойлович и воевода Г. Г. Ромодановский конфликтовали друг с другом, как было, например, во время осады Чигирина в 1678 г.) И. Самойлович поддерживал и самостоятельные дипломатические контакты с соседними государствами, несмотря на то, что по условиям его выбора в 1672 г. он не имел права этого делать. Россия одобряла эти контакты³⁹.

Бахчисарайское перемирие 1681 г., по которому за Россией Османская империя признавала Левобережье и Запорожье, отражало реальное соотношение сил в Северном Причерноморье и Юго-Восточной Европе. Получив мир на востоке, Турция наносит удар по Центральной Европе и в августе 1683 г. войска султана осадили Вену. Польский король Ян Собеский в битве под Веной 14 сентября 1683 г. нанес поражение турецкому войску, а весной 1684 г. была создана «Священная Лига» европейских государств против Османской империи в составе Польши, Австрии, Бранденбурга, Венеции и других стран.

Войну с Турцией Собеский предполагал вести и на Украине. Поэтому, готовясь к походу под Вену, он делает все возможное для того, чтобы заселить опустевшую в 60—70-х гг. Правобережную Украину, возродить там казачество (поставив его, конечно же, под контроль польских властей). История повторялась с завидной последовательностью: в мирное время казачество и государственность Украины стремились уничтожить, в годы войны использовать как опытных воинов, к тому же вовсе не обременительных для казны.

Казаки и крестьяне охотно откликнулись на призывы Собеского. В Побужье и Приднестровье переселяются казаки во главе с И. Абазиным и С. Палием⁴⁰.

Король еще не выступил походом на Вену, когда летом 1683 г. на Правобережье сформировался отряд в 20 тыс. казаков во главе с гетманом Куницким⁴¹. Казаки Куницкого действовали смело и решительно. Они изгнали неприятеля из г. Немирова, затем ударили на Бендеры, но, не сумев овладеть крепостью, двинулись на юг, разбивая кочевья белгородских татар, заняли крепости Килию и Измаил⁴². Одновременно отряд польских войск вошел в столицу Молдавии г. Яссы. Турецкие гарнизоны остались только в крепости Каменец-Подольск и нескольких пунктах поблизости. К 1685 г. Подолия практически была освобождена от османских войск, и сейм Речи Посполитой разрешил казакам селиться по Бугу и Днепру. Речь Посполитая тем самым санкционировала создание в этих районах казацких полков, но они должны были подчиняться польским властям, о создании здесь особого политического организма не было и речи.

Впрочем, когда в 1699 г. закончилась война «Священной Лиги» против Османской империи, сейм отменил свое решение и вообще запретил казачество. Семену Палию и Ивану Абазину вновь пришлось браться за саблю.

Поражение турок под Веной, несмотря на всю его масштабность, явно не решило исхода войны. «Священной Лиге» была крайне необходима помощь со стороны России, чтобы оттянуть силы противника на восток и блокировать Крымское ханство. Последовали настойчивые предложения России возобновить войну с Турцией. Но дело в том, что Турция перемирием 1681 г. признала за Россией Киев, Левобережье и Запорожье, тогда как Речь Посполитая по-прежнему требовала возвращения утраченных земель не только Украины, но и России. Проходившие в Андрусове русско-польские переговоры по этому вопросу закончились безуспешно⁴³. Новая война с Турцией в таких условиях для русского правительства не имела смысла.

Совершенно иные политические планы были у левобережного гетмана. Он намеревался объединить под своей властью всю Украину. В этом случае предстояло вести войну не против османов, а против Речи Посполитой в союзе с османами. Самойлович явно стремился к такому союзу. Были установлены частые дипломатические контакты гетмана и хана, гетман постоянно предупреждал Бахчисарай о враждебных замыслах Варшавы⁴⁴.

О своих внешнеполитических планах Самойлович открыто говорил на Украине и в Москве. Никаких протестов и упреков со стороны Посольского приказа не следовало. По-видимому, требовалось время для того, чтобы сделать выбор между двумя вариантами политики.

В отечественной историографии прочно утвердилось и стало общепринятым мнение о том, что главной целью России было добиться от Речи Посполитой окончательного отказа от Смоленска, Киева, Левобережной Украины и Запорожья. Платой за такой отказ было бы участие России в антиосманской войне. По-видимому, политика главы Посольского приказа В. В. Голицына была сложнее: вопрос о закреплении за Россией приобретенных в 1667 г. земель играл в ней скорее всего подчиненную роль. Главной задачей становилась борьба за выход к южным морям. Такой политический курс логически увязывался с хорошо известными «западническими» настроениями российского канцлера. Отказавшись, вопреки советам Самойловича, от борьбы за Правобережную Украину, российские политики создавали возможность решения проблемы выхода к Черному морю.

Воссоединение Украины с Россией, кроме всего прочего, знаменовало медленное, но неотвратимое наступление на кочевую степь.

К 1680-м гг. вся южная граница России была закрыта крепостной стеной. Укрепления начинались неподалеку от Полтавы и выходили к Волге⁴⁶. Построенные для защиты от стремительных степных воинов, эти укрепления к 1680-м гг. стали базой для удара на Крым и Азов. Геополитическая проблема защиты южной границы перерастала в проблему борьбы за черноморское побережье.

Как и во время русско-польской войны 1654—1667 гг., в этой новой борьбе России нужна была не угнетаемая русской администрацией Украина, а Украина достаточно самостоятельная, автономная, как политический «буфер», снимавший значительную часть военных и прочих проблем с плеч России. России нужен был сильный и деятельный соратник, а не безвластная, или даже враждебная колония.

Украинская автономия была тем более нужна в начальный (до Полтавы) период Северной войны, когда необходимо было сосредоточить внимание и силы на севере. И. С. Мазепа пользовался очень широкой, практически неограниченной властью и правами. Его измена дала толчок к угасанию украинской государственности.

Угасание это было длительным процессом, связанным, в первую очередь, с продвижением границ России к Черному морю, присоединением Крыма и отражением попыток Османской империи захватить украинские земли.

Политика Речи Посполитой на Украине отличалась противоречивостью. Часть магнатов и шляхты, подобно Яну Собескому, старалась идти путем компромиссов, уступок казакам, частичного признания государственности украинского народа. При поддержке Украины они надеялись отразить натиск османов, а если удастся, то и отвоювать у России Левобережье, Запорожье и Киев. Другие предпочитали разговаривать с украинцами на языке пушек и с саблями в руке. К концу XVII в. возобладала именно эта тенденция. Казачество и крестьянство Украины отвечало новыми восстаниями, что способствовало ослаблению Речи Посполитой и ее разделам в конце XVIII в.

Примечания

¹ Антонович В. Б. Последние времена казачества на правой стороне Днепра. К. 1898.

² Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией. Одобрены ЦК КПСС. Госполитиздат. 1954; Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. К. 1957.

³ Бойко І. Д. До питання про державність українського народу в період феодалізму. // Український Історичний Журнал (далее: УІЖ). 1968, № 8; Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 4; Богдан Хмельницкий. СПб. 1904; Грушевський М. С. Історія України — Руси. Т. 9. Кн. 2. К., 1931; Шевченко Ф. П. Політична економічна зв'язки України з Росією в середині XVII ст. К. 1959; Стецюк К. І. Народні рухи на Лівобережній і Слобідській Україні в 50—70 роках XVII ст. К. 1960; Апанович О. М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії — 50—70 роки XVII ст. К. 1961; Смолій В. А., Гуржій О. І. Становлення Української феодальної державності // УІЖ. 1990. № 10.

⁴ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. 2. М. 1966. С. 474—495; Мякотин В. А. Очерки социальной истории Малороссии. (Восстание Богдана Хмельницкого и его последствия). — Русское богатство. 1912, №№ 8—11; 1913 №№ 9—12; Степанков В. С. Українська держава у середині XVII століття: проблеми становлення й боротьби за незалежність (1648—1657). Автореферат докторської дисертації. К. 1993.

⁵ Смолій В. А., Гуржій О. І. Назв. твір; Степанков В. С. Назв. твір; Смолій В., Степанков В. У пошуках нової концепції історії Визвольної Війни українського народу XVII ст. К., 1992.

⁶ Смолій В. А., Гуржій О. І. Назв. твір. С. 720.

⁷ Санин Г. А. Советская историография внешней политики России XVII в. // Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М. 1981. С. 90—91; Федорук Я. Зовнішньополітична діяльність Богдана Хмельницького і формування його політичної програми (1648 — серпень 1649 рр.) Львів, 1993.

⁸ Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697—1710 гг. Л. 1986. С. 17—54.

⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в 1-ой половине XVII в. М. 1948; Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М. 1987. С. 46—73 и др.

¹⁰ Санин Г. А. Указ. соч. С. 39—42, 62—73, 133—177, 213—231, 236—237.

¹¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах (далее ВУСР). Т. III. М. 1953. С. 560—562. 1654 марта 21. Договорные статьи о положении Украины в составе России.

¹² Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М. 1996. С. 75.

¹³ Серчик В. Речь Посполитая и казачество в первой четверти XVII в. Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М. 1979. С. 176.

¹⁴ Степанков В. С. Назв. твір. С. 39.

¹⁵ ВУСР. Т. 2. С. 307. 1649 декабрь. Статейный список русского гонца в Варшаву Г. Кунакова.

¹⁶ Грушевський М. С. Иллюстрированная история Украины. СПб. 6. г. С. 234.

¹⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. (Далее АЮЗР). Т. 4. СПб. 1863. С. 141—144. 1658 сентября 6. Гадячский договор.

¹⁸ Санин Г. А. Антиосманская борьба югославянских народов и внешняя политика России во 2-й половине XVII — начале XVIII в. // Югословенские земли и Русия у XVIII веку. Београд. 1986. С. 39—53.

¹⁹ Санин Г. А. Боротьба України і Росії проти турецько-татарської агресії в 1672 р. — УІЖ. 1971. № 12. С. 49.

²⁰ Санин Г. А. Русско-польские отношения 1667—1672 гг. и крымско-турецкая политика в Восточной Европе. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М. 1979. С. 278—280.

²¹ АЮЗР. Т. IV. СПб 1863. С. 265. Статейный список воеводы А. Трубецкого. Запись о раде 1659 октября 15.

²² Там же, то же. С. 266.

- ²³ ЯЮЗР. Т. IX. С. 933. 1672 июня 15. Статейный список воеводы Г. Г. Ромодановского. Запись о раде 15 июня.
- ²⁴ Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М. 1987. С. 48—49, 55—56 и др.
- ²⁵ АЮЗР. Т. IV. С. 265. Статейный список воеводы А. Н. Трубецкого. Запись о раде 1659 г. Октября 19.
- ²⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ) Т. 1. СПб. 1830. С. 810, 814. 1669 марта 6. Статьи, на которых был избран гетманом Д. И. Многогрешный.
- ²⁷ Там же. С. 810. То же.
- ²⁸ РГАДА. Ф.79. Сношения с Польшей. Оп. I. Кн.128. Л. 559—569. 1669 г. Запись переговоров России и Речи Посполитой в Андрусове.
- ²⁹ Wojcik Z. Między traktatem Andrusowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667—1672. W. 1968. S. 277.
- ³⁰ РГАДА. Ф.79. Сношения с Польшей. Оп. I. 1671. Стб. 17. ЛЛ. 365 и об. Запись переговоров в Москве о русско-польском союзе.
- ³¹ Там же. ЛЛ. 367. Об. 368. То же.
- ³² О политических планах П. Д. Дорошенко см. Санин Г. А. Некоторые черты политики гетмана П. Д. Дорошенко. // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина. Вип.2. К., 1993. С. 18—26.
- ³³ АЮЗР. Т. IX. СПб. 1877. С. 197—203. — 1670 мая 10. Острожский договор.
- ³⁴ Там же. С. 198. То же. 35.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. I. Кн. 141. Л. 582 об. Переговоры о русско-польском союзе против Османской империи. — 1672 января 15. Письмо польских послов в боярскую Думу.
- ³⁶ Grabowski A. Ojczyście wspominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Т. 2. Kraków, 1845. S. 336.
- ³⁷ Korzon T. Dola i niedola Jana Sobieskiego. Т. III. Kraków, 1898. S. 392.
- ³⁸ АЮЗР. Т. IX. СПб. 1877. С. 354. 1670 сентября 2. Острожский договор.
- ³⁹ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 5. Т. LVX. Руина. СПб. 1905. С. 325.
- ⁴⁰ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 353—354.
- ⁴¹ Urbański T. Rok 1683 na Podolu, Ukrainie i w Moldawii. Szkic historyczny z czasów panowania Jana III Sobieskiego. Lwów. 1907. S. 31; Bataglia O. F. Jan Sobieski, król Polski. Warszawa, 1983. S. 253.
- ⁴² Urbacski T. Op. cit. S. 32—42.
- ⁴³ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 532.
- ⁴⁴ Грушевский М. С. Указ. соч. С. 352, 355—357.
- ⁴⁵ Санин Г. А. Южная граница России во 2-й половине XVII — 1-ой пол. XVIII в. // «Russian History». 19. № 1—4, 1992.

Виктор Горобец

УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЕТМАНЩИНЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА)

Развитие украинской исторической науки в конце 80-х — начале 90-х гг. текущего века позволило однозначно положительно решить проблему формирования национальной государственности на украинских землях на рубеже нового времени. Научно доказательные работы В. Смолия, В. Степанкова, В. Ворисенка, Ю. Мыцика и других современных исследователей, которые продолжили научную традицию, заложенную в начале XX в. В. Липинским и С. Томашивским, убедительно доказали, что в результате Национальной революции 1648—1649 гг. в Европе возникло новое государственное образование — Украинская казацко-гетманская держава (Войско Запорожское).

Менее единодушны исследователи в оценке политических реалий второй половины XVII — XVIII в., в частности, определения политико-правового статуса Украины в составе Российского государства. Сложность научного решения проблемы обуславливается, главным образом, двумя обстоятельствами: во-первых, недостаточной понятийной разработанностью отечественной юридической науки, прежде всего в области историко-правовой терминологии; во-вторых, известным несоответствием правовых норм, зафиксированных в межгосударственных соглашениях, и политических реалий исторического момента (вследствие чего при анализе нередко приходится юридическую сторону вопроса (*de jure*) отделять от фактического положения вещей (*de facto*)).

Политико-правовой статус Войска Запорожского до 1654 г. определяли нормы Зборовского 1649 г. и Белоцерковского 1650 г. соглашений с Речью Посполитой. Соглашения предусматривали сохранение за регионом, ограниченным сначала — согласно нормам договора 1649 г. — землями Брацлавского, Киевского и Черниговского воеводств, и — Киевского воеводства — в соответствии с договором 1650 г. прав административной автономии в составе Речи Посполитой. Однако *de facto* Украина на протяжении 1649—1654 гг. была независимым государственным образованием, полностью автономным как в сфере внутренней, так и внешней политики.

Перманентная кровопролитная борьба с Польшей, что то с большим, то с меньшим размахом велась на протяжении шести лет, была направлена на то, чтобы добиться от польского руководства признания *de jure* факта существования нового государственного образования, а также объединения в границах единого «казацкого» государства всех этнически украинских земель, т. е. территорий Речи Посполитой, населенных православным «руським» народом. Выступая в поход против войск польского короля в мае 1649 г. гетман Б. Хмельницкий ставит перед украинской казацкой армией задачу полного разгрома противника с тем, чтобы гарантировать независимость «Руськой» (Украинской) державы, территория которой пролегла бы от Перемышля до московской границы¹.

Однако исторические реалии конца 40-х — начала 50-х гг. XVII в. складывались весьма неблагоприятно для реализации поставленных задач. Геополитическая ситуация в регионе была такова, что руководство ни одной из соседних с Украиной стран не было заинтересовано в становлении на ее землях суверенного государства. Горький опыт военных компаний 1649 и 1651 гг., успешное завершение которых было перечеркнуто сепаратными действиями крымского хана, убедительно доказывало тот факт, что ханство исчерпало свои потенциальные возможности союзника Украины в борьбе за ее независимость. Крымские интересы совпадали с украинскими до тех пор, пока речь шла об ослаблении Речи Посполитой. Но после инцидентов под Зборовым и Берестечком очевидным явилось то, что Бахчисарай никогда не допустит решающей победы украинской армии, которая нарушила бы неустойчивое равновесие сил в регионе, позволяющее орде беспрепятственно развивать невольничий «промысел». Красно-речивой иллюстрацией позиции официального Чигирина по отношению к Крыму в это время является свидетельство генерального писаря И. Выговского, высказанное в письме к думному дьяку Л. Лопухину в августе 1653 г.: «Татарам уже не верим, потому что утробу свою насытити ищут и мехи пенезми наполнити, а православных пленят и убивают...»².

Внешнеполитические просчеты правительства Хмельницкого в Придунайском регионе привели к оформлению здесь в середине 1653 г. антиукраинской коалиции государств в составе Молдавии, Валахии и Трансильвании.

Отеutschвовали в правительственных кругах Украины также иллюзии относительно возможности разрешения конфликта с Польшей политическими методами. После смерти канцлера Е. Оссолинского в польском руководстве главенствующее место занимает радикально-

консервативная группировка, которая стремится разрешить «украинскую проблему» только силой оружия. Поэтому, несмотря на поражение в битве под Батогом 23 мая 1652 г., польское правительство категорически отказывается обсуждать предложенные Хмельницким условия перемирия (следует обратить внимание, довольно мягкие условия, предусматривающие лишь подтверждающие Зборовских соглашений 1649 г.) и ставит задачу полного разгрома Войска Запорожского и признания казачеством условий «Ординации» 1638 г.³

Длительная война разрушила хозяйственный комплекс Украины, привела к обнищанию значительной части украинского общества, А это, в свою очередь, провоцировало возрастание социальной напряженности в обществе, существенно ограничивало социальную опору гетманской власти, подрывало боевую мощь украинской армии.

Сложность ситуации, в которой находилась Украина в начале 50-х гг., вынуждает ее руководство к поиску надежных и сильных союзников по антипольской коалиции. Наиболее интенсивно в это время украинской дипломатией разрабатываются два направления — московское и турецкое. Украинско-турецкие контакты в начале 50-х гг. приобретают характер постоянно действующих и в середине мая 1653 г. к Хмельницкому прибывает турецкий посол Магмет-ага с султанской грамотой и атрибутами власти вассально зависимого от Порты правителя, заверяя гетмана, что ему «будет не так, как крымской хан, (султан) не будет тесноты никакие чинить»⁴.

Протурецкую ориентацию активно поддерживает определенная часть старшинского корпуса, однако более сильную поддержку в окружении Хмельницкого в это время имеет ориентация на Москву. Безусловно, что определяющим при выборе приоритетов внешнеполитической деятельности Украинского государства становится региональный фактор. Еще в апреле 1649 г. в разговоре с царским послом Г. Унковским Хмельницкий подчеркивал, что «от Владимирова святого крещения одна наша благочестивая христианская вера с Московским государством...»⁵.

Не безынтересно, что превалирующую роль при принятии Москвой решения о протекторате над Войском Запорожским сыграла как раз угроза принятия последним турецкой протекции. Информация относительно реальности такого развития событий, полученная от Выговского 20 июня 1653 г., вынуждает царское правительство прервать чрезвычайно длительный процесс обдумывания решения и уже через день, 22 июня, направить Хмельницкому письмо с сообщением о готовности Алексея Михайловича принять Войско Запорожское «под свою царского величества высокую руку, яко да не будете врагом креста Христова в притчу и в поношение»⁶.

(Аналогичные мотивы звучали и в постановлении Земского собора 1 октября 1653 г. о принятии Украины под «высокую царскую руку»⁷).

В исторической и историко-юридической литературе бытуют разные, подчас диаметрально противоположные взгляды относительно характера украинско-российского соглашения 1654 г. П. Кулиш, Г. Карпов, В. Мякотин, их последователи и эпигоны в российской дореволюционной историографии, а позже — вся советская официальная историческая литература отрицали договорные принципы акта 1654 г. В то же время Н. Костомаров, П. Шафранов, М. Грушевский, А. Яковлев, Н. Василенко, Б. Нольде, А. Оглобин и другие исследователи отмечали, что, несмотря на специфику подписанных документов (которые имели вид «пронения» Войска Запорожского и царского «пожалования» на него), есть все основания классифицировать акт как двусторонний межгосударственный договор.

Бесспорно, что различие условий, в которых формировались политические культуры российского и гетманского государства, а также вполне объективная разность стартовых возможностей сторон предопределили неадекватность подходов и разность концептуального выделения контрагентами переговорного процесса очертаний проектируемого союза. В частности, обращает на себя внимание тот факт, что украинская сторона никогда не ставила вопрос о безусловном вхождении украинских земель в состав Российского государства. Даже в критических условиях, которые имели место после Берестейской трагедии 1651 г., Хмельницкий, в разговоре с назаретским митрополитом Гавриилом (который выступал посредником в контактах гетмана с царем), высказывая свою готовность идти под руку московского монарха, вместе с тем, оговаривал намерения дать «... на себя договорное письмо за руками з болшим утверждением...»⁸.

Еще более показательным в этом отношении является заявление фактического ведомства Войска Запорожского генерального писаря (канцлера — как его титуловали зарубежные дипломаты) Ивана Выговского, который в ходе переговоров с царским послом Г. Богдановым подчеркивал: в случае готовности Алексея Михайловича принять Украину под свое покровительство он лично поедет в Москву «... о тех о всех статьях учнет договариваться, на которых статьях тому быть, что им быть под его государевою высокою рукою»⁹.

Концептуальное видение украинской стороной принципиальных основ союза с Москвой, изложенное в гетманском проекте от 17 февраля 1654 г.¹⁰ свидетельствуют о ее желании гарантировать нерушимость общественно-политического и социально-экономического ук-

ладов национальной государственности, обеспечении суверенитета Войска Запорожского как в сфере внутренней, так и внешней политики. Проект убедительно свидетельствовал о желании украинских политиков не включить Украину в состав Российского государства, а установить с ним отношение протектората-вассалитета (документ, в частности, содержит ссылки на прецедент взаимоотношений Придунайских княжеств с турецким султаном) — отношений, довольно характерных для Европы рубежа средних веков — нового времени.

Отсутствие инструкции («наказа») на переговорах с украинским руководством главе царской делегации боярину В. В. Бутурлину (сохранилось лишь упоминание о том, что 10 октября 1653 г. по пути в Украину в с. Семеновском боярин вместе с грамотой Алексея Михайловича на имя Б. Хмельницкого получил также «наказ ... по чему им, будучи у гетмана, государево дело делать...»¹¹) не позволяет адекватно реконструировать позицию российской стороны относительно проектируемого характера отношений с Украиной. Основываясь на опосредованных свидетельствах, в частности, анализируя политический курс Москвы по отношению к Войску Запорожскому в последующее время, можно с большой долей уверенности предположить, что ментальные ориентиры российских политиков, формировавшиеся под влиянием вековой традиции московской правящей династии «собирания земель русских», обуславливали их оценки акта 1654 г. как продолжения «собираательной» практики по отношению к «ранее утерянным» Киевскому и Черниговскому княжествам.

Сложность обстановки, в которой пребывало руководство Войска Запорожского, его крайняя заинтересованность в вовлечении России в войну против Речи Посполитой не позволило украинским политикам последовательно и категорично отстаивать собственную позицию — сначала в январе 1654 г., на переговорах в Переяславе, а позже, в марте сего же года, в Москве. Вследствие давления московских политиков в заключительные документы соглашения были внесены положения, предусматривавшие подчинение украинских финансов царской казне, а также подотчетность внешнеполитической деятельности гетманского правительства Москве, при запрете на самостоятельные сношения с варшавским и стамбульским дворами.

Несмотря на внесенные российской стороной дополнения и изменения, ограничивающие суверенитет украинского руководства, в целом, Украина и после 1654 г. сохранила свою государственность. Объединение с Российской монархией произошло на правах широкой политической автономии Украинского государства, поэтому межгосударственная связь приобрела форму своеобразной конфедерации го-

сударств, под верховенством династии Романовых. В правовом отношении зависимость Войска Запорожского от российского монарха соответствовала нормам протектората-вассалитета (правда, в более жестких формах, нежели того желало гетманское правительство).

В силу различных причин (как объективного, так и субъективного плана) на протяжении 1654—1657 гг. правовые нормы Переяславско-Московского соглашения соблюдались не в полной мере и зависимость Войска Запорожского от царя *de facto* перевоплотилась в норму номинального вассалитета, при котором украинские финансы бесконтрольно находились в распоряжении гетмана, точно так же и ограничение во внешнеполитической деятельности полностью игнорировалась Чигирином (чему в немалой степени способствовали польско-российские переговоры в Вильно в 1656 г., которые в Украине расценивались не иначе как сепаратные и абсолютно вредные с точки зрения украинских интересов). Курс Москвы на примирение с Речью Посполитой, игнорировавший намерения украинского руководства добиваться освобождения из-под власти польского короля западно-украинских земель, вынуждает Хмельницкого в октябре 1656 г. подписать договор о дружбе с Трансильванией¹², а с начала 1657 г. значительно активизировать переговорный процесс со Швецией. 10 января 1657 г. гетман направляет сильный экспедиционный корпус А. Ждановича (15—20 тыс. казаков) на помощь трансильванскому князю Ракоци¹³, воюющему против Польши, чем недвусмысленно демонстрирует несогласие со внешнеполитическим курсом Москвы и нежелание считаться с условиями Виленского перемирия.

Резко диссонировало с ними и продолжение переговоров с представителями шведского короля (против чего неоднократно выступала и московская сторона), а также достижение предварительных договоренностей относительно подписания договора о дружбе с союзником Швеции — брандербургским курфюрстом Фридрихом-Вильгельмом (июнь 1657 г.)¹⁴.

Планы приведения правовых норм союза в соответствие с реалиями жизни, а главное — с политическими перспективами развития украинской государственности, занимали одно из приоритетных мест в политике Хмельницкого. Также и правительство Алексея Михайловича неоднократно демонстрировало неудовлетворенность как юридической, так и фактической стороной украинско-российских отношений. В частности, довольно серьезные претензии и в достаточно жесткой форме были предъявлены гетману во время визитов в Украину головы московских стрельцов А. Матвеева (январь 1655 г.), думного дьяка Л. Лопухина (апрель 1656 г.), стольника В. Кикина (июнь

1656 г. и февраль 1657 г.) и особенно — окольничего Ф. Бутурлина (июнь — июль 1657 г.)¹⁵.

Вопрос о степени подчиненности Войска Запорожского Москве стал стержневым во внешнеполитической деятельности гетмана Ивана Выговского, вылившись в конце 1658 — начале 1659 гг. в широко-масштабный вооруженный конфликт бывших союзников.

Попытку конституирования принципов номинального вассалитета во взаимоотношениях с царем предпринял осенью 1659 г. и гетман Юрий Хмельницкий, предложив на переговорах с российским послом Н. Трубецким, так называемые, Жердовские статьи — проект, который в полной мере учитывал уроки предыдущей истории украинско-российских отношений и был призван закрепить основы политической автономии Украины. Документ, в частности, содержал положения, запрещающие любые контакты населения Гетманщины с царским двором без особого на то разрешения гетманского правительства; требовал обязательного подчинения гетману царских войск, вступающих на подвластную гетману территорию; предусматривал другие гарантии невмешательства царского правительства во внутренние дела Войска Запорожского, а также — снятие предыдущих ограничений в сфере внешней политики¹⁶.

Однако присутствие на Переяславской раде II (октябрь 1659 г.) значительного контингента российских войск, рост на Левобережье промосковских тенденций (чему, безусловно, способствовал крах политики Выговского, прежде всего в сфере социальных отношений) — все это в конечном результате позволило Трубецкому не только отклонить Жердовский проект, но и навязать украинской стороне ущемляющие ее интересы фальсификат договора 1654 г. (в редакции 14 статей) и 18 пунктов новых статей, которые существенно ограничивали суверенитет гетманского правительства как в сфере внешней, так и внутренней политики. В частности, Переяславские статьи 1659 г. ставили под контроль царского правительства процедуру избрания гетмана, предписывая новоизбранному украинскому правителю после избрания ездить к государю, который, утвердив правомерность elections «пожалует гетмана по чину: булаву и знамя и на гетманство свою государеву жаловальную грамоту ему велит»¹⁷. С этих пор гетманскому правительству запрещалось самостоятельно проводить внешнюю политику, объявлять войну или предоставлять военную помощь кому бы то ни было без соответственного указания царя. Российские военные гарнизоны, помимо Киева (где они находились с весны 1654 г.), вводились в Переяслав, Нежин, Чернигов, Брацлав, Умань. Кроме того, договор содержал в себе ряд других ограничений властных прерогатив гетмана и старшины.

Таким образом, Переяславские статьи 1659 г. трансформировали политическую автономию Украинского государства в административную, а конфедеративная связь государств превращалась в — федеративную.

Жесткий диктат Трубецкого на переговорах в Переяславе (стремясь вынудить Ю. Хмельницкого к уступкам, воевода открыто угрожал возобновить боевые действия), неуступчивость царского правительства при попытке гетмана аннулировать некоторые явно ущербные для украинских интересов положения соглашения (миссия А. Оди́нца и П. Дорошенко в Москву в декабре 1659 г.¹⁸) спровоцировали новый украинско-российский разрыв и подписание Хмельницким осенью 1660 г. Слободыщенского трактата с Речью Посполитой.

Однако этот шаг Хмельницкого, равно как и продолжительная упорная борьба гетмана П. Дорошенка во второй половине 60-х — начале 70-х гг., уже были не в состоянии изменить ход истории, преодолев фатальное для Украины развитие геополитической ситуации в регионе, добиться для национального государства если не полной независимости, так хотя бы конституирования прав политической автономии под протекторатом Речи Посполитой, Османской империи или Российского государства.

Безрезультатно закончилась и попытка царского правительства полностью ликвидировать автономию Левобережной гетманщины, предпринятая осенью 1665 г. (так называемые московские статьи И. Брюховецкого). Действия царской администрации, направленные на реализацию положений договора 1665 г., провоцируют возрастание на Левобережье антимосковских настроений. Спорадические вооруженные выступления (наибольший размах выступления получили на Переяславщине в середине 1666 г.) в начале 1668 г. под влиянием сообщений о результатах Андрусовского перемирия перерастают в широкомасштабную украинско-российскую войну.

Своеобразным компромиссом деморализованной Руиной левобережной старшины и истощенного непрерывными боевыми действиями в Украине царского правительства стал Глуховский договор 1669 г. В принципиальном отношении соглашение повторило положения статей Ю. Хмельницкого, возвращая таким образом гетманщине права административной автономии (естественно, учитывая условия Андрусовского перемирия, речь шла уже не о всей Украине, а лишь о ее левобережном регионе).

Глуховские статьи, наряду с договором 1659 г., были положены в основу последующих украинско-российских договоров, а именно: 1672, 1674, 1687 гг. Вместе с тем, при избрании на гетманство как И. Са-

мойловича, так и И. Мазепы, в политике Москвы четко прослеживалась тенденция на ограничение автономных прав гетманата. В частности, наиболее принципиальные нововведения Конотопских статей 1672 г. заключались в денонсации положений договора 1669 г. об обязательности присутствия представителей Войска Запорожского на переговорах с Речью Посполитой, а также невозможности будущих территориальных приобретений гетманата. А в договор 1687 г. российский представитель князь В. Голицын включил положения, ограничивающие prerogatives гетманской власти в сфере поземельных отношений, запрещающие украинским правителям своей властью прекращать действия в Украине указов центрального правительства.

Незаурядные политические способности гетмана И. Мазепы позволили ему добиться полного расположения и доверия со стороны Петра I, что, в свою очередь, способствовало укреплению гетманской власти и фактического расширения ее prerogatives по сравнению с закрепленными в украинско-российских договорах полномочиями. Мазепе даже удалось реанимировать некоторые внешнеполитические функции гетманата — с разрешения царя он устанавливает постоянные дипломатические контакты с польским двором, молдавским господарем, предводителями татарских орд¹⁹.

Однако объективный ход развития государственной идеи в России, во главе угла которой лежала задача построения мировой империи, оставляла все меньше перспектив для сохранения украинской автономии. Планы реформирования государственного устройства гетманата, о чем Петр I и его приближенные неоднократно высказывались начиная с 1704 г. (наряду с важными внешнеэкономическими соображениями) и послужили главной причиной разрыва Мазепы с царем.

В годы гетманства П. Скоропадского (1708—1722) Украина формально сохранила за собой права административной автономии, конституированные договорами второй половины XVII в., поскольку Петр I, отказавшись в 1709 г. подписать новый договор с гетманским правительством, вместе с тем, неоднократно заявлял о сохранении действия предыдущих соглашений. Однако фактическое развитие украинско-российских отношений в пост-мазепинское время явственно свидетельствовало о начале принципиально нового этапа в истории украинской государственности. В частности, правительство Петра I в июле 1709 г. учредило в Украине институт царских резидентов, поставив таким образом гетмана под пристальный контроль центрального аппарата власти; активно вмешивалось в кадровую политику гетманата; распространяло на украинскую территорию некоторые положе-

ния российского уголовного кодекса и регламентационных указов в области торговли.

Учреждение в 1722 г. в Украине российской властной структуры — Малороссийской коллегии и, особенно, осуществление ею реформ государственного устройства Гетманщины²⁰ знаменовали собой ликвидацию автономного статуса Войска Запорожского, поскольку основные признаки административной автономии, а именно: самоуправление при проведении внутренней политики и его функционирование на основе собственного законодательства, в это время Украиной были утеряны. Правительство Петра I *de facto* ликвидирует в Украине институты гетманства и генеральной старшины, передав их функции Малороссийской коллегии; украинские финансы в полном объеме привлекаются в общеимперскую казну; в украинское судопроизводство целенаправленно внедряются российские правовые кодексы и делопроизводственные нормы.

К началу 1725 г. Украина стояла на пороге полной инкорпорации ее земель в состав Российской империи и ассимиляции ее гражданского общества. И лишь смерть императора Петра I и последовавший за ней процесс пересмотра принципов государственной политики, в том числе и по отношению к Украине, затормозило осуществление этих задач, дав возможность некоторым признакам украинской автономии просуществовать вплоть до начала 80-х гг. XVIII в.

Примечания

¹ Львовская научная библиотека им. В. Стефаника, Отдел рукописей. Ф. 5 Оссолинских. Д. № 189/11. Л. 264.

² Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. Т. 3. М., 1954. С. 366.

³ Смолій В., Степанков В. Правобережна Україна у другій половині XVII—XVIII ст.: проблеми державотворення. К., 1993. С. 19.

⁴ Смолій В. А., Степанков В. С. Богдан Хмельницький: Соціально-політичний портрет. К., 1993. С. 326.

⁵ Воссоединение Украины с Россией. Т. 2. С. 152—153.

⁶ Акты Юго-западной России (далее Акты ЮЗР). Т. 10. СПб., 1878. С. 4.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. — С. 121—122.

⁹ Там же. С. 120.

¹⁰ Акты ЮЗР. Т. 10. С. 449.

¹¹ Воссоединение Украины с Россией. Т. 3. С. 425.

¹² Акты ЮЗР. Т. 3. СПб., 1861. С. 557.

¹³ Документы Богдана Хмельницкого (1648—1657). К., 1961. С. 551.

¹⁴ Там же. С. 597; Олялин Д. Українсько-бранденбурзькі політичні зносини в XVII ст. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 151. С. 151—179.

¹⁵ См.: Акты ЮЗР. Т. 3. С. 576—580; Сибирский сборник. Т. 1, Ч. 2. М., 1845. С. 7; Грушевский М. С. Історія України — Русі. Т. 9. К., 1931. С. 1032—1033; 1205—1206.

¹⁶ Акты ЮЗР. Т. 4, СПб., 1863. С. 255—257; Т. 15. СПб. С. 256—258.

¹⁷ Там же. Т. 4. С. 263.

¹⁸ Там же. Т. 5. СПб., 1867. С. 1—7.

¹⁹ Источники малороссийской истории, собр. Д. Н. Бантышом-Каменским. Ч. 1. М., 1858. С. 317.

²⁰ См.: Российский государственный архив древних актов. — Ф. 124. Оп. 3. Д. 505, 508, 560, 604, 616 и др.

ПОЗИЦИИ ГЕТМАНСКОЙ ВЛАСТИ И РОССИИ НА УКРАИНЕ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Антитурецкий Вечный мир России и Речи Посполитой 1686 г. изменил в их пользу ситуацию в Восточной Европе. На Украине анархия и руина 1663—1687 г. сменились относительной стабилизацией.

25 июля 1687 г. первое лицо в правительстве «великой государыни и великой княжны Софьи Алексеевны, Всея Великия и Малыя и Белыя России самодержицы», полонофил В. В. Голицын рекомендовал украинскому войску избрать гетманом расчетливого, с польским лоском, генерального есаула И. С. Мазепу. Седовласый на шестом десятке жизни старец перед Евангелием, православным крестом и Богом принес присягу на верность России.

К этому времени военный потенциал России (164 тыс. войск и до 50 тыс. иррегулярных) в несколько раз превышал силу польско-литовской унии. Вызревавшая империя первых Романовых включала сотни племен и народов от Кольского полуострова, Брянска, Харькова и Астрахани до Тихого океана. Ликвидируя туземные органы власти, она удачно использовала национальные формирования и местных правителей, оставляя им пустые титулы «князей» и «царевичей». Русская сфера влияния простиралась на Левобережную и Коронную Правобережную Украину (до Ягорлыка) и на Запорожье. Сфера реальных претензий охватывала все «русские» (восточно-славянские) земли до Вильнюса и Западного Буга, ибо ни одно правительство России с XV в. не отказывалось от древнерусского наследства, возводя свою государственность к киевскому началу. Запросно-дипломатическими в 1689 г. были претензии на Крым, Очаков и Азов¹.

Второе по величине после России европейское государство — Речь Посполитая — быстро теряла агрессивность и уходила в самоизоляцию. Максимумом ударной военной силы шляхетская республика обладала в конце XVI — первой половине XVII в., когда сфера ее претензий выплескивалась далеко за пределы польского этнического ядра — до Москвы и Дуная. Ахиллесовой пятой Речи Посполитой оказалась Украина. Создать по примеру России засечную оборонительную систему против крымских набегов польско-литовское государство не могло. Не удалось создать и эффективную пограничную

казацкую службу, наподобие, например, сербо-хорвато-валашской «Военной границы» Габсбургов. Отсюда постоянные конфликты между украинским казачеством, не находившим себе места в традиционном обществе Речи Посполитой и правящем классе этого государства.

Православный казацкий пояс от Днестра до Северского Донца был не только антитатарским, но и антипольским. Национально-освободительная война украинского народа (1648—1654), русское вторжение (1654—1656), шведский «потоп» (1655—1660) сильно ослабили шляхетскую республику. Однако и в конце XVII — начале XVIII в. польское правительство, располагая войском в 28—33 тыс. чел., претендовало на Молдавию и Валахию, выход к Черному морю в районе между Дунаем и Днепром и на водружение креста на соборе Святой Софии. Польское культурное влияние достигало в то время Смоленска, Киева и Москвы.

Неоспоримым наследством Короны Польской (с 1569 и до 1710 г.) шляхта продолжала считать (помимо Правобережной) и Левобережную Украину, а также Запорожье². Ян III Собеский не исключил из своего титула Черниговщину, Смоленщину и Киевщину и заводил собственных «запорожских гетманов». Однако фактически польский контроль восточнее Волыни и Подолья был слабым.

Почему же граница сферы влияния правобережного казачества установилась по р. Случь? Скорее всего, потому, что западнее ее польская государственность, утвердившись вплоть до Каменца-Подольского и Владимира Волынского, успела пустить на украинских землях глубокие корни и основательно колонизировать «русскую» феодальную верхушку на Холмщине, Червоной Руси и Волыни. За Случь на запад почти не перекинулось восстание Наливайко 1594—1596 гг., почти до Случи доходила по Гадячскому договору 1658 г. западная граница «Русьского княжества». «По всей Украине от Днепра до Днестра и вверх по Случи не будет ноги лядской!» — заявляли во время восстаний правобережные казаки.

Не Днепр, а восточная граница сферы польского социального влияния, проходившаяся от Случи на север, делила Украину надвое.

Украинская государственность и военная сила, воссозданная заново в середине XVII в., лишь в идейном плане могла обращаться к древним киевским традициям. Сфера их действия в конце XVII — начале XVIII в. охватывала только часть украинской этнической территории. Украинцы имели свое самосознание, традиции, государственность и культуру, тяготевшие в XVII—XVIII вв. не к Польше, а к России. Гнет шляхты запалил «заклятую» вражду к ляхам и два этих славянских народа разделила большая кровь.

С помощью России Левобережная Украина полностью, а Правобережная, в значительной мере, очистились от шляхетского господства. К моменту Переяславской Рады, на спаде Освободительной войны, украинский народ четко осознавал преимущества «федеративной связи» с единоверным и единоплеменным русским народом. Промосковская ориентация на Украине традиционно имела больше сторонников, чем пропольская и протурецкая. Поэтому и не было массовой украинской колонизации, например, в Малую Польшу, Белоруссию или Крым, но была на восток, на территорию России.

После Руины и разделов украинских земель в 1667, 1672, 1686 г. Польшей, Турцией и Россией военный потенциал казачества стал намного слабее, чем при Богдане Хмельницком, 100-тысячное войско которого распространяло влияние до Сана, Полесья и Могилева. Вместо одного образовалось три очага украинской военной силы: Гетманщина с центром в Батурине (до 40 тыс. войск), Запорожская Сечь (от 10 до 20 тыс.) и казачество Правобережья с центром в Фастове (5—10 тыс.) Активность каждого из них определялась мощностью польского, русского или турецкого протектора. Сфера действий и «претензий» любого «ханского», «русского», «польского» гетмана и гетманчика зависела от силы Крыма, России или Польши.

Накопившая при Мазепе под протекторатом России большой экономический потенциал «Гетманщина», охватывавшая не более 1/5—1/6 украинской этнической территории, распространяла влияние на Правобережную Украину до Случи, на Подолье и Запорожье.

В антироссийских документах мазепинцев (например, Петрика, Орлика) появлялись тезисы, свидетельствующие о претензиях старшинской верхушки Гетманщины на входившую в состав России Слободскую Украину (где численность пяти слободских полков достигала 10—12 тыс.), Северщину и Область Войска Донского³. Не найдено документов, которые бесспорно говорили бы о существовании в этой среде планов объединения всех «русских» (белорусских и украинских) земель Короны Польской и Великого княжества Литовского под властью Мазепы и о претензиях на причерноморские степи и Крым.

Гетманщина при Мазепе стала необычайно ценным форпостом для Москвы в регионе от Греции до Польши. Став по сути советником русского правительства по внешнеполитическим и украинским вопросам, Мазепа поставлял с юго-востока в Москву огромный объем информации, а заодно и свою личную переписку для просмотра. Почти ежегодно Мазепа получал почетные награды за экспедиции против татар — хрустальные оправленные золотом кубки, аксамитные кафтаны на соболях с алмазными пуговицами, сабли в золотой оправе и т. п.

Военный потенциал российской Гетманщины в конце XVII — начале XVIII в. был меньше калмыцкого, насчитывавшего от 50 до 75 тыс. сабель. И хотя пешее, в основном, казачье войско не было способно к стратегическим броскам подобно налмыкам, но политический вес гетмана Мазепы в России был выше, чем хана Аюки (1642—1724) в связи с упоминавшейся вовлеченностью первого в польские, крымские, молдаво-валахские и другие дела.

Войти на равных в круг владетелей Восточной Европы Мазепа не мог и не пытался. Даже Богдан Хмельницкий обращался к крымскому хану с титулом «царь» и считал себя правителем низшего ранга по сравнению с падишахом, польским королем, московским царем, обращавшимся друг к другу как «брат» к «брату». (Всего лишь с 1681 г. русские цари перестали именовать крымского хана «братом», понизив для себя его ранг.)⁴

Фактически самостоятельная Запорожская Сечь (признанная в 1686 г. Польшей и в 1700 г. Турцией за Россией) не считала себя зависимой ни от Гетманщины, ни от Москвы. «Истинные сыны Малой России» (как обращался к запорожцам Мазепа) претендовали на получение особых грамот от ханов, королей и царей и сепаратно договаривались с Бахчисараем и Варшавой о войне и мире. Сфера влияния Сечевого войска покрывала запорожские степи по левому и правому берегу Днепра от Переволочны до Казыкермена и захватывала Правобережную Украину. Сечь не только соперничала с Гетманщиной, но и претендовала на главенство над ней. «Царского величества Войска Запорожского Обоих сторон Днепра гетман» Мазепа именовался казаками «московским духом». (Так сообщал он в Москву.)

Правобережное казачество обязано своим возрождением Яну III Собесскому (1629—1696), который восстановил его после начала войны с Турцией в 1683 г. Однако к концу XVII в. отношения казацких полков Правобережья с властями Речи Посполитой очень осложнились. 5—10-тысячное казачество правого берега считало Галичину и Волынь «Руской землей» и при случае провозглашало лозунг «Ляхов за Вислу!», но не имело сил распространять свое влияние западнее Случи и Подолии. Если Гетманщина была в однозначной зависимости от России, то на Правобережье соперничали Москва, Варшава, Бахчисарай, а также Сечь и Батурин. Полковник Самусь именовался титулом «гетмана Его Королевской Милости Войска Запорожского», что вызывало недовольство Москвы. «Батько казацийкий» С. Палий, прославившийся боевыми подвигами и защитой посольства от татар и ляхов, принимал для своих казаков сукна, кафтаны, золотые и ефимки одновременно от поляков и русских и заказывал у Мазепы знаме-

на «без надписей и титул, только с крестами». В последние годы войны с Турцией не поляки, а казацкие атаманы — Палий, Абазин, Ярема, Барабаш вели боевые действия.

Османская империя (100 тыс. пехоты, 15 тыс. конницы, 50 тыс. матросов), несмотря на откат с 1683 г. из Центральной Европы, не отказывалась от претензий на земли вплоть до Словакии, Киева, Харькова и Среднего Дона⁵. Для Стамбула «украинский фронт» был третьестепенным после балканского и иранского. Возложив на Бахчисарай задачу защиты своих границ в регионе, турки не ставили, как Россия, приоритетной цели собирания всех украинских территорий под скипетр падишаха.

Ядром силы Великого Крымского Юрта (всего до 70 тыс. сабель) была Перекопская орда, а буферной зоной вдоль казацкого пояса — «ногайский щит» от Дуная до Кубани вместе с Западной Черкессией⁶. «Сфера влияния» (набегов) крымцев и ногайцев достигала Ясса, Львова, Киева, Тамбова и Западной Черкессии, а в «сферу амбиций» входили Молдавия, Северный Кавказ до Кабарды, Украина до Подолии, Случи, Полесья и часть донских и калмыцких степей. (Крымские ханы болезненно восприняли включение Подолии в 1672 г. в состав не Крыма, а Турции и надеялись перетянуть на свою сторону Гетманщину, используя подвассальных «ханских гетманчиков» — Стечика, Петрика, Миско и др.)

К спекулятивным акциям относятся заявления турецких дипломатов в 1712—1713 гг. о том, что османские владения могут быть продвинуты вплоть до шведских в Лифляндии. Однако вплоть до 1712 г. Стамбул не оставлял надежды приобрести всю Украину вместе с Киевом⁷.

Так через креатур-гетманов, отдельных атаманов и полковников Турция с Крымом, Речь Посполитая и Россия пытались утвердить свое влияние на украинских землях.

Наложение сфер влияния и «сфер претензий» разных государств друг на друга обостряло их противоречия, расхождение — смягчало.

Позиции Москвы на Правобережье и даже в Червоной Руси, на Волыни и Подолии были предпочтительнее, чем у мусульманского соседа. Православный царь был священным символом для православных Речи Посполитой и Турции. Русским резидентам в Польше помогала армия православных информаторов — украинских и белорусских горожан, монахов, шляхтичей, молдаван, а также армян. В православных церквях Львовщины и Волыни после моления о здравии польского короля молились об Иване V и Петре I. Никакие эксцессы великорусских ратей на Гетманщине не могли дискредитиро-

вать идею царской власти как силы, объединяющей и защищающей православный мир. Ни одно антиправительственное восстание в России и на Украине в XVII—XVIII вв. не подвергало сомнению сакральный характер этой власти. Мазепа укреплял свое личное влияние на Украине в течение 20 лет, используя авторитет царской власти.

* * * * *

Война России и украинского казачества с крымскими татарами и турками в 1687—1700 гг. соответствовала украинским национальным интересам. Русская военная сила выполняла защитные функции для Украины — рука об руку с русскими украинцы строили крепости по Самаре и Орели, отправляли полки и партии против крымцев. О дезертирстве казаков не было и речи.

Русско-украинские походы 1687 и 1689 гг. в Дикое поле исторически ошибочно оценивали как военный провал В. В. Голицына. Да, за польский отказ от Левобережной Украины и Смоленщины Россия обязалась к ежегодным с 1687 г. вторжениям внутрь Крыма. Однако в Москве сознавали практическую невозможность завоевания Крыма и по сути ограничились двукратным демонстративным выходом в степь «отвеку неслыханной рати»⁸. Боярское правительство Л. К. Нарышкина в 1689—1694 гг. перешло к традиционной пограничной войне с Крымом на истощение. С 1695 г. Петр Великий открыл новый этап войны. Наступательной войной на суше и на море царь предполагал пробиться через Керчь на Черное море. Задуманный им всего лишь как отвлекающий турок от Азова, но энергичный удар 1695 г. 120-тысячного войска русского строя Б. П. Шереметьева по четырем турецким фортам (Казыкермену и др.) отсек от Крымского ханства его владения к западу от Днепра. Содержание и укрепление в 1695—1700 гг. этих фортов за неимением сил у Гетманщины Россия взяла на себя. Для помощи при взятии Азова в 1696 г. Мазепа смог командировать всего 15 тыс. казаков.

Усиление международной роли России при Петре Великом сопровождалось падением самостоятельного значения военных сил Украины. С 1695—1696 гг. военная сила Левобережья стала выполнять уже не локальные задачи защиты украинского населения, а служить восточно-европейским целям Российской империи, которые лишь на «польском» и «крымском» направлении совпадали с интересами украинцев.

Подавление поляками повстанческого движения С. Ф. Папия (1688—1702) на Правобережной Украине, Северная (1700—1721),

Турецкая (1710—1713) войны и измена (переход Мазепы на сторону Карла в 1708—1709) сильно снизили весомость украинского фактора для России.

Русская война за Балтику выходила за сферу как национально-украинских, так и гетманских интересов. На Северном фронте по отзыву Б. П. Шереметева, боеспособность корпуса наказного гетмана, нежинского полковника Обидовского была на крайне низком, а мародерство на Псковщине на высоком уровне, из-за чего его пришлось отослать обратно на Украину⁹. В то время содержание военной силы в любой точке земного шара тяжело обходилось местному населению. Грабежи поляков и шведов на украинских землях были не меньшим злом.

Откровенное нежелание украинских казаков и старшины воевать на севере вынудило Петра Великого использовать их с 1704 г., в основном, на этнически украинских и польских землях, не посылая, как великороссов, в Мекленбург, Финляндию или на балтийские галеры. Однако уже за Саном и Вислой у казаков пропадала охота воевать за цели Северного союза, и из Малой и Великой Польши они дезертировали в такой же мере, как и из Прибалтики.

Не соответствовало интересам украинцев и подавление повстанческого движения С. Ф. Палия (1688—1702) на Правобережной Украине с санкции Москвы, для которой политический вес польского союзника был выше, чем правобережного казачества. На заключительном этапе к подавлению палиевщины приложил руку и Мазепа, арестовав в 1704 г. своего потенциального соперника — «казацкого батька».

Российская держава, как любое абсолютистское государство, давила ростки местной власти, в том числе и аппарат Гетманщины. Старшинская верхушка болезненно реагировала на растущее ущемление своей автономии и «кривду» Москвы обличала указанием на добровольность присоединения Украины к России — «Москва нас не мечом взяла, а договором».

В 1702 г. русский посол в Варшаве Г. Ф. Долгорукий передал в Москву сведения о намерении Мазепы выступить против царя и помочь польской оппозиции детронизовать противника Карла XII польского короля Августа Сильного¹⁰. Политика гетмана определялась стремлением сохранить и, по возможности, расширить личную власть, чему препятствовала политика Петра Великого, направленная на всемерную централизацию российского государства.

Как и первая измена польскому королю Яну II Казимиру (1648—1668), вторая измена гетмана в 1708 г. была стимулирована личным честолюбием. При этом он мог опереться на поддержку части старшины, недовольной ограничением автономии Гетманщины.

В 1707—1708 гг. наступил зенит могущества державы Карла XII, когда его самая боеспособная в то время военная машина двигалась к сердцу России, распространяя на сотни верст вокруг страх и трепет. Вероятность измены престарелого гетмана росла с продвижением неприятеля к Москве и падением русского престижа. Марш шведской армады на великорусскую столицу больше всего устраивал Мазепу, и когда к сентябрю 1708 г. русская армия (а не воля Карла XII) заставила свернуть короля к Украине (что стало началом перелома Северной войны в пользу России), у гетмана вырвалось: «Вот дьявол его сюда несет!».

Однако связи с противной стороной зашли слишком далеко, чтобы можно было сохранить верность Петру I. (Впрочем, убедившись воочию в трудном положении шведов во время пребывания в штаб-квартире Карла XII, Мазепа сразу предпринял попытку третьей измены, задумав заслужить прощение царя выдачей короля.)

О независимой Украине и «договоре равных» между Карлом XII, Станиславом I и Мазепой не могло быть и речи. Лещинский был марионеточным королем в руках Карла XII, который планировал отторгнуть у Речи Посполитой Курляндию, Гданьское Поморье и польскую часть Лифляндии, а остальную часть территории использовать в шведских экономических интересах. Обещая включить в состав польского подвассального королевства Смоленск, Киев, Северщину и Гетманщину, шведы собирались возродить торговый путь из Балтики в Черное море¹¹. Мазепе предоставлялась роль владетельного князя в отрыве от Украины, на Витебском захоластье, судя по пересказу проекта договора Г. Адлерфельдом.

Несовпадение династических, личных или государственных интересов с национальными — нередкое явление в истории. (Например, колонизация Сибири и Русской Америки почти игнорировалась Романовыми, отдававшим приоритет экспансии в Европе.) Переходя на сторону шведов, Мазепа и его старшинское окружение не учли, что украинцы как часть восточно-славянской общности воспринимали события 1708 г. как тяжкое иноземное вторжение с контрибуциями, грабежами и осквернением православных святынь, и видели в великороссах естественных союзников. Престарелый Мазепа, который как слуга царя мог выставить до 40 тыс. воинов в 1705 г., в качестве шведского подопечного в октябре 1708 г. смог поднять всего 3—4 тыс. казаков.

Конец гетманской автономии в России был ускорен ритуальным сожжением «гнезда измены» — Батурина. Расправа над мазепинской столицей, взятой «из-под руки шведов», была не более свирепой, чем над булавинскими бунтовщиками. 12 ноября 1708 г. «сосуд дьявола —

Ивашко Мазепа» был предан вечному проклятию. Влияние Петра I, проводимое через новоизбранного бесцветного гетмана И. И. Скоропадского, стало подавляющим, и великороссы выиграли пропагандистскую «войну на перьях» против Карла XII и Мазепы. На Правобережье почти все полки отказались поддержать изменника. Авторитет Мазепы, прежде державшийся на авторитете царя, стал зависеть от шведских штыков, вот почему сделавшие ставку на шведов запорожцы в марте 1709 г. принесли присягу сначала Карлу XII, а потом Мазепе.

Полтавская победа и разгром Запорожской сечи в 1709 г. ознаменовали значительное ограничение автономии Гетманщины и перевод украинских сил под полный русский военный контроль. «Федеративно-союзные войска» превратились в национальные формирования в составе вооруженных сил России. Тем не менее, самодержавная Россия не ликвидировала подобно Речи Посполитой в 1699 г. «реестровых казаков», а сохранила и слободские полки, и малороссийское казачество до момента, пока не был сокрушен вековой соперник России и Украины — Крымское ханство в 1783 г.

В отличие от Речи Посполитой, завершившей в 1699 г. навсегда свой трехвековой конфликт с Османской империей, Россия, наоборот, с конца XVII в. наращивала противоборство с Крымом и Турцией. Уничтожение военного присутствия Крыма и Османской империи в Восточной Европе определенно отвечало интересам украинского народа, переставшего быть объектом постоянных нападений.

Участие казаков в решающей для Восточной Европы битве на обеих сторонах, судя по скудным данным источников, не было существенным. Во время русских ложных атак незадолго до 27 июня 1709 г. и в самом сражении под Полтавой, шведы выставили от 7 до 11 тыс. плохо вооруженных луками, саблями и короткими ржавыми ружьями запорожцев на левый фланг боевых линий и на охрану обоза¹².

Корпус И. И. Скоропадского был оставлен у с. Жуки и Тахтаулов вне битвы. Для его страховки туда были переброшены шесть драгунских полков генерал-майора А. Г. Волконского «для наблюдения за неприятелем». В случае, если бы противник, не приняв боя, начал бы отход в сторону малороссийского войска, Волконский должен был идти на помощь, но «о вступлении в баталию ожидать указу». Часть казаков Скоропадского возможно, была поставлена по флангам, рядом с драгунами, когда русские полки были выведены перед ретраншементом¹³.

Во время битвы несколько старшин-мазепинцев перешло к русским, а от одного из полков Скоропадского во время перерыва сражения (в 6—8 часов утра) была подсылка с предложением перейти к

шведам¹⁴. У мазепинцев было убито «не более 3-х человек», т. к. остальные бежали с поля боя в начале решающей стадии битвы. Корпус Скоропадского, простояв в бездействии, не ударил в тыл шведам и лишь после разгрома неприятеля принял участие в преследовании беглецов до их Пушкаревского лагеря.

После смерти Мазепы 22 августа 1709 г. попытки создать анти-русский пояс из запорожцев, донцов-некрасовцев, станиславцев и Крыма оказались неудачными. Осколки мазепинцев в 1714 г. вернулись с повинной на Украину. Последний гетман Левобережья К. Г. Разумовский (1750—1764) был превращен в такую же декоративную фигуру при русском дворе, как «сибирские» и «грузинские царевичи».

В 1709—1783 гг. украинские войска оставались самым многочисленным национальным формированием в составе Русской армии по сравнению с сербскими, молдавскими, татарскими, калмыцкими и др. Самостоятельность первых была выше, чем, например, венгерских гусар в монархии Габсбургов. Малороссийские казаки, как и донские, имели существенные привилегии по сравнению с русским крестьянством и не были обязаны рекрутским набором. Степень эффективности всех национальных формирований нельзя преувеличивать. Тактика донцов, калмыков, башкир, запорожцев и крымцев в целом была одинаковой и состояла в обмене набегами. Ни донцы, ни запорожцы, ни гетманское казачество не могли самостоятельно заставить татар сесть на землю и отказаться от набегов, в отличие от централизованной России, стеснявшей Крымское ханство на юг гигантскими засечными чертами и колонистами.

В 1770—1780-х гг. Российская абсолютистская держава достигла зенита могущества и стала ориентироваться исключительно на монолитную и унифицированную армию. В истории не было случая, чтобы какое-либо абсолютистское государство терпело самостоятельные политические, тем более военные образования внутри своих границ. Российский абсолютизм практически перестал нуждаться в национальных формированиях и стал сворачивать их автономию точно так же, как автономию своих донских казаков. (Замечу, что управление со стороны Вены границами — военными поселенцами на турецкой границе — было несравненно более жестким, чем московское — казаками.) В 1765 г. слободские полки были реорганизованы в гусарские. После победоносного Кучук-Кайнарджийского мира 1774 г., в 1775 г. был ликвидирован двухвековой оплот вольной Украины — Сечь, а после окончательного присоединения Крыма к России в 1783 г. все малороссийское войско было поставлено на солдатскую ногу.

С 1783 г. украинцы, как великороссы и белорусы, стали поставлять в Русскую армию. В качестве компенсации за утрату автономии

украинская старшина получила то, что не могла получить от поляков после 1648—1654 гг. — нобилитацию.

Противоборство Гетманщины с Россией оказалось слабее, чем, например, борьба Венгрии в 1703—1711 гг. против Габсбургов или позже Польши против России. XVIII век не дал антирусских восстаний на Левобережье, подобных Колиивщине.

Причины этого еще нуждаются в осмыслении, но известную роль, несомненно, сыграло то обстоятельство, что политика России в XVIII в. по отношению к Османской империи и Крыму, с одной стороны, и к Речи Посполитой, с другой, не находилась в противоречии с интересами украинского народа. Этим интересам соответствовало и объединение большей части украинских земель в рамках одного государства после разделов Речи Посполитой. Разумеется, все это никак не означало гармонии интересов русского народа и народа украинского, на протяжении XVIII в. постепенно утратившего свою государственность. С ее восстановлением в последние годы приобретает реальную почву светлая идея сближения и дружественного союза равноправных России и Украины.

Примечания

¹ «Статьи, каковы королевскому величеству и сенаторам и цесарскому величеству посланнику Жировскому и резиденту венецейскому объявлять». РГАДА. Ф. 79. Оп. 1.1689. Д. 4. Л. 31—40.

² Артамонов В. А. Русско-польские отношения на Вальной Раде 1710 г. // Советское славяноведение. 1974. № 2. С. 25—31.

³ Чтения в обществе истории и древностей Российских. 1847. № 1. С. 44—47.

⁴ Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII — начала XVIII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 76.

⁵ Werner E., Markow V. Geschichte der Türken von den Anfängen bis zur Gegenwart. Berlin, 1978. S. 155; Abrahamowicz Z. Tło polityczne i economiczne wyprawy wiedeńskiej Kara-Mustafy. // Kwartalnik Historyczny, 1983, N. 1. S. 29.

⁶ РГАДА. Ф. 79, Оп. 1. 1686. Д. 223. Л. 21; Д. 234, Л. 94; Д. 251, Л. 117; Ф. 123, Оп. 1. 1695. Д. 1, Л. 27; Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej połowie 17 wieku. Warszawa, 1965. S. 224.

⁷ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы. М., 1990. С. 110.

⁸ Артамонов В. А. Россия, Речь Посполитая и Крым 1686—1699 гг. // Славянский сборник. Саратов, 1993. С. 8—12.

⁹ В конце 1701 г. 10636 «слободских черкас» из-за низкой боеспособности распустили по домам. 31 декабря 1701 г. Б. П. Шереметьев писал Петру I:

«лучше умереть, нежели с ними служить, а на добычу и на разоренье таких не слыхано». — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1887. С. 887.

¹⁰ Королук В. Д. Речь Посполитая, французская дипломатия и измена Мазепы. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1951. Т. 8. № 1. С. 85.

¹¹ Herlitz N. Den polska fragan 1708—1709. // Karolinska förbundets aersbok. 1924. S. 151; Hildebrand K. G. Ekonomiska syften i svensk expansionspolitik. 1700—1709. // Historia kring Karl XII. Stockholm, 1964. S. 52—54.

¹² Сборник Русского Исторического общества. СПб, 1886. Е. 50. С. 196; Krman D. Itinerarium. Cestovný denník z rokov 1708—1709. Bratislava, 1969. S. 709, 712.

¹³ РГАДА. Кабинет Петра Великого. Отд. I. Кн. II. Л. 56.

¹⁴ Zyth J. M. Löjtnant Joachim Mattias Zyths dagbok, 1703—1722. // Karolinska dagböcker. Stockholm, 1958. S. 87.

Людмила Софронова

ФУНКЦИЯ ГРАНИЦЫ В ФОРМИРОВАНИИ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVII—XVIII ВЕКОВ

Культура может быть описана различно, в том числе и через такую важную историко-культурную категорию, как граница. Ее влияние сказывается не только при взаимодействии различных национальных культур, но и культур различных эпох, при формировании видов искусства, больших стилей и жанров. Она работает в пространстве любого текста.

Через категорию границы можно описать и украинскую культуру XVII—XVIII вв. Это описание позволит выявить существенные параметры этой культуры, конкретно проследить взаимодействие ее различных уровней. Основные принципы ее строения, ее композиция при таком подходе предстанут в целостном виде.

Перед тем, как перейти к рассмотрению функции границы в формировании украинской культуры XVII—XVIII вв., скажем несколько слов о категории границы и ее роли в различных типах культуры.

Границы культуры могут тщательно охраняться, притом не только официальной культурной политикой, но и самой культурой; в этом случае она тщательно оберегает свою целостность и традиции. Это культура закрытого типа. Ей не требуется подпитка извне; она только мешает культуре развиваться по своим законам, которые не предполагают взаимодействия с соседними культурами и по которым на свою территорию чужое не допускается. В саморисании культуры этого типа обязательно развивается идея самодостаточности и полноты. Культура закрытого типа оглядывается на свои истоки, уверенная в том, что они остаются неизменными, но не на другие культуры. Чужой опыт ей противопоказан.

Границы культуры могут быть прозрачными; переход через них осуществляется достаточно просто. Они не только очерчивают пространство культуры, но маркируют возможности встреч в зоне культурного пограничья. Предполагается, что границы эти следует нарушать. Между различными культурами в этом случае идет постоянный обмен идеями и произведениями; художники принадлежат сразу нескольким культурным кругам. Это культура открытого типа. Она постоянно нуждается в нарушении своих границ, так как ей требуется чужой опыт, сближение и взаимодействие с иными культурами.

ми. Эти потребности непременно декларируются культурой и входят в ее самоописание. Здесь границы открывают территорию культуры и одновременно выводят ее в нейтральное пространство, направляя к чужим границам. Таково условие жизни открытой культуры. Ее границы «знаменуют повернутость к «другому», открытость положения лицом к лицу, вовне — вперед, но не агрессивно, а с целью взаимного общения»¹.

Границы не линейны; они по определению А. В. Михайлова², обладают «собственной глубиной». Благодаря этому они организуют особые пограничные зоны, малые пространства культуры, где — что знаменательно — все процессы протекают особенно энергично. Центр не сдерживает их, его законы здесь известны, но их особо не придерживаются. Свобода на периферии всегда большая, чем в центре. Именно здесь формируется будущее культуры: активно развиваются культурные связи, рождаются новые языковые, идейные, жанровые конгломераты. Именно здесь происходит встреча тех культурных феноменов, которые в центре всегда разведены. В результате в зонах культурного пограничья намечается перестраивание системы культуры в целом, прогнозируется будущая жизнь культуры.

Точно установить, каково направление границ и каковы их очертания, не всегда возможно потому, что границы постоянно эти очертания меняют. Они принципиально неопределенны и расплывчаты. Изменение их направления, так же как и общего вида культурного пограничья, происходит постоянно, в том числе и потому, что нарушение границ предписано. Кроме того, границы не проведены окончательно. Они не заданы раз и навсегда, могут исчезать и появляться вновь на протяжении историко-культурного времени.

Границы не обязательно только очерчивают пространство культуры. Они могут рассекать его в различных направлениях, делить на самостоятельные, но взаимодействующие между собой зоны различного характера: пересекаются национальные зоны культуры, смешиваются языки культуры, сближаются ее уровни.

Благодаря активности границ в пределах культурного пространства иротивопоставление центра и периферии ослабляется. Центр утрачивает свою значимость, он сравнивается в правах с периферией. Культурные пограничья различного типа оказываются не только в периферийных зонах, но и в центре, статус которого как основного ядра культуры ослабляется и становится достаточно условным.

Пограничья находят друг на друга, пересекаются, создавая многослойность историко-культурных процессов, а также способствуя динамизму культуры в целом. В одном слое, как, например, на Украине, взаимодействуют различные языки, в другом — большие стили, в

третьем происходит стяжение воедино форм народного религиозного сознания и догматического богословия. Очевидно, что число подобных слоев бывает различным, и они часто совмещаются.

Историко-культурные границы иногда превращают культурное пространство в подобие карты с запутанным графическим рисунком, на ней можно усмотреть некие геометрические фигуры. Благодаря им пространство культуры превращается в своеобразную «пересеченную местность».

Часть границ существовала в далеком прошлом культуры, часть появилась в XVII—XVIII вв. Одни границы идут издалека, с других культурных территорий, и проходят через всю карту культуры. Их можно условно считать внешними. Они связывают/разграничивают культуру с соседями — так плодотворно нарушаются границы между ними. Другие границы локальны, они берут начало на своей территории и не имеют продолжения вне ее. Они набрасывают на территорию своеобразную сетку, структурирующую ее, определяющую положение различных ее зон.

Внешние и внутренние границы вводят культуру в широкий контекст, обеспечивают ей соответствующее положение на карте культуры большого региона. Они вычленяют в культуре ряд составляющих, сближая их и разводя между собой, маркируя свое и чужое.

Внутренние и внешние границы совпадают в историческом времени. Порой их бывает трудно различить. Внешней для украинской культуры, например, можно считать границу, проложенную движением барокко на восток; внутренней — ту, которой придерживалось средневековье, распространившееся во времени. Граница же между барокко и средневековьем указывает на важнейшую оппозицию украинской культуры.

Границы, проходящие по территории культуры, и внутренние, и внешние, не позволяют ей находиться в состоянии покоя. По известному определению М. М. Бахтина, на границах протекает наиболее напряженная ее жизнь³. Напряженность эта чревата развитием. Так как границ, не видимых в географическом пространстве, очень много, и они ведут свою не прекращающуюся жизнь, определяя одно, изгоняя из подвластной им территории другое, то все культурное пространство распадается на отдельные зоны, которые воюют друг с другом, интенсивно влияют на «чужие» территории или мирно соседствуют. Так создаются благоприятные условия для открытой культуры, не только воспроизводящей старые ценности, но и творящей новые.

Местоположение Украины на культурной карте Европы XVII—XVIII вв. во многом объясняет тип ее культуры и те процессы, которые в ней происходили — она находилась в средоточии важнейших

событий своей эпохи. Религиозная жизнь Европы, многочисленные войны оставили на ее территории свои следы, как и смена историко-культурных ориентиров, происходившая в XVII—XVIII вв. в мире православного и католического славянства.

Украинская культура явно тяготела к открытому типу; через ее территорию проходило множество границ, разделяющих ее на особые зоны. Эти зоны, т. е. культурные пограничья, будучи принципиально не завершенными и расплывчатыми, создавали неустойчивость особого типа, которая способствовала интенсивному порождению новых историко-культурных форм; они не признавались окончательными, застывшими и были готовы видоизменяться. Эта характеристика отдельных культурных зон распространилась практически повсеместно и стала доминантной в украинской культуре XVII—XVIII вв.

Среди множества границ можно выделить как структурирующие украинское культурное пространство следующие. Границы между Западом и Востоком, которые постоянно колебались, в результате чего на пересечении православно-византийского и католического кругов, в столкновении статичной и динамичной систем, латинской риторики и православно-византийского сакрального слова формировался новый язык культуры. Границы между различными славянскими народами порождали особые зоны национального взаимодействия. Украина воспринимала опыт одних народов, как например, Польши, и передавала его другим — в первую очередь России⁴. Проходили границы и между языками, в результате взаимодействия которых выросла оригинальная иерархическая языковая система, сосуществовали письменные (церковнославянский, латынь) и устные (польский, «проста мова») языки разных культурных кругов; они приобретали свои, собственные социальные функции, сферы и способы использования, при этом не всегда их придерживаясь. Эти языки отнюдь не всеми воспринимались как языки диалогически соотносительные. Границы определяли положение католичества, православия и протестантизма на Украине. Они маркировали смену историко-культурных эпох, развитие которых подчиняется своему, особому ритму, благодаря чему на некоторых территориях культуры, как и на Украине, эти эпохи совпадают во времени, как например, средневековье и барокко.

Особого внимания заслуживают границы между сакральным и светским, низовым и высоким барокко, между народной и ученой культурами. Они во многом определили тип украинской культуры XVII—XVIII вв.

Эти границы — ведущие в сложном конгломерате границ, производных от них. Они определяют ментальность эпохи, от них зави-

сит как характер художественных текстов, так и способ их бытования, а также институализированные формы культуры.

Как для всякой культуры того времени, граница между сакральным и светским была доминантной для украинской культуры. Эта граница не была проведена окончательно, меняла свои очертания, потому зоны сакрального и светского по объему бывали различны. Их взаимоположение зависело от встречи на территории украинской культуры двух больших кругов культуры, православно-византийского и католического, в которых граница между сакральным и светским проходила по-разному.

В православно-византийском круге в идеале все, что было сакральным, предполагалось культурой. Все, что еще было недооформлено, не приобрело историко-культурных смыслов, не имело связи с сакральными ценностями, относилось к быту и не интерпретировалось эпохой в культурном плане. «Культура имела религиозный характер, а быт, если он вообще попадал в сферу культурного сознания — воспринимался как мирское и профанное»⁵. Сакральное начало в ту эпоху пронизывало всю жизнь общества, внутренний мир человека. Искусство было равнодушно к реалиям повседневной жизни, символизирующим светское начало. Если оно никак не могло без них обойтись, то кодировало их в аллегорико-символической форме, но чаще все же не допускало в свои пределы.

В католическом круге, который оказывал постоянное воздействие на формирование украинской культуры в XVII—XVIII вв., дело обстояло иначе. Здесь и сакральное, и светское осознавались как культура. Светское не было подчинено сакральному, между ними не было непреодолимых преград. Сакральное не вытесняло светское, а соседствовало с ним, наделяя его своими приметами и свободно пользуясь светским языком для создания произведений, относящимся к сфере *arte sacra*. Таковы, например, картины на религиозные сюжеты, имеющие в основе модель иконы, мистерии и моралите.

Эти два больших круга, православно-византийский и католический, воспринимались украинским культурным самосознанием иногда как равные; иногда одному из них отдавалось предпочтение, что отразила и полемическая литература, и школьный театр, который постоянно балансировал между художественным опытом православно-византийского и католического кругов.

Граница между светским и сакральным на территории украинской культуры имела двойственную природу. С одной стороны, она выполняла функцию разделения, размежевывала две большие зоны культуры; с другой — во многих случаях она была проницаемой и давала возможность светскому вступить на территорию сакрального

и наоборот. Проницаемость границ разрешала создание принципиально новых форм, например, сакральных по содержанию и светских по форме. Она обеспечивала и новое отношение к сакральному искусству, которое приобретало не только религиозную, но и эстетическую ценность. Светское в украинской культуре поэтому занимало иное положение, чем в русской культуре, где тенденция к противопоставлению сакрального и светского была более сильной, и обмирщение культуры шло более медленно.

Светское начало украинской культуры активизировалось, увлекая в русло высокой культуры и культуру народную. При всей своей активности оно не вытесняло сакральное. Культура XVII—XVIII вв. не превратилась в окончательно светскую. Обмирщение ее было многоступенчатым и не выглядело линейным процессом⁶. Светское начало в украинской культуре не занимало последовательно «территории» сакрального, оно развивалось не в ущерб ему. Сакральные черты культуры не только никуда не исчезали, но и продолжали способствовать созданию новых художественных форм, поддерживая также старые.

Благодаря подобной ситуации светское не исключалось из культурного сознания и также, как и сакральное подлежало интерпретации, в том числе художественной. Интерпретация эта происходила в терминах как ученой культуры, так и народной, противостоявшей культуре ученой. Ученая культура осознавала свои границы, стараясь не допускать в свои пределы светское, что не удавалось из-за присутствия на украинской территории культурной модели римского славянства.

Эти два начала, сакральное и светское, не только не мешали друг другу, но и соседствовали в пределах одного культурного феномена, одного текста. Возникли специальные правила, по которым происходило их взаимодействие. Культура не столько смешивала языки сакрального и светского, сколько разрешала вводить на правах изолированного явления светское в контекст сакрального, чему примером — интермедии, помещенные в сакральный сюжет.

Культура также энергично сближала различные уровни, высокий и нивовой, уровни народной и ученой культуры; в результате происходило «опускание» сакральных ценностей на низовой уровень культуры, на уровень культуры народной. Так создавался «сниженный культурный фонд», в данном случае, фонд сакральных значений и форм. Здесь «художественные формы могли «замораживаться» и «затвердевать», но они же постоянно находились в движении: здесь происходило как «снижение» и примитивизация образцов искусства высокого, так и взаимодействие с художественным фольклором»⁷.

Граница между сакральным и светским породила многочисленные осциллирующие формы, характерные именно для украинской культуры XVII—XVIII вв. Они тем более знаменательны, что неоднократно переход от сакрального к светскому происходил на предельно малом пространстве. Его можно проследить на примере взаимодействия иконы, портрета, гравюры. На главный символ религиозной культуры, икону, воздействовал такой светский жанр как портрет, икона, в свою очередь, оставила следы в портретном жанре; гравюра повлияла на икону, в том числе она способствовала ее тиражированию. Аналогичный пример — соотношение вертепа и мистерии. Вертеп не утратил связей с мистерией, ядром украинского театра XVII—XVIII вв., кумулирующим основные сакральные значения. Он в кратком, свернутом сюжете указывал на свою зависимость от мистерии, на принадлежность к кругу сакрального искусства. Вертеп подчеркивал эту принадлежность и на уровне художественного пространства — в основе овоей оно имело модель храма. В то же время вертеп в максимальной степени усвоил формы народного искусства; слово, музыка, танец, персонажи вертепа неразрывно с фольклорной стихией. Подобного рода процесс происходил при зарождении столь популярных на Украине нищенских стихов.

Формы сакрального искусства не таили в себе тенденции к полному обмирщению, способной подавить сакральное начало и всегда сохраняли свою «колебательную» природу, как те же нищенские стихи, орации и некоторые поздние жития («Житие Ильи Турчиновского»).

Светские формы, становясь равноправными с сакральными, вызвали к жизни в высокой культуре смеховую стихию, что решительным образом ее видоизменило. Ранее, в православно-византийском круге, эта стихия не допускалась в сакральную зону, существовала изолированно в фольклоре. Удел высокой культуры — священное. «Насколько бесоугоден смех, настолько же богоугодны слезы. Хорошие монахи никогда не смеялись, но часто плакали»⁸ (как и идеальные миряне). В XVII—XVIII вв. смех влился в серьезное искусство. Его принесли с собой не только дьявол и его приспешники, появившиеся на сцене, в виршах, в дидактической литературе. (Дьявол по традиции не только пугал, но и смешил.) Смех, комическое в чистом виде прорвало границы серьезного мира высокой культуры.

Смеховая линия развивалась в культуре по многим направлениям. Одно из них было вызвано вторжением народной культуры в пределы культуры ученой. Другое имело свои корни в сакральной зоне культуры. Культура принялась осмеивать самое себя, т. е. перешла на новый этап самоосознания. Она расширяла свои возможнос-

ти, подключая смеховой регистр. В этом большую роль сыграли недавние школяры, мандровни дяки. Они «разносили устную рекреативную литературу фацевий, анекдотов, мелких речевых травестий, пародийной грамматики и т. п. во всей Украине»⁹. Их смех не был произвольным, он не означал только радостное или смеховое восприятие мира. Это был и ученый смех. В нем были слышны отголоски католического мира культуры. «Вольный рекреационный бурсацкий смех был родствен народно-праздничному смеху (...) и в то же время этот украинский бурсацкий смех был отдаленным киевским отголоском западного «*gisus paschalis*» (пасхального смеха)»¹⁰.

Категория смеха в украинской высокой культуре не была изолирована от сакральных смыслов, между ними возникало обязательное колебание, о чем свидетельствует самостоятельная жизнь таких жанров, как интермедии, орации, а также десакрализация мистериальных мотивов в вертепе, поглощение этих мотивов народной культурой, и конечно, интенсивное развитие пародии.

В украинской культуре, благодаря постоянному нарушению границ развивалась свобода, а вместе с ней игра; происходило «передразнивание» высоких форм. «Все «языки» были масками и не было подлинного и бесспорного языкового лица»¹¹. Чужой язык, в том числе язык образца, показывался как некая вещь; он выступал, по М. М. Бахтину, как изображенный жест персонажа. Автор свободно переходил с одного языка на другой, например, с высокого — на язык низовой культуры. Делал он это не только для того, чтобы быть понятным Простецу, главному потребителю культуры той эпохи. Он не просто старался на него воздействовать доступными для него средствами. Автор демонстрировал возможности этого языка, тем самым удваивая и утраивая культурные коды, сохраняя постоянное колебание между авторским словом и пародийным стилем, или вовсе отказываясь от авторского слова. Это явление, характерное для XVII—XVIII вв., предвещает принципы развития украинской культуры. Свобода и игра породили пародию. Риторическое слово, ориентация на образец, столкновение различных языков также способствовали развитию в украинской культуре пародийного начала; оно, в свою очередь, когда текст-пародия отрывался от пародируемого образца, давало мощный толчок стихии комического. Нищенские вирши обыгрывали слова Священного Писания, пародировали мистериальные сюжеты. От них прослеживается прямой путь к «Энеиде» Котляревского; образцом для этой поэмы избран, в соответствии с общей ориентацией эпохи, Вергилий. Для рядового украинского читателя, — как пишет Р. Пиккио, — ориентация на латинский оригинал произведения постепенно утра-

чивалась. Она сохранялась только для образованных слоев общества¹². Но ее комический заряд не утрачен и поныне.

Граница между сакральным и светским, стимулируя развитие культуры, поддерживалась действием границы между различными уровнями ведущего стиля эпохи. Барокко на Украине, как и везде, расслоилось на высокое, среднее и низовое. Эти уровни не были изолированы; на их границах — что знаменательно — рождались новые художественные формы. Для украинской культуры наиболее значимыми оказались стыки между границами; для нее наиболее продуктивными стали «промежуточные, пограничные явления» (Л. И. Тананаева).

Границы не последовательно пересекали все три уровня: высокое барокко напрямую граничило с низовым, а не только со срединным. Границы высокого и низового барокко, их пересечение, оказались одной из исходных точек развития украинской культуры. Их значение состояло не только в том, что они порождали срединный слой культуры, но и в том, что они сталкивали контрастные, высокие и низовые формы. Это столкновение давало результаты во всех видах искусств, притом в обеих крупных зонах, сакральной и светской. Срединный же уровень барокко не получил должного развития, в то время, как в польской, например, культуре он занял очень важное место.

Высокое украинское барокко дало прекрасные образцы во всех видах искусств, но оно будто остановилось в своем развитии и не смогло подойти к классицизму. Его естественное движение было прервано, многие мастера барокко уже работали в России, дав, соответственно, толчок русскому барокко.

Низовое барокко, напротив, снижая и усваивая темы высокого, распространилось повсеместно, стремительно приобретая национальный облик, усваивая местные традиции. Низовое барокко было открыто для народной культуры, свободно вбирало ее формы и охотно отдавало собственные. Между ними шла своеобразная игра; но главное состояло в том, что они, и низовое барокко, и фольклор, оставались сами собой и никогда не воспринимали условия существования друг друга как свои собственные. Как удачно заметила М. Шевчук, между ними нельзя ставить знак равенства¹³. Барочные образцы, опускаясь в народную среду, приспособлялись к ней, но отнюдь не становились вровень с фольклором; они продолжали оставаться искусством круга Киевской академии в его сниженном варианте и так и воспринимались. Фольклор явно реагировал на появление низовых форм барокко и если мог, то усваивал их.

Народное искусство в связях с низовым барокко служило цементирующей основой для развития всей украинской культуры. Их

единство сыграло огромную роль в национальной идентификации культуры, служило ее важнейшей приметой. В XVII—XVIII вв. это единство способствовало складыванию национального художественного языка, или диалекта, если воспользоваться определением Б. Р. Виппера, которое недавно напомнила Л. И. Тананаева. «Постепенно в границах этого диалекта, — пишет Б. Р. Виппер применительно к латвийской культуре (с нашей точки зрения, его наблюдения могут быть распространены и на другие культуры, в том числе и украинскую — Л. С.), — развиваются новые оригинальные черты ... Маленькой искры, брошенной в момент напряжения национального самосознания, достаточно, чтобы локальный провинциальный диалект перешел в стадию завершения и самостоятельного художественного языка. Потенциальный стиль превращается в новый национальный стиль»¹⁴.

Благодаря влиянию фольклора, низовой уровень барокко обладал большей свободой, чем высокий; в его распоряжении находилось гораздо больше художественных средств, чем у высокого барокко. Эта его свобода стала ориентиром развития украинской культуры XIX—XX вв. Хотя стремление двух сфер культуры — низового барокко и фольклора — слиться никогда не осуществилось вполне, оно приблизило их друг к другу и создало такой тип их взаимодействия, который таил в себе огромный творческий потенциал, и главное — тип национального восприятия культуры и ее создания.

Позднее фольклор завладевает и высокой культурой, разными художественными направлениями, от реализма до авангарда. Он сказался, например, в творчестве выдающегося мастера XX века, Александры Экстер. Как показывает Г. Ф. Коваленко, художница испытала влияние народной украинской живописи и искала его сознательно. Она продолжила линию столкновений высокого искусства и фольклора, выстраивая свой художественный язык «в соединении вроде бы несоединимого: рациональных схем кубизма и раскованной эмоциональности крестьянских росписей»¹⁵.

Границы между различными уровнями барокко, между барокко и фольклором проходят через светскую и сакральную зоны культуры, как и соседствующая с ними, граница между ученой и народной культурами.

Народная культура — это не только фольклор, она включает в себя и произведения низового барокко. Она поддерживалась им, сливаясь с ним, но не присваивая себе присущие ему свойства. Их граница была прозрачной, в том числе благодаря множеству схождения между ними, наличию общих признаков; например, между виршевой поэзией и народной существует сходство, на что обращали внимание

и В. Н. Перетц, и П. Г. Житецкий. Ученая культура вмещает не только барочные произведения, она — шире, так как традиции средневековья были очень сильны на Украине. В ученой культуре наличествуют тексты сакральные и светские. Граница между ученой и народной культурами предполагает их неразрывное единство и взаимодействие.

Отношения между народной и ученой культурами в ту эпоху были очень активными. Образцы ученой литературы и искусства свободно опускались в народную культуру. Она же поднимала ученую культуру. Их художественные языки, как для создателей произведений, так и для их потребителей, были равноправными кодами, с помощью которых они воспроизводили и воспринимали художественный объект.

Характер отношений между ученой и народной культурами определялся в значительной степени тем, что на Украине, как и в Польше, на что указала Л. И. Тананаева, ученая культура еще не забыла о своих корнях, т. е. о народном искусстве, причем не только на уровне форм, но и функций искусства. XVII—XVIII вв. были для украинской, как и для польской культуры, «моментом переходного состояния, когда мировоззренческие и эстетические идеалы шляхты находили свое органическое выражение в формах недифференцированного искусства, на одном полюсе которого находятся простонародные гравюры или картинки на стекле, а на другом — произведения профессиональных мастеров европейского уровня»¹⁶.

Примером того, как ведет себя граница между народной и ученой культурами может служить творчество Г. С. Сковороды. Непосредственным источником его творчества всегда была Библия. Он никогда не считал ее только каноническим образцом и свободно ее интерпретировал; для этой интерпретации он привлекал формы народной культуры. Народная поэзия, народные верования питали его творчество. Эти два источника не существовали раздельно, а постоянно смешивались в его произведениях чисто барочном духе.

Подобного рода смещение было очень продуктивным. Ученая культура при этом часто утрачивала присущие ей правила и признаки, которые как бы рассыпались, создавая новые формы, испытывавшие давление со стороны форм народной культуры. Так появлялись «срединные» формы, которые не оставались изолированными и, в свою очередь, оказывали влияние и на ученую, и на народную культуру. Например, образцом украинской иконы служит гравюра; обогащенная народным декором, она опускается в народную среду, «захватывая» с собой икону¹⁷. Так выглядел процесс порождения форм «вторичного» фольклора, который использовал литературные, изобразительные, музыкальные стереотипы, трансформируя их в народном духе.

В оппозиции ученой и народной культур очевидно перевешивает народная, отнюдь не подавляя ученую. Она обслуживала как образованные, так и неграмотные слои населения. Происходило это не в последнюю очередь из-за общественно-политической ситуации: отсутствия собственной государственности, из-за вымывания в Польшу и в Россию необходимых для развития ученой культуры кадров. Ученая культура оказывалась будто в стороне от центрального пути украинской культуры, в то время как народная была востребована и постепенно приобрела функцию основного знака украинского национального начала, значения которого понятны всем поколениям украинцев.

Итак, для украинской культуры XVII—XVIII вв. характерна открытость и особая реактивность культурных границ. Два круга культуры, православно-византийский и католический, не просто сосуществовали на ее территории. Они постоянно сталкивались, нарушая границы, разделявшие их, размежевывались и вновь встречались. Что очень важно, они предлагали украинскому культурному пространству свои языки, идеологически наполненные, языки как мировоззрение (М. М. Бахтин), в качестве универсальных. Эти языки стремились к господству, искали путей взаимодействия с языком народной культуры. Каждый из них расслаивался на диалекты, которые функционировали в только им присущей среде. Все эти диалекты не могли не ощущать присутствия друг друга, им была присуща «оглядка на другие языки» (М. М. Бахтин). Осознание функционального различия языков и диалектов было уже полным, языки «критически взаимоосвещались», что способствовало их слиянию и формированию общего языка культуры.

Культура не была разделена на строго изолированные зоны, зонам не были строго предписаны языки. Весь сплав языков и диалектов определял каждое высказывание на языке культуры. В каждом из них уже просвечивала грамматика единого универсального языка, который оказал влияние на становление русской культуры и который участвовал и в формировании культуры польской. На Украине зарождались новые художественные формы, которые связывали ее с восточными и западными славянами. Она усваивала западный опыт и передавала его на восток.

Карта украинской культуры была испещрена границами наподобие лингвистических изоглосс. Они отражали движение историко-культурных процессов, указывали пути перехода из одной сферы культуры в другую, способы перемещения с одного уровня культуры на другой. Нарушение этих границ было необходимым условием для полноценного развития культуры, о чем свидетельствует вклад украинской культуры XVII—XVIII вв. в культуру общеславянскую.

Примечания

¹ Топоров В. Н. Функция границы и образ соседа в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) // Проблемы культурного пограничья. (Круглый стол) // Славяноведение. 1991, № 1. С. 29.

² Михайлов А. В. Из истории характера // Человек и культура. М. 1990. С. 57.

³ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 177.

⁴ См. Saunders D. Ukrainian Impact on Russian Culture 1750—1850. Edmonton, 1985.

⁵ Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVII — начала XIX в. М., 1990. С. 10.

⁶ Вайгачев С. А. Духовная культура переходной эпохи от средневековья к Новому времени в России и в западной Европе: некоторые типологические параллели // Русская культура в переходный период от средневековья к Новому времени. М., 1992. С. 48.

⁷ Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М. 1996. С. 292.

⁸ Амфитеатров А. В. Дьявол // Дьявол. М. 1992. С. 107.

⁹ Бахтин М. М. Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура) // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 486—487.

¹⁰ Бахтин М. М. Рабле и Гоголь. С. 487.

¹¹ Бахтин М. М. Там же. С. 86.

¹² Ніккіо Р. Від Лалли до Котляревського (Про еволюцію одної поетичної формули) // Українське барокко. К., 1993. С. 186.

¹³ Шевчук М. Кілька зауважень до проблеми так званого «низового барокко» // Українське барокко. С. 141.

¹⁴ Цит. по: Введение // Профессиональное искусство и народная культура Латинской Америки. М., 1993. С. 7.

¹⁵ Коваленко Г. Ф. Александра Экстер. Путь художника. Художник и время. М. 1993. С. 52.

¹⁶ Тананаева Л. И. О низовых формах в искусстве Восточной Европы в эпоху барокко (XVII—XVIII вв.) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего Времени. М., 1982. С. 142.

¹⁷ Фоменко В. М. Київська школа гравюри (1610—1718 рр.). Автореф. дис. на зд. вчен. ст. докт. мистецтвознавства. К., 1993. С. 12—13.

УКРАЇНЦІ В КУЛЬТУРНОМУ ЖИТТІ РОСІЇ (XVIII СТ.): ПРИЧИНИ МІГРАЦІЇ

Не було жодної сфери інтелектуальної та художньої діяльності в Російській імперії XVIII ст., де б себе не проявили вихідці з Лівобережної України (Гетьманщини). Вони представлені в політичному житті, освіті, науці, літературі, журналістиці, музиці, живопису, не кажучи вже про церковне життя. Проблема участі і вкладу українців у російську культуру XVIII ст. розглядалася з різних концептуальних засад. В недавній радянській історіографії мова йшла про культурне співробітництво та взаємовпливи, або ж як про діяльність єдиної для Російської держави демократичної інтелігенції¹. Про українців згадували у спеціальних дослідженнях з історії російської літератури та журналістики, історії медицини, музики та ін. У зарубіжній українській історіографії². Увага акцентувалася на втратах української культури внаслідок відтоку інтелектуальної еліти з Лівобережної України. Цінним є дослідження канадського вченого Д. Сандерса³, де безпосередньо показано вклад українців у російську культуру XVII ст. Цікаво проаналізувати причини міграції освічених українців у столиці Російської імперії, особистості мотивації та інтеграцію їх у відповідні імперські соціальні структури. Міграція українських культурних діячів у Росію розпочалася у середині XVII ст. й особливого розмаху набула у другій половині XVII ст. За визначенням відомого українського зарубіжного вченого Ю. Шевельова це був своєрідний ідеологічний рух, прагнення реалізувати свій духовний потенціал у державі, могутнішій у воєнному і політичному відношенні, але менш розвинутій у культурному⁴. Київські вчені привнесли у Москву власну модель системи освіти, сприяли появі нових жанрів у літературі, мистецтві, живопису, формуванню нового художнього стилю бароко. Вплив української культури на російську відбувся в межах цього художнього стилю, але в умовах активного формування в Росії у першій половині XVIII ст. нової світської культури ситуація кардинально змінилася. Замість привнесення здобутків української культури в російську, творцями останньої як культури імперії, стали й українці. Власна українська культура продовжувала розвиватись в межах барокового стилю, процес формування нової світської культури був уповільнений внаслідок таких факторів, як поступова ліквіда-

ція автономного політико-адміністративного устрою, політики самодержавства, спрямованої на уніфікації всіх сфер політичного, економічного, культурного життя, перетворення столиць імперії у провідні культурні осередки, куди прагнула інтелектуальна та творча еліта окраїн.

На Лівобережній Україні у XVIII ст. склалася певна система освіти з виразними національними ознаками: нижчими сотенними і полковими школами, колегіумами (Чернігівський, Харківський, Переяславський) та Києво-Могилянською академією. За підрахунками О. Лазаревського⁵ у семи полках Лівобережної України у XVIII ст. діяло близько 866 шкіл. Число студентів у Києво-Могилянській академії в найбільш благополучні роки досягало тисячі й більше чоловік⁶, але в середньому коливалося у межах 400—500 студентів. Любов українців до науки, прагнення дати освіту дітям відзначали як іноземці, так і російські чиновники, зокрема генерал-губернатор Малоросії П. Г. Румянцев. Це було складовою ментальності українця Гетьманщини, представника різних соціальних верств — від простих козаків до старшини, міщан, духовенства. Любов до науки культивувався Києво-Могилянською академією, загальноосвітнім учбовим закладом, доступним для всіх верств суспільства. Академія давала гуманітарну освіту — знання мов — латинської, грецької та західноєвропейських, філософії. У курсах поетики і риторики прививався інтерес до літературної творчості.

З середини XVIII ст. Києво-Могилянська академія, будучи сама бароковим явищем, починає відставати від рівня університетів нового часу. Незважаючи на розширення програм, запровадження нового філософського курсу на основі праць німецьких філософів Х. Баумейстера та Х. Вольфа, академія не могла конкурувати з відкритим у 1755 р. Московським університетом. Це відставання усвідомлювала як козацька старшина, провідна політична еліта, так і духовенство, під егідою якого діяла Києво-Могилянська академія. Вони виношували плани створення університету на основі академії, а також відкриття університету у гетьманській столиці Батурині, проект якого був розроблений на замовлення гетьмана К. Розумовського. Здійснити ці плани власними силами було неможливо із-за нестабільності гетьманської влади, її обмежених фінансів. Й після ліквідації гетьманства (1764 р.) у 1766 р. козацька старшина та духовенство через київського генерал-губернатора Ф. Глебова звернулися до імператриці Катерини II з проханням дозволити відкрити у академії два факультети — медичний і математичний й таким чином перетворити академію в університет⁷. Це прохання, як і інші проекти наштовхували-

ся на протидію з боку царизму, оскільки не відповідали імпераській політиці перетворення Лівобережної України в провінцію. Востаннє козацька старшина спробувала домогтися відкриття університету у Законодавчій комісії, яка мала укласти новий звід законів. У багатьох наказах депутатам від козацької старшини було записано-прохати імператрицю не лише відкрити університет, але й в цілому реформувати освіту, заснувати такі учбові заклади, які діяли в Росії — жіночі школи, кадетський корпус. Глухівська козацька старшина мотивувала це тим, що у «здійсного народу особлива схильність до науки, але внаслідок віддаленості університетів та інших перешкод, вони змушені відсилати своїх дітей у чужоземні університети, що часом розорює батьків»⁸.

Треба відзначити, що значна частина вихідців з Лівобережної України завершувала свою освіту у закордонних, зокрема німецьких університетах. Мова йде не про десятки, а сотні молодих людей з родин козацької старшини, простих козаків і міщан, які часом обмежені у засобах до існування, роками навчалися у європейських університетах, перходячи від одного до іншого, удосконалювалися в знаннях мов, філософії, вивчали право, медицину, здобували дипломи докторів наук. Для багатьох козацько-старшинських родин навчання за кордоном стало сімейною традицією. Це Кулябки, Полетики, Сулими, Дуніни-Боковські, Милорадовичі, Кочубеї, Гудовичі, Ханенки, Туманські та ін. Така пристрасть до науки, як і смак іншого способу життя інколи таки розорювали батьків, наприклад лубенського полковника І. П. Кулябку, брата відомого церковного діяча Сільвестра Кулябки. З вісьми синів полковника три навчалися у Вітенберзькому університеті, три в Києво-Могилянській академії, а два менших «поспівали до науки»⁹. Старші, як писав їх батько у 1762 р., нарobili боргів і в кінцевому результаті розорили його. Менш заможні використовували будь-які можливості, зокрема їхали у складі церковного причету у православні церкви при російських закордонних місіях з тим, щоб мати можливість вчитися. Наприклад, причетники православної церкви у м. Кілі, де протягом тривалого часу священником був українець ієромонах Венедикт, як правило, вписувалися до місцевого університету, серед них були І. Полетика та Г. Тимченко¹⁰, які стали відомими вченими медиками, здобули у Лейденському університеті дипломи докторів медицини, а І. Полетика навіть викладав у Кільському університеті. Цей справжній суспільний феномен важко було зрозуміти навіть сучасникам. Відомий медик, доктор права, філософії, медицини, син сосницького сотника О. Шафонський, який сам навчався в університетах Галле, Лейдена і Страсбурга, з подивом пи-

сав, про свої земляків, які терплять велику скруту, холод і голод: «Охотно и прилежно учатся и многие из них как в духовном, так и в светском звании, достойные выходили люди»¹¹. Така кількість високоосвічених людей не мала можливості реалізувати себе на батьківщині з її обмеженими державними інститутами, а далі взагалі ліквідованими, відсутністю університетів, гімназій, наукових закладів, навіть світського книгодрукування. На Лівобережній Україні у XVIII ст. діяло лише дві друкарні Києво-Печерського монастиря та чернігівська при Троїце-Ільїнському монастирі (закрита у 1724 р., відновлена 1743 р.). За указом Петра I і Синоду (1720 і 1721 рр.) друкарням заборонялося видавати книги без дозволу Синоду, а власне дозволялося передруковувати ті, які вже вийшли в Росії¹². Це звузило репертуар друкарень до видання церковнослужебної та богословської літератури. Світське книгодрукування на Україні розпочалося лише з кінця XVIII ст.

Вихованці колегіумів, Києво-Могилянської академії та закордонних університетів поповнювали Генеральну військову канцелярію, займали полковничі та сотенні уряди, були суддями, ставали священниками, приймали чернецтво й очолювали православну ієрархію не лише на Україні, але й в цілому в Російській державі. Все ж значна частина шукала собі служби, чинів у столицях Російської імперії. Поряд з дрібними чиновниками, канцеляристами, копіїстами це були перекладачі Синоду, Сенату, Колегії іноземних справ, викладачі Петербурзької та Московської університетських гімназій та університетів, Кадетських корпусів, медичної академії. Вони ж видавці, літератори, вчені медики, співаки придворної капели, художники. Столиці метрополії пропонували їм не лише чини, дворянство, вони давали їм можливість реалізувати себе у інтелектуальній діяльності, те, чого вони позбавлені були на батьківщині. Але часом такий відток освічених талановитих людей мав примусовий характер, особливо це стосувалося набору серед вихованців Києво-Могилянської академії та колегіумів студентів, слухачів медичних шкіл Росії, оскільки всі вони добре знали латинську мову. Протягом 1754—1768 рр. лише з Києво-Могилянської академії близько 300 студентів пішли вчитися у медичні школи¹³. Докторами медицини стали більш як 30 вихідців з Лівобережної України і Слобожанщини¹⁴ (дипломи докторів медицини здобували переважно в Страсбурзькому і Лейденському університетах).

Відток інтелектуальної еліти збільшився у 60-роках XVIII ст., тут свою роль відіграло кілька факторів. Один з них — ліквідація гетьманства. Очевидно, не випадково Стефан Лукомський, відомий як укладач історичного твору «Собрание историческое» та перекладач з

польської та латинської, який вийшов у відставку у 1763 р., писав, що займався літературною працею «утешая скучное время»¹⁵. Козацька старшина опинилася після 1764 р. поза політичним життям, для багатьох її представників настали справді невтішні часи, а прислужитися своєму суспільству, як вважав той же С. Лукомський, можна було літературною працею. В Росії в цей час розпочинається епоха «золотого віку» Катерини II, яка прагне постати перед європейським світом в образі «просвіченого монарха». Розробляються проекти реформ, для чого складається Законодавча комісія, у суспільстві зростає інтерес до ідей французьких філософів-просвітників. У піднесенні суспільно-політичного і культурного життя в Росії у 60—80-х роках велику роль відіграли українці. Вони видавали газети і журнали (П. Богданович, Г. Брайко, В. Рубан, Ф. Туманський), перекладали твори французьких філософів, античну літературу, наукові праці з географії, медицини (Г. Козицький, М. Мотоніс, Г. Полетика, Я. Козельський, І. та Л. Січкарьови, Я. Костенський, С. Десницький, В. Золотницький, В. Крамаренков, В. Рубан та ін.). «Собрание, старающееся о переводе иностранных», засноване для координації перекладацької діяльності при Академії наук, очолював до своєї трагічної смерті (1775 р.) Г. Козицький. Не без його впливу відбиралися праці для перекладу й залучалися досвідчені знавці латинської, грецької, французької та німецької мов. Очевидно, не без участі Г. Козицького Катерина II створювала свій наказ у Комісію по укладанню нового Уложення. Він переклав наказ латинською мовою, розробляв законодавчі акти щодо діяльності Комісії. У можливість реформування Російської імперії, перетворення її у конституційну монархію, поверненні Україні її колишнього автономного політико-адміністративного устрою повірили багато, зокрема і депутати у Комісію, серед них М. Мотоніс і Г. Полетика. В Комісії працював такий знавець права як доктор філософії Кенігсберзького університету І. Хмельницький, який захистив у 1767 р. дисертацію, присвячену проблемі рабства у природньому праві, а також ще один вихованець цього ж університету Я. Хорошкевич. Багато з них пережили тяжкі розчарування, були усунуті від посад, коли зрозуміли, що у здійсненні радикальних реформ самодержавство незацікавлене. Так, М. Мотоніс повернувся на свій хутір близько Ніжина, а Г. Козицький покінчив життя самогубством у Москві.

Незалежні, занадто гоноровиті, по натурі своїй козаки, невгамонні пристрастю до літератури — писали вірші, оди, орації, перекладали, співали, вони часом виглядали диваками у петербурзько-московському оточенні, викликали роздратування як у чиновників, так і колег. Типовим представником Києво-могилянської вченості можна

назвати Кирилка Кондратовича, який протягом 15-ти років навчався у Києво-Могилянській академії, де прослухав повний курс. Далі був вчителем у школі в Переславлі-Заліському, в Катеринобурзі, де співпрацював з В. Татіщевим, перкладав для нього польські хроніки, зокрема М. Кромера. У 1743 р. вступив на службу в Академію наук як перкладач. Укладав словник російської мови, протлумачив близько 100 тис. слів, хоча вважалося, що основну роботу виконав М. Ломоносов. Його матеріали були використані при виданні академічного словника у 1786—1796 рр. Кондратович не дослужився до високих чинів, пішов у відставку з посади старшого перекладача. Він писав вірші, оди, і над усе прагнув бачити свої праці опублікованими, бо «перекладав не для бібліотечних цеглин, а для людей»¹⁶. Його звинувачували у незнанні російської мови, поганому стилі, з ним конфліктував М. Ломоносов. Й це змусило К. Кондратовича визнати, що його мова «природня російська була ушкоджена у Києво-Могилянській академії». А відомий колекціонер П. Дубровський, який привіз із Франції, де під час революції був радником російської дипломатичної місії, велику збірку, близько 11 тисяч рукописних книг і документів V—XVIII ст. на 15 мовах¹⁷ й подарував її Олександрові I, ця збірка стала основою так званого Делю манускриптів Імператорської бібліотеки, не був навіть запрошений на офіційне відкриття бібліотеки. Українська інтелектуальна еліта, живучи й працюючи у Москві та Петербурзі, змушена була пристосовуватись до середовища. Вони писали й видавали свої твори російською мовою, були урядовими службовцями, що вимагало від них лояльності до влади. Це впливало на трансформацію національної самосвідомості, розвитку так званого комплексу малоросійства — відмови від своєї мови, визнання власної культури менш вартісною ніж російська. Їх соціальна психологія була орієнтована на злиття з панівними верствами імперської нації не лише у правах, але й у мові, звичаях, побуті. Проте цю тенденцію не можна абсолютизувати. Серед української інтелектуальної еліти у столицях імперії жили ідеї відновлення незалежності своєї вітчизни, якою була для них й залишилась Україна. Автономістичні ідеї підтримував Г. Полетика, відомий перекладач, укладач шестимовного словника. Він збирав літописи і документи з історії України, мав велику бібліотеку, яка згоріла у Петербурзі. Не випадково його вважають одним із авторів «Історії Русів», історичної праці, де козацтво змальоване як державотворча сила, втілена у Гетьманщині, що добровільно приєдналася до Російської держави, обумовлюючи собі права і привілеї, які українське шляхетство мало від великих князів литовських і польських королів. На козацькому сеймі у Глухові восени 1763 р. Г. Полетика виступив з полум'яною промовою «порятунку своєї вітчизни, яку любив над

життя». Як діяч епохи Просвітництва, він вважав, що удосконалити суспільство можна шляхом поширення освіти, знань, організувавши добрі школи і запровадивши добрі закони. Він говорив про втрату козаками минулої слави і привілеїв, особливостей устрою і судочинства на Лівобережній Україні: «Були у нас суди підкоморські земські, гродські та інші для підтримки правосуддя і порядку, були у нас сейми та генеральні ради, на яких ми спільні і важливі наші справи вирішували... все це виглажено з нашої пам'яті, ніби-то ніколи цього не було»¹⁸. Полетика вірив у «філософа на троні», яким намагалася представити себе Катерина II, хоча бачив невідповідність заяв і реальної політики царизму. Недосконалість суспільства, у якому ні окремі особистості, ні окремі народи не мали прав, які б гарантувалися законом, боляче вражало Г. Полетику, як це видно з його листа київському митрополиту Арсенію Могилянському (1759 р.): «Ми живемо тепер у такому світі, котрий ще дещо поважає уявлення великих людей, а до малих, які б вони потрібні і справедливі не були, ставиться з презирством і зневажає»¹⁹. Ідеї відновлення автономії Гетьманщини жили й підтримувалися серед української інтелектуальної еліти Петербурга і Москви, про що свідчить проект В. Капніста, поета і сатирика, який у 1791 р. поїхав з таємною місією у Берлін, щоб там знайти прихильників ідеї відновлення гетьманської держави і потенційних союзників.

Поряд з такими патріотами як Г. Полетика, В. Капніст серед української інтелектуальної еліти були й такі, які від служіння своїй вітчизні переходили на службу Російській імперії, все більше віддаляючись від життя і проблем України, але вмирати багато з них поверталися на рідні хутори.

Показовою може бути у цьому відношенні постать теж відомого діяча в культурному житті Росії останньої третини XVIII ст. Ф. О. Туманського, з козацької старшинської родини Глухівщини, вихованця Києво-Могилянської академії і Кенігсберзького університету, відомого своїми інтересами до історії України. Він також збирав літописи і документи й мав намір, як писав у листі до академіка Ейлера, коли став у 1779 р. членом-кореспондентом Академії наук, написати історію Малоросії²⁰. Одночасно Ф. О. Туманський звернувся до академіка І. Лепехіна з пропозицією відкрити у Глухові академічну книжну лавку, для якої просив по 25 екземплярів кожного академічного видання²¹. Він розробив також проект Академічного зібрання у Глухові як філії Академії наук. Проте відсутність джерел фінансування, а також вчених людей у Глухові не дозволили здійснити цей намір.

Іншим наміром Ф. Туманського було здійснити опис Лівобережної України, для якого він розробив спеціальний опитувальник й

запропонував генерал-губернатору П. Румянцеву розіслати його по всіх магістратах, містечках, селах²². Його проект також не був здійснений, але матеріали використані пізніше О. Шафонським при написанні своєї праці «Черниговского наместничества топографическое описание» (1783 р.).

Переїхавши до Петербургу Ф. Туманський активно займався видавничою та перекладацькою діяльністю. Видавав журнали «Зеркало света» (1786—1787 рр.), «Лекарство от скуки и забот» (1786—1787 рр.), «Российский магазин» (1792—1794 рр.). В останньому опублікував документи з історії України — універсал Б. Хмельницького 1648 р., лист Л. Сапеги до Йософата Кунцевича (1622 р.), літопис Грабянки, документ про обрання останнього кошового отамана на Запоріжжі П. Калнишевського, мемуари П. Гордона, який перебував у Києві у 1684 р. та ін. Він став також видавцем «Собрания разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого». До свого історичного журналу «Российский магазин» Ф. Туманський взяв епіграфом слова Гомера, що «дим вітчизни нам солодкий», проте в його історичній свідомості Україна — «Малоросія» сприймалася як споконвічна і невід’ємна частина Російської держави, яку колись силою приєднали до себе Литва і Польща. І цій державі він служив вірою і правдою.

Отже, причини відтоку інтелектуальної еліти з Лівобережної України крилися у поступовій ліквідації автономного устрою, обмеженості сфер інтелектуальної діяльності, інтеграції у загальноімперські соціально-політичні структури. Певну роль відігравали особистості орієнтації та життєві цінності. Українці у XVIII ст. творили російську культуру, яка, як кожна імперська культура, вбирала в себе духовні сили народів, що її населяли, при цьому їх власна культура втрачала. Це особливо помітно в культурному житті Лівобережної України другої половини XVIII ст., коли найкращі її представники працювали поза межами контексту української культури, але при цьому залишалися її яскравими постатями.

Примітки

¹ Штанге М. М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., 1965; Шип Н. А. Русско-украинское культурное сотрудничество в XVIII — первой половине XIX в. К., 1988.

- ² Голубенко П. Україна і Росія в світлі культурних взаємин. Нью-Йорк—Париж—Торонто, 1987.
- ³ David Sannders. The Ukrainian impact on Russian culture 1750—1850. Edmonton, 1985.
- ⁴ Ю. Шерех (Шевельов). Москва. Малоросейка // Хроніка 2000. 1995, № 1. С. 168.
- ⁵ Лазаревский А. Статистические сведения об украинских народных школах и госпиталях в XVIII веке // Основа, 1862, № 5. С. 82—98.
- ⁶ Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII в. К., 1903. С. 294.
- ⁷ Акты, относящиеся к истории Киевской духовной академии. От II. Т. III. К., 1906. С. 342.
- ⁸ Наказы малороссийским депутатам 1767 г. и Акты о выборах депутатов в комиссию сочинения Уложения. С. 6—7.
- ⁹ Киевская старина, 1893. № 1. С. 176.
- ¹⁰ Дзюба О. Українці за кордоном. // Людина і світ, 1993. № 4—5.
- ¹¹ А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание. — К., 1851. С. 35.
- ¹² Я. Запаско, Я. Исаевич. Пам'ятки книжного мистецтва. Каталог стародруків виданих на Україні. Кн. II. Ч. I. (1701—1764). К., 1984. С. 10.
- ¹³ Булгаков М. История Киевской академии. СПб. 1843. С. 194.
- ¹⁴ Список докторов медицины из малороссов, практиковавших в России в XVIII в. // Киевская старина, 1896. № 3. С. 98—103.
- ¹⁵ Маслов С. До питання про літературну спадщину С. В. Лукомського. // Ювілейний збірник на пошану академіка М. С. Грушевського. Ч. II. К., 1928. С. 752.
- ¹⁶ Державна Російська публічна бібліотека. Відділ рукописів та рідкісних книг. Т. 8. Арк. 6, зв.
- ¹⁷ Воронова Т. П., Дубровский П. П — первый хранитель «Дело манускриптов» императорской библиотеки // Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981. С. 127.
- ¹⁸ Архів Ленінградського відділення Інституту російської історії РАН. Ф. 115. Оп. 1. Спр. 624. Арк. 126, зв.
- ¹⁹ Державна Російська публічна бібліотека. Відділ рукописів та рідкісних книг. — Ф. 36. Спр. 1. Арк. 1, зв.
- ²⁰ Архів Академії наук (м. Санкт-Петербург). Ф. 1. Оп.3. Спр. 63. Арк. 172—173.
- ²¹ Семенников В.П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Петроград, 1915. С. 124.
- ²² ЦНБ НАН України ім В. І. Вернадського. Інституту рукопису. Ф. 1. Спр. 2231.

Андреас Каппелер

МАЗЕПИНЦЫ, МАЛОРОССЫ, ХОХЛЫ: УКРАИНЦЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Историки часто склонны рассматривать историю собственной нации как единичный случай. Нечасто они прибегают к сравнениям либо должным образом учитывают широкий контекст полиэтнической империи. Это можно сказать и об исследованиях по истории украинцев в российском и советском государстве. В этой статье я попытаюсь определить общие принципы и структуры Российской империи и выявить место украинцев в рамках «этнической иерархии».

В Российской империи, как и в других многонациональных государствах, до новейшей эпохи такие этнические факторы как язык, культура и, как правило, даже религия играли подчиненную роль¹. Важнейшими элементами легитимации и организации являлись государь и династии, сословный порядок общества и имперская идея. Лояльность по отношению к государю и империи и сословная принадлежность имели большее значение, чем принадлежность к этнической или конфессиональной группе.

Тем не менее с точки зрения имперского центра более сотни этнических групп царской империи, зафиксированных в переписи 1897 года, не обладали равными правами. Они были выстроены по иерархии, игравшей большую роль в царской политике.

Я различаю три иерархии. Критерием одной является политическая лояльность, второй — сословно-социальные факторы, третья выстраивалась по культурным критериям, таким как религия, жизненный уклад и язык. Все три иерархии влияли друг на друга. Они не были статичны и изменялись в течение столетий. Менялось как положение отдельных этнических групп в этих иерархиях, так и реальное значение самих иерархических структур. Эта модель трех иерархий не дает конкретной, определенной картины, а носит идеально-типический характер. Вероятно, ее можно было бы применить для изучения других многонациональных государств, например, империи Габсбургов или Османской империи.

ИЕРАРХИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Лояльность подданных по отношению к государю и правящей династии — основной стержень Российской империи. Безопасность власти и социально-политическая стабильность являлись приоритетами для центра. Поэтому лояльность нерусского населения окраин имела для него первостепенное значение. С точки зрения царского правительства положение этносов в неофициальной иерархии зависело от степени их лояльности (действительной или предполагаемой). Так, например, большинство кочевников, а позднее поляков и евреев считались ненадежными подданными, в то время как к прибалтийским немцам, финнам и армянам до середины XIX века относились как к верным слугам царя.

В XVII столетии украинцы воспринимались имперским центром как ненадежные казаки (*черкасы*). Казаки, по крайней мере определенная их часть, были связаны со степью, и потому считались бунтовщиками и потенциальными предателями, как и калмыки, крымские татары и другие кочевники². Частые колебания Богдана Хмельницкого и его последователей в политической ориентации между Россией, Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской империей лишь усиливали подобное недоверие. Начиная с XVIII века центр считал, по меньшей мере, часть украинцев нелояльными сепаратистами, *мазепинцами*.

Недоверие центра к украинской элите уменьшалось по мере постепенной интеграции казачьих высших слоев гетманства в русское дворянство. С середины XVIII века многие ее представители — К. Разумовский, О. Безбородько, П. Завадовский и В. Кочубей — состояли на службе у государынь и государей России. Казаки-бунтовщики и *мазепинцы* постепенно превращались в малороссов, верных слугителей династии. Так в первой половине XIX века в общественном сознании России стал преобладать положительный образ малороссов, воспринимавшихся как колоритный вариант русского народа³. Несмотря на повышение статуса высших слоев Гетманщины в иерархии лояльности благодаря их успешной интеграции в высшие круги русского общества, на исходе XIX столетия был возрожден образ предателей-мазепинцев, чтобы скомпрометировать представителей украинского национального движения и соединить их в общественном мнении с поляками или австро-венграми.

В середине XIX века в самом низу иерархической лестницы политической лояльности находились поляки, евреи, крымские татары, народы Северного Кавказа, а наверху — финны, прибалтийские

немцы и армяне. Три последних народа в последней четверти века один за другим потеряли репутацию верных слуг царя и скатились с пирамиды лояльности. Связано это было с распространением национальной идеи и обусловленной этим иерархизацией этносов империи по принципу культуры. Украинцы вновь спустились по ступеням иерархической лестницы. Это было следствием первых политических требований, выдвинутых украинским национальным движением. Сыграл роль и тот факт, что украинцы зачастую рассматривались в тесной связи с поляками, с которыми после восстания 1863 г. ассоциировался образ предателей. Неслучайно умеренные требования украинского национального движения получили название «польской» или «иезуитской интриги». Эта связь с поляками объясняется сословной иерархией.

СОСЛОВНАЯ ИЕРАРХИЯ

Ключевым принципом, гарантировавшим с XVI века целостность Российской империи, была кооптация нерусских элит в высшие круги империи⁴. Это соответствовало основной сословной структуре царской империи и ее важнейшему политическому стержню — союзу правящей династии и дворянства. Образцом служило русское дворянство, зародившееся в Московском государстве и упрочившее свои позиции в XVIII веке.

Поэтому решающее значение для иерархического деления постоянно растущего числа нерусских этносов имело наличие у них собственной элиты, вопрос о ее лояльности к царю и соответствии модели русского дворянства. Если эта элита владела землей и крестьянами, обладала самобытной признанной высокой культурой, она признавалась равноправной с русским дворянством и занимала вместе с русскими высшие ступени в иерархии.

Уже в XVI веке лояльная мусульманская элита волжских татар (не подвергшихся уничтожению и не бежавших) была кооптирована в дворянство империи, ей даже были пожалованы русские крестьяне-христиане. Следующей за ней в XVII веке стала полонизированная шляхта Смоленска, в XVIII веке — дворяне — прибалтийские немцы и польская шляхта, в XIX веке финляндско-шведское, румыно-бессарабское и грузинское дворянство, а также, с определенными ограничениями, мусульманская аристократия Крыма, Закавказья и некоторых этносов Северного Кавказа. В последней же трети XIX века мусульманская аристократия Средней Азии более не кооптировалась в дворянство империи. Русские дворяне в принципе не имели никаких

преимуществ по сравнению с нерусскими интегрированными дворянами, так же как и русские горожане и крестьяне, поставленные в правовом и социальном плане даже в худшие по сравнению с нерусскими условия.

Нерусской аристократии было гарантировано сохранение ее привилегий, веры и земельных владений (вместе с крестьянами), а с течением времени ее статус пришел в соответствие со статусом русского дворянства. В ответ они, как и русское дворянство, состояли на царской службе, военной или гражданской, и обеспечивали социально-политическую стабильность в своих регионах. Принцип кооптации сохранялся до середины XIX века. Тот факт, что среди кооптированной верхушки были неправославные и даже нехристиане, свидетельствует о том, что автократия большее значение придавала сословному фактору, нежели *православию и народности*.

Если кооптированная знать проявляла нелояльность к царю или подозревалась в этом, правительство, разумеется, отзывало часть привилегий. В первую очередь это затронуло поляков после восстаний 1830—1831 и 1863 гг. Такая реакция была логичной, т. к. лояльность по отношению к государю и правящей династии была необходимым условием союза с элитами. Таким образом, иерархия, основанная на сословных критериях, и иерархия по степени лояльности были тесно связаны друг с другом.

На следующей ступени социальной иерархии стояли этнические группы, высший слой которых не соответствовал модели русского дворянства. И этим высшим слоям были гарантированы привилегии и определенные права самоуправления, однако они не признавались полноценными, равноправными с русскими дворянами, и потому за исключением некоторых высокопоставленных вельмож не были кооптированы в дворянство империи. В XVII и XVIII веках к этой группе прежде всего относились этносы периферийных регионов Востока и Юга империи, кочевники — башкиры, калмыки, буряты и в XIX веке казахи.

В XVII веке украинцы Гетманщины и их казацкие старшины рассматривались Москвой непосредственно в их связи со степью и могли в ту эпоху оказаться на этой второй иерархической ступени⁵. Элиты этносов этой категории по сути имели две перспективы: либо они добивались признания как дворяне, либо опускались до состояния гоеударственных крестьян или инородцев. В то время, как украинские казацкие высшие круги шли первым путем и постепенно становились *малороссами*, имперский центр все менее склонялся в XIX веке к признанию равноправными партнерами кочевых элит. И эта вторая ступень постепенно исчезала из иерархии.

Этнические группы, не имевшие собственной элиты, как правило, не могли стать партнерами царской империи. Это, правда, лишь отчасти относилось к мобилизованным диаспорным группам евреев, армян и греков, в XIX веке — волжских татар, — все они составляли средний городской слой и имели самостоятельные церковные организации⁶. Царская империя долгое время была вынуждена ориентироваться на специфические способности этих групп и потому сотрудничала с ними. По этой причине их элиты были интегрированы в высшие городские сословия. Богатые купцы, высокопоставленное духовенство в определенной степени могли взять на себя исполнение роли дворянской элиты, выступив в качестве сотрудника и партнера империи. Эти группы поэтому можно поставить на третью ступень сословной пирамиды.

На четвертом уровне находились некоторые этносы, проживавшие на востоке. Они не имели собственного дворянства и состояли большей частью из крестьян, не зависевших, однако, от землевладельцев других этносов. Это относится к чувашам, мордве, черемисам, вотьякам, коми-зырянам, якутам и прочим этническим группам Сибири, а также некоторым горным народам Кавказа, например, чеченцам.

Нижнюю ступень имперской иерархии занимали этнические группы, находившиеся в зависимости от элит других народов. Их значительную часть составляли крестьяне. Вместе с вышеупомянутыми этносами четвертой ступени, речь идет еще и о группах, описываемых исследователями национализма как «малые» или «молодые» народы, не обладающих ни собственной элитой, ни непрерывной государственной традицией, ни развитым языком, ни высокоразвитой культурой⁷. В Российской империи к этой категории принадлежали финны, эстонцы, латыши, литовцы, белорусы и украинцы, до разделов относившиеся к Речи Посполитой. Долгое время эти крестьянские народы не рассматривались центром как самостоятельные этнические группы и субъекты политики, но воспринимались только в контексте отношений с владевшим ими дворянством. Такая опосредованность привела к тому, что имперский центр долгое время соединял эстонцев и латышей с прибалтийскими немцами, а литовцев, белорусов и правобережных украинцев с поляками.

Сословная иерархия — от этносов с поместным дворянством до земледельческих народов, не имевших собственного среднего и высшего слоя, представляла важный структурный элемент царской империи. Она прежде всего определяла иерархию культур и языков. В связи с этим считалось, что высокоразвитой культурой и языком могли обладать только этносы с собственной аристократией — поля-

ки, шведские финны, прибалтийские немцы и татары, с некоторыми ограничениями — евреи, армяне и грузины. Языки прочих народов, зачастую долго не имевших письменных стандартов, среди них и украинский, официально не признавались.

Характерно, что украинцы изначально располагались на двух разных ступенях этнической иерархии: украинцы казацкого Гетманата — на второй, а остальные украинцы, лишь в конце XVIII века попавшие под русское владычество, на последней. Высшие круги казачества в конце XVIII века добились кооптации в дворянство империи и тем самым теоретически создали предпосылки для восхождения на первую ступень пирамиды⁸. Происходившая одновременно постепенная аккультурация казачьего дворянства привела, однако, к тому, что *малороссы* перестали восприниматься центром как самостоятельная этническая группа. Но, поскольку к равноправному теперь с русским малоросскому дворянству все чаще стали относиться как к русскому, все украинцы бывшего гетманства воспринимались как региональный вариант русских, что вообще лишило их собственного места в этнической иерархии. Если бы их признали самостоятельной этнической группой, они скатились бы на нижнюю ступень, как крестьянский народ, покоренный чужой (русской) элитой. Этому способствовало то, что с разделами Польши большое число украинцев попало под русское господство, украинцев, прежде в большинстве своем находившихся в зависимости от польского дворянства и потому стоявших на последней ступени, занимаемой крестьянскими народами. Таким образом в XIX веке в глазах русских массы украинцев стали *хохлами*, прототипом нецивилизованного крестьянина. Они перестали быть прямым объектом царской политики и воспринимались как функция доминировавшей в регионе польской или, соответственно, русской либо русифицированной элиты.

Позиция правительства, рассматривавшего украинцев в их зависимости от поляков, повлияла на царскую политику еще во второй половине XIX века. С другой стороны, в это время впервые царское правительство отступило от принципа кооперации с нерусским дворянством и попыталось земельными реформами 1863 и 1864 гг. противопоставить польских, литовских, белорусских и украинских крестьян их польским господам. Во всяком случае так было сделано в Правобережной Украине, причем достаточно непоследовательно⁹. Позднее во время революции 1905 г. правительству стало ясно, что тем самым оно подорвало основы самодержавия.

КРУГИ КУЛЬТУРЫ

В этнической иерархии Российской империи доминировали сословные категории. Начиная с XVIII века, однако с ними начинают соперничать факторы культуры и частично их перекрывают. Вначале речь шла о конфессионально-религиозном факторе, всегда бывшем официальным критерием разграничений, но подчинявшемся сословному принципу. Некоторое время в начале XVIII века нехристиане выделялись как иноверцы. Просвещенный абсолютизм Екатерины II снизил значение религии и выдвинул на первый план эволюционистски понятый критерий жизненного уклада, в первую очередь разграничение прогрессивного оседлого образа жизни и отсталого кочевого уклада инородцев. При Николае I и Александре III вновь возросло значение православия как опоры государственной политики.

По мере распространения концепции нации как преодолевшей сословные границы секуляризованной политической волевой общности и этнической культурной общности, постепенно в течение XIX века выявились и русские этно-национальные элементы. Они смешивались с принципами династии, сословий, цивилизации и религии, не преодолев полностью традиционные интеграционные и разграничительные факторы в царской политике. Гораздо сильнее, чем на политику правительства, новые факторы влияли на русское общество, все более и более охватываемого национальным движением¹⁰.

Культурная иерархия этносов Российской империи определяла степень инаковости, *altérité*, основанную на различиях жизненных укладов, религии и языка/культуры. В XIX веке ее можно представить в виде системы концентрических кругов, расходящихся от «своего» центрального круга русских вовне ко все более чужому. Вся система подданных империи была отделена от внешнего своей оппозицией к иностранцам (*иностранным подданным*).

Подданные государя вначале были юридически разделены на две группы: *природных* («натуральных») и *инородцев* (иноплеменников, аллогенов)¹¹. Со времен реформ Сперанского к *инородцам* относилось неоседлое население империи, т. е. кочевники — калмыки, казахи, буряты и прочие этносы Сибири. Критерием разграничений здесь служил жизненный уклад. Кочевники-инородцы не были полноправными гражданами Российской империи, права их были ограничены, но, с другой стороны, их обязанности были также незначительны, к тому же они имели определенные права самоуправления.

Этот принцип впоследствии был нарушен, когда к юридической категории *инородцев* были причислены евреи, не получившие при этом

освобождения ни от налогов, ни от несения службы, например, рекрутской повинности. Если и не формально, то на практике *инородцами* считались и оседлые мусульмане Туркестана; их статус *туземцев* во многом соответствовал статусу кочевников Средней Азии. Таким образом во второй половине XIX века оценка кочевого образа жизни как отсталого с точки зрения цивилизации перестала быть основным критерием, определяющим принадлежность к инородцам. Таким критерием стала иная раса. *Инородцы*, составлявшие внешний круг культурной иерархии Российской империи, были этносами государства, считавшимися неспособными к интеграции по причине своеобразия культуры и расы. Потому они были вычленены из массы природных граждан и дискриминированы. С другой стороны, и интеграционное давление на них было невелико.

Следующий круг от края к центру определялся противопоставлением христиане — нехристиане. Религиозный критерий в иерархии этносов давно уже стал играть известную роль. В первой половине XVIII века проводилась даже насильственная христианизация, однако со времени царствования Екатерины II нехристиан, проживающих в Российской империи, (за исключением евреев) в широких масштабах больше не трогали. Было гарантировано отправление нехристианских вероисповеданий; неправославным была запрещена только миссионерская деятельность. Государство пыталось контролировать иноверцев, создавая официальные учреждения. Круг оседлых нехристиан, не причисленных к *инородцам*, состоял из некоторых мусульманских этносов — волжских татар, башкир, крымских татар и мусульман Кавказского региона. В то время остатки народов Севера и Сибири, исповедовавшие анимистические верования, а также буддисты и евреи принадлежали к внешнему кругу *инородцев*. Итак, второй круг в значительной степени охватывал этносы, верхние слои которых были частично интегрированы в дворянство Российской империи. Во второй половине XIX века царское государство почти не прикладывало усилий, чтобы обратить мусульман империи в христианство или русифицировать их в языковом аспекте.

Следующий круг ближе к центру составляли православные христиане. Европеизированная официальная Россия гарантировала отправление других христианских исповеданий и признавала их церковные организации. Запрет был наложен только на миссионерскую деятельность. Православная церковь лишь sporadически пыталась заниматься миссионерством среди неправославных христиан. Все это, в первую очередь, относится к этносам с собственной землевладельческой или городской элитой, — к грегорианцам (армянам), католи-

кам (полякам) и лютеранам (финнам и прибалтийским немцам). Напротив, среди народов, состоявших преимущественно из крестьянских нижних слоев, — эстонцев, латышей, литовцев и белорусских католиков, в XIX веке православная церковь неоднократно проповедовала. Униаты белорусы и украинцы вообще не признавались католиками, а считались отпавшими от православия еретиками. Поэтому их церковная организация была распущена в 1839 г. и окончательно запрещена в 1875.

С шестидесятых годов XIX века царское правительство постепенно вводило ограничения в отношении церквей и духовенства некоторых неправославных христианских этносов, после чего частично перешло к языковой ассимиляционной политике. В первую очередь, это затронуло поляков (а с ними и литовцев), что явилось реакцией на январское восстание 1863 г. И только в конце XIX — начале XX века последовали ограничительные меры по отношению к лютеранской церкви и немецкому языку в прибалтийских провинциях и к армянской церкви и ее школам. Русификация и распространение православия были вызваны не только культурно-религиозными соображениями, здесь сыграл роль и критерий политической лояльности. Представления о недостаточной лояльности некоторых нерусских этносов, подозревавшихся к тому же в подрывных контактах с иностранными державами, породили введение ограничений националистического характера.

Православные этносы империи составляли три внутренних круга. Конфессионально они были теснее связаны с государем, правящей династией и империей, что официально было воплощено в православии, одним из трех ключевых принципов. Православная церковь была признана «ведущей и правящей» в Российской империи. Только она имела право на миссионерскую деятельность, а отпадение от православной веры до 1905 года строго запрещалось под угрозой уголовно-правового преследования.

Во внешнем круге православных находились православные не-славяне — грузины, румыны Бессарабии, христианизированные анимисты Средней Волги, Урала, Крайнего Севера и Сибири. В России православие нередко отождествлялось с русскостью, и в XIX веке православные этносы государства подвергались более сильному давлению с целью русификации, чем неправославные. Уже с середины XIX века для и православных неславян — грузин и румын — были созданы русские школы, а в последней трети XIX века языковая политика русификации усилилась по отношению к этим этносам. У христианизированных анимистов в это же время, однако, поощрялось развитие

школ с преподаванием на родном языке, чтобы сначала укрепить их в вере. У грузин ассимиляционная политика не имела продолжительного успеха, в то время как румынская элита Бессарабии частично была русифицирована, благодаря чему так называемые молдаване попали на край внутреннего круга восточных славян.

Круг православных славян был центром системы концентрических кругов. Официально понятие русский народ объединяло всех восточных славян, а великороссам, малороссам и белорусам отводилась лишь категория *племена*. Украинский и белорусский считались *наречиями*, а не языками, как русский¹². Потому ни письменность, ни высокоразвитая культура украинцев и белорусов, как и их элиты, не признавались самобытными.

Противопоставление русских и украинцев стало проблемой с началом украинского национального движения, в эпоху продолжавшегося формирования русской нации и возникновения во второй половине XIX века современного русского национализма. Если русская нация объединяла всех восточных славян, то формирование нации и национальное движение украинцев, самой крупной по численности после русских этнической группы империи, непосредственно угрожали целостности русской нации¹³. Это стало причиной особенно жестокого преследования деятельности украинцев в области языка и культуры, что нашло выражение в запретах языка 1863 и 1876 гг. К тому же в первом указе прежде всего прослеживалась его антипольская направленность. Как говорилось выше, правобережные украинцы, белорусы и литовцы с давних времен рассматривались в их функциональной связи с польской элитой; их культурные устремления трактовались как «польская интрига», а языковые запреты должны были задеть и мятежных поляков. Антипольская направленность удара подчеркивается тем, что ограничения коснулись не только украинского и белорусского языков, но и литовского, например, запрет «латинско-польских шрифтов» в сочинениях на литовском языке.

Несмотря на репрессивную языковую политику до начала XX века украинцы не находились в центре внимания. Чаще всего правительство и общественность относились к ним как к лояльным *малороссам*, либо бесхитростным крестьянам, *хохлам*. Русское правительство не верило, что украинцы в состоянии собственными силами сформировать нацию, ему казалось, что они могут стать орудием в руках врагов России. Если из Малороссии исходила опасность, то виновны в этом были прежде всего не украинцы, а Польша и позднее Австрия, преследовавшие, как считалось, цель превратить малороссов в *мазепинцев*¹⁴.

Украинцы и белорусы, подвергавшиеся жестоким репрессиям как этносы, в то же время в гораздо меньшей степени дискриминировались как отдельные личности, если сравнивать с этносами внешнего круга. Украинцам и белорусам, официально считавшимися русскими, в принципе была открыта любая карьера — при условии, что они владеют русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. Таким образом украинцы не вычленялись и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям. Это, однако, не означало, что украинский язык и культура и украинский этнос как общность снискали глубокое уважение, напротив, их самобытность не признавалась, а их протагонисты высмеивали их как *хохлов*, либо боролись как с *мазепинцами*.

Граница между центральным кругом великороссов и вторым кругом прочих православных восточных славян в XIX веке была нечеткой. Как говорилось выше, с официальной точки зрения имели место различия между *племенами* и *наречиями*, которые, однако, становились столь значительны, что вопрос об этом задавался во время переписи населения 1897 г.

Система концентрических кругов таким образом была амбивалентна. Чем дальше этническая группа была удалена от православного русского центра, тем больше была правовая, социальная и политическая дискриминация ее членов, и тем меньше, с другой стороны, была угроза этнической субстанции как общности. Самым слабым ассимилирующее воздействие русского языка и культуры было на инородцев (не служивших в армии, за исключением евреев) и другие нехристианские этносы. Несколько сильнее оно было на неправославных христиан, особенно живших в центре империи, еще более значительно на православных неславян, таких как карелы, мордва или румыны, и сильнее всего — на православных восточных славян. Все это касается как поощряемой правительством русификации, так и естественной ассимиляции переселенцев в русские области или города с преобладающим русским населением.

То, что украинцы в отличие от большинства представителей не-восточнославянских, соответственно неправославных этносов (например, поляков или евреев) признавались правительством и обществом принадлежащими к русской элите, увеличивало привлекательность восхождения по линии ассимиляции. Тем более, что в XIX веке украинцы находились на нижней ступени иерархии и на них смотрели как на хохлов. Образ необразованного, неполноценного крестьянского народа был принят и некоторыми украинцами. Они могли преодолеть свой комплекс неполноценности, только войдя в русскую общность и восприняв ее высокую культуру.

Все это было фоном, на котором некоторые украинцы, называемые украинской национальной стороной тоже пренебрежительно *хохлами*, переходили в более высокий социальный класс. Они делали карьеру в России и соединяли лояльность по отношению к императору и государству и приверженность русской развитой культуре с лояльностью к Украине и ее традициям. Эту важную группу, трудно поддающуюся анализу по источникам и потому систематически почти не изучавшуюся, составляли в большей или меньшей степени русифицированные украинцы. С украинской национальной точки зрения они анахронически считались коллаборационистами. При этом часто забывали, что царская империя даже в последние десятилетия своего существования не была мононациональным государством и что все еще живы были традиционные критерии династического сословного многонационального государства. В этих условиях не было ничего необычного в многонациональной принадлежности и лояльности. Не было необходимости в отождествлении себя исключительно с русскими или поляками, или украинцами; достаточной была лояльность к государству, что в любом случае означало и отказ от нелегальной деятельности, такой как украинофильская агитация. Другая возможность социального восхождения заключалась в принадлежности к «контрэлите» революционного движения, что опять-таки приводило к частичной русификации.

Не все из частично русифицированных и перешедших на более высокую социальную ступень, разумеется, становились русскими. Их идентификацию можно обозначить как ситуативную: ситуация в царской империи в последние годы ее существования требовала принятия русского языка и развитой культуры. Когда после 1917 года ситуация изменилась, многие малороссы вспомнили о скрывавшейся под русифицированной поверхностью своей украинской сути и стали сторонниками и даже министрами Украинской народной республики, а позже украинизированной в языковом отношении Украинской Советской республики.

Около 1900 года критерии политической лояльности и культуры сблизились. По примеру европейских мононациональных государств и в России распространяется точка зрения, что признание государства должно быть конгруэнтно вероисповеданию. Неправославные и нерусские, число которых увеличивалось не только за счет поляков и евреев, но и армян, российских немцев, считались *a priori* ненадежными и выделялись из русского общества понятием (в данном случае не юридическим, а политико-идеологическим) инородцы из круга «натурального» населения империи. Правительство следовало в этом

националистическом направлении, набравшем силу из-за внешне-политической напряженности, чтобы использовать его для стабилизации власти. Оно делало это, однако, непоследовательно и достигло своей цели лишь отчасти и ценой продолжавшегося отчуждения большей части нерусского населения, составлявшего в 1897 году по меньшей мере 57 процентов от общего населения.

РЕЗЮМЕ

Положение украинцев в социально-политической системе Российского государства в XIX веке было неоднозначным. Царское правительство и русское общество считали их *хохлами*, *малороссами* или *мазепинцами*. Украинские крестьяне, продолжавшие жить в традиционном украиноговорящем мире оставались доброжелательными, безобидными, даже колоритными в своих танцах и песнях, но в целом некультурными, глупыми *хохлами*. Украинцы, вступившие на путь социального восхождения и определенной интеграции в русское общество, *малороссы*, считались, несмотря на некоторые языковые и культурные особенности, частью русского народа. Немногие украинцы, хотевшие развивать собственную самобытную культуру и к тому же создававшие национальные союзы и партии, наталкивались на непонимание в русском обществе: Почему они хотят отделиться от великой русской культуры и нации, предпочтя им провинциальную крестьянскую культуру? Как правило, опасными нелояльными *мазепинцами* украинцы становились только в связи с польским национальным движением или с австрийской внешней политикой. В последние годы перед началом первой мировой войны высказывалось мнение, в частности Петром Струве, что «украинофилы» могут создать опасность для целостности империи и русской нации¹⁵.

Какие же общие выводы можно сделать, характеризуя царскую империю и русско-украинское взаимодействие?

Иерархии политической лояльности и сословий являлись определяющими структурными элементами Российской империи и не потеряли значения до самого ее конца. Они были дополнены и в какой-то степени даже перекрыты культурной иерархией этносов, роль которой возросла во второй половине XIX века. Учитывая взаимовлияния всех трех постоянно менявшихся иерархий, можно сказать, что сложная структура многонационального государства и традиционная политика правительства, соединенная с новыми элементами, отнюдь не целостная, не поддается одномерным определениям. Царская держава не была просто тюрьмой народов, как считал Ленин и

национальные историки. Ключевое понятие «русификация» неадекватно описывает разнообразную национальную политику. Русская империя не была классическим колониальным государством, как часто утверждают. Украинцы — вовсе не народ, еоединенный вечной дружбой с русскими, но и не дискриминированный во всех отношениях, угнетаемый колониальный народ. Но и русские тоже не были типичным имперским «народом-господином».

Попытка всеобъемлюще охарактеризовать царскую национальную политику понятием «русификация» подвергается с некоторых пор сомнениям в научных исследованиях¹⁶. Необходимо, правда, отметить стремление русского правительства в течение продолжительного времени к поступательной административной, экономической, социальной, и отчасти, культурной интеграции нерусских этносов. Однако понятие русификации, по моему мнению, должно быть ограничено культурно-языковой сферой и применяться по отношению к политике, приоритетной целью которой является языковая культурная вссимиляция нерусских этносов русским¹⁷. В этом смысле как таковой русификации не было в преднациональную эпоху, до середины XIX века. Многочисленные попытки административного и правового объединения государства, предпринимавшиеся начиная с XVIII века, направленные на обновление России, включавшие и продвижение русского языка как государственного и *lingua franca*, не могут рассматриваться как русификация в узком смысле слова. Когда в источниках речь идет о русификации, необходимо убедиться, используется ли понятие русский в этническом смысле или относится к империи, ее ценностям и нормам.

Целенаправленная культурно-языковая политика русификации обозначилась только с 1860-х гг., но и тогда она не оформилась во всеохватывающую концепцию, которая могла бы совершенно вытеснить традиционную наднациональную основную модель. Так большинство этносов Азии, отнесенных нами к внешним кругам культурной иерархии, почти не были затронуты русификаторскими мерами. А по отношению к неправославным этносам Запада, дворянство и высокоразвитый язык которых традиционно находились в равноправном положении, напротив, предпринимались агрессивные меры, направленные на языковую русификацию. Важнейшей причиной стало возникновение национальных движений как нерусских, так и русского. Они подрывали традиционную легитимацию царской державы и давали правительству повод в условиях усиливавшегося политического и социального кризиса сначала ставить на национальную карту, стремясь интегрировать дрейфующее в разные стороны рус-

ское общество. Правда, и эта политика продвигалась шажками и проводилась непоследовательно — сначала против мятежных поляков, только затем и с меньшей интенсивностью против прибалтийских немцев и армян, и совсем слегка затронула Финляндию. Результаты были обратные, и агрессивная русификация этносов, уже осознавших себя в национальном плане, сильнее активизировала национальные движения.

По отношению к православным этносам внутренних кругов культурно-языковая русификация началась еще раньше и имела определенные успехи, особенно, если этносы не имели собственных элит или ассимилировались в русское общество. Для центрального круга восточных славян, напротив, по мнению центра, русификация была не нужна, поскольку украинцы и белорусы и без того считались русскими. В связи с этим языковые запреты были направлены против тех немногих интеллектуалов, подстрекаемых из Польши, а затем из Австрии, пытавшихся из русских диалектов и региональных культур искусственно создать письменные языки и развитые культуры, чтобы раздробить русскую нацию и дестабилизировать царскую империю. С точки зрения национально активных украинцев в данном случае речь шла об агрессивной политике русификации. Эта политика по отношению к восточным славянам и отдельным православным не-славянам имела значительно больший успех, чем по отношению к удаленным от русских и в национальном плане более консолидированных этносов.

Так же дифференцировано, по моему убеждению, нужно применять к царской империи понятие «колониализм». Большинство азиатских областей империи были бесспорно колониями, либо экономическими, как Туркестан, либо поселенческими, как Сибирь. Проживавшие там этносы находились на нижних ступенях сословной и культурной иерархий, на большой территориальной, социальной, культурной и расовой дистанции от русского имперского центра. С другой стороны, находившиеся под властью центра и, по меньшей мере, частично управляемые извне северо-западные окраины империи — Финляндия, прибалтийские провинции и Польша — в экономическом и культурном плане были значительно более развиты, чем русский центр, и потому не могут быть названы колониями¹⁸.

Важное отличие от колониальных держав Запада состоит в том, что в структурированной по сословному принципу Российской империи не было деления на имперский русский господствующий слой и нерусские нижние слои. Правда, что большинство политической и военной элиты было русским или было русифицировано, но пред-

почтение, оказываемое русским как народу не было системой, напротив, по сравнению с нерусскими их нередко ущемляли. Так русские крепостные и их потомки находились в худшей правовой, экономической и социальной ситуации по сравнению с нерусскими государственными крестьянами на Востоке или с финскими, эстонскими и польскими крестьянами на Западе империи. Еще в 1897 году степень урбанизации и образования русских находилась на среднем уровне, если сопоставить их с другими этносами государства. Таким образом, у государственного народа не было правовых, экономических и социальных привилегий, как это имело место в западных колониальных империях.

Украина также не была классической колонией Российской империи. Отсутствовала как пространственная, культурная и расовая дистанция, так и правовая дискриминация украинцев по сравнению с русскими. Украинские историки тем временем вновь ставят вопрос, была ли Украина колонией европейского типа или внутренней колонией царской державы. Употребленное еще Лениным определение «внутренняя колония» было подхвачено украинскими экономистами 20-х гг. М. Волобуевым, М. Слабченко и М. Яворским, а позднее ученым-социологом Михаэлем Хехтером¹⁹. Аргументы их носят преимущественно экономический характер, они подчеркивают экономическую зависимость, эксплуатацию и превращение периферийных этносов в инструмент политически доминирующего центра.

Понятие внутренней колонии не представляется мне адекватным для характеристики русско-украинских отношений в Российской империи²⁰. Несмотря на то, что в отношениях русского центра и украинской периферии очевидны элементы экономической зависимости, эксплуатации и ущемления культуры, слишком многое говорит против применения понятия колония. Например то, что царский центр видел в Украине часть матушки-России и, как было сказано выше, не дискриминировал украинцев как граждан по сравнению с русскими. Дабы избежать девальвации понятий, использование терминов колониализм, колониальный, колония должно ограничиваться классическим колониализмом, которого на Украине не было.

Модель сословно-социальной и культурной иерархии этносов может быть перенесена и на регион Украины, на ее этнические группы. В сословной иерархии Украины русские и поляки находились рядом, будучи противопоставлены в социальном плане прочим этносам, прежде всего основному слою украинских крестьян. То, что эта коалиция в значительной степени сохранилась, несмотря на многочисленные политические конфликты в Правобережной Украине, имев-

шие место до конца существования царской империи, показал Даниэль Бовуа²¹. Тот факт, что с согласия царского правительства православные «малороссы» продолжали жить при социальной, экономической и частично даже культурной гегемонии польского дворянства, вновь свидетельствует о неизменной силе сословной иерархии.

В иерархиях культур и лояльности русские и украинцы, напротив, были естественными союзниками против чужаков. В последние десятилетия существования царской империи это были евреи, поляки и немцы. Русские националисты и, отчасти, даже само русское государство пыталось (и не всегда безуспешно) использовать антисемитизм, антипольские и антинемецкие кампании для интеграции всех православных восточных славян в «единую и неделимую Россию»²². Во всяком случае близость культур могла обернуться и конфликтами, когда охваченные национальной идеей украинцы стали противостоять процессу поглощения своей культуры и языка русским языком и культурой. Союзниками украинского национального движения, направленного, в первую очередь, против русского государства, могли стать в этой ситуации евреи, поляки и немцы.

Эта эскизная модель, возможно, поможет объяснить русско-украинские отношения не только в царской империи, но и в Советском Союзе. Нарисованная здесь очень схематично иерархия национальностей пробилась и сквозь революцию. Правда, в Советском Союзе социальная иерархия была преобразована, а категории сословий и дворянства исчезли. Однако принцип кооптации нерусских элит все-таки оставался в силе, так же как и требование политической лояльности. Для новой социальной иерархии этносов важную роль играли сила промышленного пролетариата и укрепление позиций Коммунистической партии.

Изменилась и система концентрических кругов, выстроенных с учетом культурных аспектов. Так евреи (секуляризированные и русифицированные) в 20-е годы смогли покинуть черту оседлости. Однако дистанция между центром и азиатскими этносами, напротив, сохранилась. При Сталине русские вновь стали играть свою ведущую роль в культурной иерархии, право на которую было подвергнуто сомнению в 20-е гг. Условие сохранения политической лояльности оставалось решающим, и основанная на ней иерархия сталинской империи, связанная с царскими ценностными ориентирами, переняла некоторый порядок дореволюционной эпохи.

Украинцы со своим сильным крестьянским началом в эпоху между войнами так же стояли в социальной иерархии гораздо ниже русских и других более урбанизированных этносов, имевших свою

промышленность. Культурное размежевание между украинцами и русскими выявилося отчетливее сначала вследствие роста национального самосознания революционных лет и украинизации 20-х гг. С индустриализацией и урбанизацией Украины положение украинцев в социальной иерархии улучшилось, а культурные границы с русскими снова были размыты.

Традиционная амбивалентность положения украинцев снова проявилась, когда при Сталине оживились русские национальные и имперские элементы. С одной стороны, их близость к русскому ядру обуславливала особо чувствительную реакцию на (предполагаемую) нелояльность или движение к национальному отделению. Это выразилось в особенно репрессивной советской политике по отношению к Украине в 30-е гг. и снова в 70-е. С точки зрения центра и русского общества украинские националисты *петлюровцы* и *бандеровцы* стали преемниками *мазепинцев*. «Удар ножом в спину», нанесенный Советскому Союзу украинским руководством в декабре 1991 года, вновь утвердил образ предателей-*мазепинцев*. С другой стороны, у лояльных украинцев, приспособившихся к русской культуре, и в Советском Союзе были хорошие шансы для карьеры. Хрущев отвел на время малороссам даже роль младших партнеров в правительстве и партии; политическое руководство воспринималось в то время несдавянами как русско-украинское. Еще сегодня в России среди других этносов «ближнего зарубежья» белорусы и украинцы считаются особенно близкими родственниками, с которыми охотно сотрудничают и которым готовы идти на известные уступки. Их, однако, не ставят на один с собой уровень ни в социальном, ни в культурном плане и до сих пор не признают самостоятельными нациями со своими национальными государствами. Большинство русских все еще смотрит на украинцев как на *малороссов*, часть русской нации и не понимает, почему украинцы стремятся утвердить свой язык, свою культуру и свое собственное государство. Несмотря на урбанизацию и индустриализацию украинцы все еще считаются неразвитым крестьянским народом, *хохлами*. Правда, языковая, культурная и историческая близость привела к тому, что между русскими и украинцами почти нет этнических антагонизмов. Настоящая «дружба народов» возможна лишь тогда, когда русские признают в украинцах равноценную нацию.

Примечания

¹ См. Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities, in: Allworth E. (ed.): *Soviet Nationalities Problems*. New York — London, 1971. P. 22—42; Starr S. F. *Tsarist Government: The Imperial Dimension*, in: Azrael J. R. (ed.): *Soviet Nationality Policies and Practices*. New York, 1978, P. 3—38; Thaden E. C. *Russia's Western Borderlands, 1710—1870*. Princeton 1984; Цимбаев Н. И. Россия и русские (национальный вопрос в Российской империи), в кн.: *Русский народ: Историческая судьба в XX веке*. Москва, 1993. С. 39—50; Lieven D. The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities // *Journal of Contemporary History* 30 (1995), P. 607—636; Kappeler A. *Rubland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München, 1992. (Русское издание: Каппелер А. *Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад*. М., Прогресс, 1996.) Я отсылаю в связи со статьей в целом к последней книге, в которой приведены основные источники и исследования, опубликованные до 1991 года.

² См. Torke H.-J. *The Unloved Alliance: Political Relations between Muscovy and Ukraine in the Seventeenth Century*, in: *Ukraine and Russia in their Historical Encounter*. Ed. by Potichnyi P. J. et al. Edmonton 1992. P. 39—66; Kappeler A. *Das Moskauer Reich des 17. Jahrhunderts und seine nichtrussischen Untertanen*, in: *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50 (1995). P. 185—198.

³ См. Saunders D. *The Ukrainian Impact on Russian Culture 1750—1850*. Edmonton 1985; Bushkovitch P. *The Ukraine in Russian Culture 1790—1860: The Evidence of the Journals*, in: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 39 (1991). P. 339—363; Raeff M. *Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century*, in: *Ukraine and Russia*. P. 69—85.

⁴ См. литературу, указанную в ссылке 1. Краткое резюме в: Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство XVI—XIX вв. Краткий обзор проблемы. В: *Сословия и государственная власть в России. XVI — середина XIX вв. Международная конференция — Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов*. Москва 1994. С. 215—225.

⁵ См. Kappeler A. *Das Moskauer Reich...*

⁶ О концепции см.: Armstrong J. A. *Mobilized and Proletarian Diasporas* // *The American Political Science Review* 70 (1976). S. 393—406.

⁷ Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. Cambridge 1985; Chlebowczyk J. *On Small and Young Nations in Europe*. Wrocław, etc. 1980. Об украинцах: Rudnytsky I. L. *Observations on the Problem of «Historical» and «Non-historical» Nations* // *Harvard Ukrainian Studies* 5 (1981). P. 358—368; Grabowicz G. G. *Some Further Observations on «Non-historical» Nations and «Incomplete» Literatures. A Reply*, *ibid.* P. 369—388; Kappeler A. *Ein «kleines Volk» von 25 Millionen: Die Ukrainer um 1900*, in: *Kleine Völker in der Geschichte Osteuropas. Festschrift für Günther Stökl zum 75. Geburtstag*. Ed. by M. Alexander et al. Stuttgart 1991. P. 33—42; перевод в сокращении см. *Journal of Ukrainian Studies* 18 (1993). P. 85—92.

⁸ Kohut Z. E. *Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s—1830s*. Cambridge, Mass. 1988; Saunders D. *Op.cit.*; Raeff M. *Some Observations on Russo-Ukrainian Relations in the 18th and Early 19th Centuries (Primarily Cultural from a Russian Perspective)*, in: *Między wschodem a zachodem. Rzeczpospolita XVI—XVIII w. Studia ofiarowane Zb. Wójcikowi...* Warszawa, 1993. P. 179—186.

⁹ Beauvois D. *La bataille de la terre en Ukraine 1863—1914. Les Polonais et les conflits socio-ethniques*. Lille 1993.

¹⁰ Общие работы по этому вопросу: Thaden E. C. (Ed.): *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914*. Princeton, 1981; Kappeler A. (Ed.): *Die Russen. Ihr*

Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart. Köln 1990; Weeks Th. R. The National World of Imperial Russia: Policy in the Kingdom of Poland and Western Provinces, 1894—1914. Ph. D. Diss. University of California, Berkeley 1992; Дьякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XI в.) // Вопросы истории 1995. № 9. С. 130—142.

¹¹ Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897. Ed. by H. Bauer et al. Vol. A—B. Stuttgart 1991. Pp. 416—428. Термин *инородцы* в XIX веке с уничижительным оттенком употреблялся также по отношению к другим нерусским и неправославным этносам.

¹² Die Nationalitäten. Vol. A. P. 166—171.

¹³ См. о более поздней фазе см: Andriewsky O. The Politics of National Identity. The Ukrainian Question in Russia, 1904—1912. Ph. D. Diss. Harvard 1991, а в целом Szporluk R. The Ukraine and Russia, in: Conquest R. (ed.): The Last Empire. Nationality and the Soviet Future. Stanford 1986. P. 151—182.

¹⁴ См., например, Щеголев С. Н. Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. Киев 1912; Reshetar J. S., Jr. Ukrainian and Russian Perceptions of the Ukrainian Revolution, in: Ukraine and Russia..., P. 140—164.

¹⁵ См. Andriewsky O. Op. cit.

¹⁶ Thaden Ed. (ed.), Russification; Weeks Th. R. The National World; id. Defining Us and Them: Poles and Russians in the «Western Provinces», 1863—1914 // Slavic Review 53 (1994). P. 26—40; von Pistohlkors G. «Russifizierung» in den baltischen Provinzen und in Finnland im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert // Zeitschrift für Ostforschung 33 (1984). P. 592—606.

¹⁷ Эли Вейнерман, напротив, недавно выступил за расширенное трактование дефиниции. Он различает политическую, языковую, религиозную, культурную и этническую русификацию и подчеркивает, что все варианты были направлены на дальнейшую ассимиляцию (Russification in Imperial Russia: The Search for Ethnic Homogeneity in the Multinational State, unpubl. manuscript).

¹⁸ См. Hind R. J. The Internal Colonial Concept // Comparative Studies in Society and History 26 (1984). P. 543—568, здесь P. 554—560; Юрген Остерхаммель справедливо сетует, что концепция колониализма в отношении России и Советского Союза «до сих пор не дискутировалась с необходимой тщательностью»: Kolonialismus. Geschichte—Formen—Folgen. München 1995. S. 122.

¹⁹ Михайло Волобуев: До проблеми української економіки // Більшовик України 1928, 2—3, цит. по Документи українського комунізму. New York, 1962. P. 132—230; Hechter M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development 1536—1966. London 1975; Mace J. E. Communism and the Dilemmas of National Liberation. National Communism in Ukraine. 1918—1933. Cambridge, Mass. 1983. P. 161—190; Hind: The Internal...

²⁰ Такие же аргументы приводил уже Rudnytsky I. L. The Role of the Ukraine in Modern History // Slavic Review 22 (1963). P. 204—205. Напротив, за применение колониальной парадигмы к истории Украины недавно высказался Grabowicz G. G. Framing the Contexts // Slavic Review 54 (1995). Pp. 676—679.

²¹ Beauvois D. La bataille de la terre...

²² См. Wynn Ch. Workers, Strikes and Pogroms. The Donbass—Dnepr—Bend in Late Imperial Russia, 1870—1905. Princeton 1992; Weeks Th. Ukrainians and Official Russia. A Deafening Silence. Discussion Paper Conference. New York, Nov, 1994; Kappeler A. Ukrainians and Germans in Southern Ukraine, 1870s to 1914, in: German-Ukrainian Relations in Historical Perspective. Ed. by Hans-Joachim Torke and John-Paul Himka. Edmonton & Toronto, 1994. P. 60—61.

Алексей Миллер

РОССИЯ И РУСИФИКАЦИЯ УКРАИНЫ В XIX ВЕКЕ

Очевидно, что «национальные» концепции истории в очень большой степени есть настоящее, опрокинутое в прошлое. В этом смысле они отражают интересы национальных политических элит и национальных или «национализирующихся» государств¹. Но вполне ли национальные концепции истории отражают интересы историков? Очевидно, что телеологический подход к конструированию национальных мифов будет доминировать. Вопрос — позволим ли мы ему доминировать безраздельно? В этом главный и вполне мною разделяемый пафос вызвавшей оживленную дискуссию работы М. фон Хагена². Иначе говоря, эта статья адресована тем российским и украинским историкам, которые не готовы целиком посвятить себя «упражнениям на заданную тему».

Процесс развития украинского национального самосознания и формирования украинской нации в XIX в. до сих пор описывался по преимуществу в двух оптиках. Одна из них — это телеологическая оптика естественности и безальтернативности процесса, который, подобно траве, пробивающейся сквозь асфальт, неизбежно преодолевает все препятствия, создаваемые антиукраинской политикой империи. Другая оптика, представленная, например, в сочинении Н. И. Ульянова³, оценивает этот процесс как цепь трагических, противоестественных случайностей и плод интриги разнообразных антирусских сил.

Я хочу предложить посмотреть на этот процесс иначе — *как на процесс закономерный, но не предопределенный*. Иными словами, мой исходный вопрос таков — была ли в XIX в. альтернатива, и, если да, то почему она не была реализована⁴?

Та потенциальная альтернатива, которую я хочу рассмотреть, это русификация украинцев. То есть, я хочу перефразировать знаменитое и несправедливое во всех его составляющих изречение Валуева «украинского языка не было, нет и быть не может» в формулу, которая тогда, в середине XIX в. вполне имела право на существование: «украинского языка могло бы не быть» как альтернативы русскому, подобно тому, как гэльский или провансальский не являются сегодня альтернативой соответственно английскому и французскому.

Итак, большинство в русском образованном обществе и в правительственных кругах в течение всего XIX в. разделяет концепцию триединой русской нации, включающей в себя велико-, мало- и белорусов⁵. С точки зрения успеха реализации этой концепции в XVIII в. была проделана, если воспользоваться современным штампом, большая и успешная работа. Административная автономия гетманата была уничтожена, традиционные украинские элиты были в подавляющем большинстве инкорпорированы в русское господствующее сословие и ассимилированы, а более развитая в XVII и части XVIII в. украинская культура подверглась провинциализации и стала по преимуществу крестьянской. Этим были созданы первоначальные предпосылки для решения значительно более трудной задачи — русификации массы украинского крестьянства.

Можем ли мы оценить эту безусловно трудную задачу как заведомо невыполнимую для того времени? Доступный нам для сравнения благодаря Юджину Веберу пример — Франция, в которой даже в середине XIX в., по крайней мере, четверть населения не говорила по-французски, а *patois* (наречия) часто были настолько далеки от французского, что путешественнику не у кого было спросить дорогу — нереальная ситуация при разговоре какого-нибудь проезжего русского барина с украинским крестьянином⁶. С французским патриотизмом среди этих неговорящих по-французски крестьян дело обстояло плохо. Охотники сопротивляться франкоизации имелись. Между тем Мистраль стал последним гением провансальского стихосложения, а его современник Шевченко — одним из основателей украинского литературного языка. То есть французам удалось, хотя только к концу XIX в., утвердить французский как единственный и единый язык высокой культуры для всей территории Франции, что позволило им в XX в. создать национальный миф о естественности, совершенной добровольности и давности этого состояния.

Почему русским не удалось сделать с Украиной того, что французы сделали с Лангедоком или Провансом? (Правомерен и вопрос, почему, после того, как эта неудача стала очевидной, России не удалось построить с Украиной отношения англо-шотландского образца, что также можно считать вариантом успешной, хотя и ограниченной, ассимиляции⁷. Однако ответ на этот вопрос лежит во многом за рамками рассматриваемого в данной статье отрезка исторического времени⁸.)

Неудача ассимиляционных процессов на Украине объясняется комплексом причин. Часть из них применительно к России условно можно определить как «внешние», часть связана с особенностями

украинского этноса и развитием украинского национального движения и самосознания. Но были и сугубо «внутренние» причины, ограничивавшие русский ассимиляторский потенциал.

Осложнявшие решение этой задачи «внешние» факторы в самом общем виде можно определить так — в своем взаимодействии русские и украинцы никогда не были одни. После включения Правобережной Украины в состав империи социально доминирующей группой оставались здесь польские землевладельцы. Вплоть до восстания 1863 г. Петербург в своей политике на Украине придерживался по преимуществу имперско-сословной логики, видя в польских помещиках прежде всего опору для контроля над украинским крестьянством и поддержания крепостнического порядка. Только после 1863 г. правительство в значительной мере, хотя и не полностью, перешло от традиционно имперских, надэтнических к националистическим принципам политического целеполагания. Однако даже в начале XX в., после всех конфискаций и других мер правительства, направленных на ослабление польского землевладения на Украине, половина земельных угодий оставалась здесь в руках поляков, что во многом было связано с неэффективностью и продажностью русской администрации⁹.

Русская высокая культура никогда не имела здесь монопольного положения, польская всегда выступала конкурентом и альтернативным образцом для подражаний. Значительная часть текстов раннего, романтического периода развития украинского национализма, в том числе произведения Шевченко и Костомарова, имели в качестве образцов сочинения польских романтиков.

К этим же «внешним» факторам можно отнести сознательные усилия поляков, а несколько позже и австрийских властей, то, что в России XIX в. называлось польской и австрийской интригой. Во второй трети XIX в. польские политики, по преимуществу из среды эмиграции после восстания 1830—1831 гг., прежде самих украинцев формулировали различные версии украинской идентичности. Большинство этих концепций объединял антиимперский пафос, который нередко соединялся с антирусским чувством. Один из наиболее глубоких украинских историков Иван Лысяк-Рудницкий посвятил биографические очерки трем идеологам польского украинофильства: Ипполиту (Владимиру) Терлецкому, Михалу Чайковскому и Франтишеку Духиньскому¹⁰. Вывод Рудницкого однозначен: «Поляки-украинофилы и украинцы польского происхождения (граница между этими двумя категориями была очень зыбкой) внесли существенный вклад в создание новой Украины... Их влияние помогло украинскому возрождению преодолеть уровень аполитичного культурного регионализма и усилило его антироссийскую боевитость»¹¹.

Начиная с этого времени и вплоть до советско-польской войны 1920 г. разнообразные польские политические группировки в эмиграции, в Галиции и собственно в Российской империи последовательно стремились к упрочению украинского сепаратизма как потенциального союзника (или инструмента) в борьбе за освобождение от власти российской империи и ее развал.

Уже само то обстоятельство, что не вся территория проживания украинского этноса находилась в составе Российской империи, создавало серьезные трудности для политики русификации украинцев. Заметно более либеральный режим Габсбургов открывал исключенные в России возможности образовательной и публикаторской деятельности на украинском языке. Во второй половине XIX в. Галицию не случайно называли украинским Пьемонтом. Именно в Галиции переход украинской политической мысли к идее независимости произошел на рубеже веков, то есть на два десятилетия раньше, чем в российской части Украины¹². Изданная здесь литература на украинском различными способами переправлялась в Российскую империю.

Вопрос о том, в какой мере Вена не только создавала эти возможности, но и целенаправленно способствовала такой деятельности, нуждается в дополнительном изучении. Тем не менее, определенно можно сказать, что Вена разрабатывала планы использования галицийских русинов в борьбе с панславистской пропагандой Петербурга, и что в некоторых случаях эти планы обсуждались и координировались с поляками. (Замечу, что Петербург не менее активно использовал в борьбе за «умы и сердца» галицийских русинов подрывную литературу, агентов и другие сходные методы¹³.)

Важная роль в этой игре принадлежала и Ватикану, который, безусловно, сделал много для того, чтобы униатская церковь превратилась в патрона украинского национального движения, каковой изначально она вовсе не являлась.

Д.-П. Химка, наиболее авторитетный из современных специалистов по истории Галиции, вообще считает, что, если бы Россия получила Восточную Галицию после Венского конгресса или даже оккупировала ее в 1878 г. в ходе Балканского кризиса, «украинская игра была бы закончена не только в Галиции, но и в надднепрянской Украине»¹⁴.

Среди затруднявших ассимиляцию особенностей украинского этноса прежде всего следует выделить демографический и социальный факторы. Первый из них подробно проанализировал Д. Саундерс, подчеркнувший большую численность украинского этноса и его более высокую рождаемость по сравнению с русскими¹⁵. Продолжительность

жизни на Украине также была в течение последних двух веков выше, чем в России. (Это, кстати, еще одно свидетельство непригодности колониальной модели, по крайней мере в ее чистом виде, для описания русско-украинских отношений¹⁶.) Вместе с тем, при огромной абсолютной численности украинского населения Российской империи, его соотношение с массой русского населения остается в рамках пропорций, характерных для случаев более или менее успешной ассимиляции в европейских государствах.

Безусловно затрудняли русификацию этнические различия, историческая память об автономии и националистическое движение. Однако по своему масштабу эти факторы, по крайней мере, не выходят за рамки «общевропейской нормы» для подобных ситуаций. Барьер этнокультурных различий не был как-то специально высок. Примеров русификации украинского крестьянина — вдоволь. С русской стороны ассимиляция украинцев никогда не отторгалась ни на официальном, ни на бытовом уровне.

Вряд ли можно говорить о какой-то исключительной силе и развитости украинского националистического движения до рубежа веков, даже в сравнении с сугубо «неисторическими», если воспользоваться терминологией О. Бауэра, народами.

Мне кажется, что при всей важности упомянутых факторов, их недостаточно для объяснения неудачи русификации. Причины этой неудачи во многом нужно искать в неэффективности и ограниченности самих русификаторских усилий. Иначе говоря, это не только история успеха борьбы украинских националистов, но и история неудачи их противников.

Сравним политику французских и русских властей. Административные запреты — единственная сфера, где Петербург может конкурировать с Парижем в рамках этого сравнения. Подчеркну — конкурировать, но не превзойти. Трактую украинский так же, как французы трактовали *patois*, а это естественная позиция для сторонников концепции триединой русской нации, российские власти запрещали использование украинского в администрации, школе, издании книг «для народа», в чем совершенно не отличались от властей французских. Иначе говоря, преследования украинского языка в Российской империи выделяются своей жесткостью только на фоне отношения тех же российских властей к языкам других народов империи, но не на фоне французского опыта¹⁷. И в рамках русификаторской логики эти репрессии против украинского языка больше свидетельствуют об убежденности в необходимости и «естественности» русификации украинцев, и об отсутствии такой убежденности по отношению, напри-

мер, к эстонцам, но не о сознательном стремлении ущемить украинцев побольнее, чем кого-либо другого.

Замечу, что в отношении этих запретительных мер в русском обществе и даже в правительственных кругах не было единства. Многие сторонники концепции триединой русской нации полагали, что процесс культурной унификации будет развиваться сам по себе, а усилия властей, особенно запретительного характера, лишь затрудняют его. (Уже Ю. Самарин высказывался в том смысле, что не следует посягать на украинскую культурную самобытность, и сосредоточиться на укреплении политико-экономического единства. Однако современный ему политический режим оставлял мало пространства для подобных усилий.)

Эти разногласия отразились, отчасти, и в реализации наиболее знаменитых запретительных мер в отношении украинского языка — Валуевского декрета 1863 г. и Эмского указа 1876 г. Уже то обстоятельство, что знание украинского языка учитывалось в течение ряда лет при приеме на работу в цензуру¹⁸, означает, что запреты не были всеобъемлющи не только де-юре, но и де-факто. (В 1896 г. цензура разрешила к изданию 58% рассмотренных украинских текстов¹⁹.) Важно было бы выяснить, что стояло за многочисленными внутренними инструкциями, то еужавшими, то расширявшими сферу применения Эмского указа вплоть до начала XX в.

Вообще, история этих документов требует серьезного дополнительного изучения. Предстоит еще установить соотношение собственно антиукраинской их мотивации, каковая несомненно присутствовала, и антипольской. Декрет 1863 г. прямо связан с попытками распространить Январское восстание на Волынь и Подолию. Факт издания большинства украиноязычных публикаций, импорт которых запрещался Эмским указом, в Галиции также позволял усматривать в них «польские происки». Имели значение и вовсе не этнические, социально-охранительные мотивы, поскольку за украиноязычными публикациями для народа власти подозревали, и порой не без оснований, «революционные идеи».

Как бы то ни было, акты подобного рода могут иметь принципиально различную логику. Они могут быть мерами сугубо охранительного, запретительного порядка — и тогда судьба их печальна. Но они могут быть и частью активистского ассимиляторского плана. Однако для успеха наступательной ассимиляторской политики одних запретов совершенно недостаточно. Нужны меры, которые в рамках русификаторской логики можно было бы назвать конструктивными.

Что могло заставить украинского крестьянина заговорить по-русски? Это прежде всего школа с русским языком преподавания и

армия. Эффективность использования этих инструментов была низкой. Вспомним, что всеобщая воинская повинность вводится в России только в 1874 г., то есть заметно позднее, чем во Франции. При том, что избежать армейской службы крестьяне стремились всюду, в России у них для этого было заметно больше оснований, чем во Франции, где их «питание, жилье, гигиена и одежда были заметно лучше, чем дома»²⁰. Позднее же, в период первой мировой войны, российская армия сама стала не только ареной, но и одним из генераторов национальных разделов²¹.

Что до школы, то лучшей иллюстрацией к этому вопросу может служить ответ сторонника русификаторской логики министра просвещения Глазова Российской Академии наук, которая в 1905 г. справедливо признала украинский язык развитым самостоятельным языком, а русификаторскую логику, как следствие, анахроничной. Сторонники введения украинского в качестве языка обучения в начальной школе указывали, что низкий уровень грамотности украинских крестьян связан с необходимостью обучения на неродном языке. Министр отвечал, что низкий уровень грамотности объясняется прежде всего двухгодичным образованием, и решать проблему нужно не введением украинского языка, а расширением начального обучения с двух до четырех лет²². Иными словами, даже в начале XX в. школа, в силу плачевности своего положения, не могла служить эффективным инструментом русификации.

Наладить качественную систему начального образования на Украине, как и повсюду в империи, Петербург был не в состоянии как по финансовым, так и по политическим причинам. К последним отнесем общее ретроградство российских правителей, с подозрением смотревших на саму идею расширения круга образованных людей, а также постоянный конфликт с этими образованными людьми, которые с большей охотой отправлялись «в народ» с социалистической агитацией, чем как государственные чиновники и учителя. Не случайно правительство даже пыталось привлечь чиновников на службу на Украине установлением специальных надбавок к жалованию.

Русский помещик также не был эффективным проводником русификации. Растянувшаяся на многие десятилетия борьба царских властей с польским землевладением и другими элементами польского влияния в так называемом западном крае дала весьма ограниченные результаты²³. России не удалось создать в Правобережной Украине сколько-нибудь мощного, культурно и социально эмансипированного слоя русских землевладельцев. Даже получивший на Украине землю русский помещик предпочитал жить в городе и никак не мог

сравниться по своему культурному влиянию в деревне с польским шляхтичем-землевладельцем.

Слабость русских землевладельцев как группы по сравнению с польскими была, в свою очередь, причиной того, что земская реформа не была распространена на западные губернии и земские школы не могли восполнить слабость государственной системы образования.

Выходит, что, вне зависимости от желания авторов запретительных указов, сделать их частью наступательного ассимиляторского плана не удалось.

Ю. Вебер подчеркивает, что все усилия французских властей — заметно более интенсивные, организованные и продолжительные, чем в России — по насаждению французского языка не давали ощутимых результатов, пока они не оказались подкреплены такими неизбежными следствиями модернизации, как урбанизация, развитие системы дорог, рост мобильности населения²⁴. Иными словами, когда выгоды от владения французским стали очевидны и повседневно ощутимы²⁵. Если мы обратимся к украинской ситуации, то увидим справедливость этого замечания даже на материале начала XX в., когда, как мне кажется, дело русификации украинцев по «французскому образцу» в целом было уже проиграно. Как показал С. Гутье, процент голосовавших за украинские списки на выборах в Учредительное собрание 1917 г. в городах был неизменно ниже, чем процент украинского населения — то есть ассимиляционные процессы работали²⁶. (Замечу, что картина будет еще более впечатляющей, если учесть, что среди русского населения украинского города было немало обрусевших украинцев.) Однако быстрый рост городов в Российской империи начинается лишь в последней декаде XIX в.²⁷

Даже мобильность сугубо горизонтальная, то есть связанная не с переездом из деревни в город и изменением социального статуса, а лишь с переселением на свободные земли в Сибири и Казахстане, практически предопределяла ассимиляцию. Мы знаем, что переселенческая политика по отношению к русскому крестьянину стала возможной только после столыпинского указа о праве выхода из общины. Но украинский крестьянин не знал общинной собственности на землю, и к нему эту политику можно было применять заметно раньше, чем в 1906 г. Однако сделано этого не было, что является еще одним свидетельством неэффективности и несистемности русификаторской политики в отношении украинцев. Более того, в своем стремлении сохранить преобладание православного и, как тогда считалось, русского населения над поляками, власти не поощряли желание страдавших от земельного голода крестьян Украины переселиться на свободные земли в других регионах империи²⁸.

Таким образом, арсенал средств, которыми российское правительство могло воспользоваться в XIX в. для русификации украинцев, был ограничен из-за общей отсталости страны, запаздывания модернизационных процессов и неэффективности административной системы.

В свою очередь, слабости административной системы предопределяли непоследовательность российской политики, которая существенно менялась не только в связи со сменой самодержцев, но и из-за смены генерал-губернаторов. Это отчасти объясняется отсутствием единства воли в вопросах о задачах, направлениях и средствах русификаторской политики равно в правящих кругах и в обществе в целом, что во многом было связано с запоздалым отказом императорского двора от собственно имперской логики, делавшей акцент на традиционалистской, ненационалистической легитимации царской власти. Сама необходимость целенаправленных усилий по русификации украинцев была в России осознана лишь в середине XIX в., который, собственно, и был тем «окном возможностей», когда такая политика могла дать результат. Таким образом, само правительство оказалось неспособным эффективно воспользоваться даже теми средствами, которые были ему доступны.

Отсутствие единства в правящих кругах и в общественном мнении дополнял постоянно углублявшийся в XIX в. кризис в отношениях власти именно с той образованной частью собственно русского общества, сотрудничество которой было столь необходимо для успеха любых русификаторских усилий.

Также весьма важно, что сама модель социально-политического устройства самодержавной России становилась все менее приемлема для ее граждан. Переход властей к контрреформаторской политике в 1870-е гг., утверждение бюрократическо-полицейского образа режима и нараставший с этого времени политический конфликт в самом русском обществе неизбежно подрывали привлекательность России как центра интеграционного притяжения для иноэтнических элит. Отсутствие представительских структур до 1905 г., равно как и политика режима в отношении Государственной Думы и «национального» представительства в ней после 1905 г. и особенно 1907 г. вытесняли даже федералистски настроенных «национальных» политиков в положение контрэлиты.

Закрытость политической системы даже в начале XX в. оставляла крестьянство вообще, и украинское в частности, отчужденным от политической жизни и открытым для влияния радикальной пропаганды, будь то чисто социалистического, или националистически окрашенного толка. Р. Шпорлюк не без основания считает, что даже

само русское крестьянство вплоть до начала XX в. не было вполне русифицировано, то есть не чувствовало себя частью политической нации в современном значении этого понятия²⁹.

Таким образом, в российско-украинских отношениях XIX в. вполне проявилась ограниченность ассимиляторского потенциала царской России вообще. По сути дела, российское правительство полагалось на стихийную ассимиляцию, ограничившись системой запретов по отношению к пропагандистским усилиям украинских националистов. Реальный исторический итог развития этой ситуации оказался вполне закономерным.

Примечания

¹ Блестящий анализ этих механизмов см. в: Wallerstein E. Does India Exist? // Wallerstein E. *Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. Cambridge, 1995. 2nd ed. P. 131—134.

² von Hagen M. Does Ukraine Have a History? // *Slavic Review*, Fall 1995.

³ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. (Первое издание — New Haven, Conn. 1966.)

⁴ Оговорюсь еще раз, что за интересом к альтернативности этого процесса не стоит стремления представить свершившиеся факты как «ошибку истории» или случайность.

⁵ Концепция триединой русской нации до сих пор оказывает влияние на русское общественное сознание — достаточно вспомнить, например, эссе А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию». В современной ситуации концепция эта анахронична и входит в очевидное противоречие с реалиями. Однако сказать о ней то же самое применительно к XIX веку означало бы упустить из виду целый ряд интересных исследовательских проблем.

⁶ Weber E. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France. 1870—1914*. Stanford, 1976. гл.6.

⁷ Суть «шотландского» варианта наиболее емко сформулировал С. М. Grieve («Albyn, or Schotland and the Future»): «Отсутствие шотландского национализма, как это ни парадоксально, есть форма шотландского самоопределения». Цит. по: Harvie Ch. *Schotland and Nationalism. Scottish Politics, 1707—1994*. London & New York, 1994. P. 34.

⁸ Замечу лишь, что ликвидация Екатериной II автономии гетманата и «растворение» традиционных малороссийских элит в русском дворянстве лишали Петербург партнера, которого всегда имел Вестминстер в лице шотландских элит. Иначе говоря, Петербург сам разрушал перспективы «шотландского» варианта, поскольку новые украинские элиты, возникавшие в середине XIX в., в большинстве своем были уже народнические, то есть непригодные в качестве партнера для официального Петербурга.

⁹ Beauvois D. Walka o ziemię. 1863—1914. «Pogranicze», Sejny, 1996. S. 19—73.

¹⁰ Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. Київ, 1994. С. 221—277.

¹¹ Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 1. С. 276.

¹² Rudnytski I. *Essays in Modern Ukrainian History*. Edmonton, 1987. P. 197.

¹³ Один из эпизодов деятельности российских агентов в Галиции в начале 1870-х годов мне удалось проследить достаточно подробно. См. Miller A. *Panika Galicyjska 1772—1773*. // *Przegląd Polski*. 1988, N. 1. См. также Himka J.-P. *Hope in the Tsar: Displaced Naive Monarchism Among the Ukrainian Peasants of the Habsburg Empire* // *Russian History*. 1980. Vol. 7. Pts. 1—2.

¹⁴ Himka J.-P. *The Construction of Nationality in Galician Rus': Icarian Flights in Almost All Directions*. Доклад на 3 конгрессе МАУ (Харьков, август 1996). См. также: Himka J.-P. *Ukrainians, Russians, and Alexander Solzhenitsyn*. // *Cross Currents: A Yearbook of Central European Culture*. N. 11, 1992. P. 201—202.

¹⁵ Saunders D. *Russia's Ukrainian Dolicy (1847—1905): A Demographic Approach*. // *European History Quarterly*. Vol. 25 (1995). Nr. 2.

¹⁶ Подробно о необходимости преодолеть рамки колониального дискурса при описании русско-украинских отношений см.: Jane Burbank. «Historians of Russia and Ukraine, please, leap forward!»

Неопубликованный доклад на конференции «Peoples, Nations, Identities. Russian-Ukrainian Encounter» (Нью-Йорк, Колумбийский университет, ноябрь 1994). См. также статью А. Каппелера в этом томе.

¹⁷ Система наказаний и издевательств, которым подвергались непосредственно во французской школе ученики, сказавшие хоть слово на *patois*, повергла бы в ужас большинство российских преподавателей. См.: Reece J. E. *The Bretons against France. Ethnic minority nationalism in twentieth-century Brittany*. Chapel Hill, 1977. P. 30—32.

¹⁸ Foote I. *The St. Petersburg Censorship Committee, 1828—1905*. Oxford Slavonic Papers. 1991. N 24. P. 94.

¹⁹ Balmuth D. *Censorship in Russia, 1865—1905*. Washington, 1979. P. 215.

²⁰ См.: Weber E. *Peasants into Frenchmen*. P. 300.

²¹ См. статью М. фон Харена в этом томе.

²² Подробнее см. Andriewsky O. *The Politics of National Identity: The Ukrainian Question in Russia, 1904—1912*. Ph. D. dissertation. Harvard, 1991. P. 85.

²³ См. книги Даниеля Бовуа, последнюю из которых он представляет в этом сборнике. Beauvois D. *La bataille de la terre en Ukraine 1863—1914*, Lille, P.U.L., 1994. P. 346 (на польском: *Walka o ziemię. 1863—1914. «Pogranicze»*, Sejny, 1996; *Idem. Lumières et Société en Europe de l'Est*. Lille—Paris, 1977. N. 912., 2 тома; на польском языке: *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1801—1832*. Rzym—Lublin, 1991, 2 тома; *Idem. Le Noble, le Serf et le Revizor 1831—1863*, Paris, 1984. P. 365; на польском языке: *Polacy na Ukrainie 1831—1863*, Paryż, 1987. S. 294.

²⁴ Weber E. *Peasants into Frenchmen*. P. X.

²⁵ См. также: Smouth T. C. *A Century of the Scottish People, 1830—1950*. London, 1988, о том, как шотландцы сами сопротивлялись попыткам националистов в конце XIX в. ввести преподавание на гэльском вместо английского, потому что сознавали, какие преимущества давало владение английским языком.

²⁶ Guthrie S. *The Popular Base of Ukrainian Nationalism in 1917*. // *Slavic Review*. 1979. Nr. 1.

²⁷ Впоследствии важное значение для формирования национальной идентичности имело то обстоятельство, что массовая рекрутация украинского крестьянина в город Советской властью совпала или следовала непосредственно после десятилетней политики коренизации и кампании по ликвидации безграмотности, проводившейся на украинском. Напомню, что во Франции закон, впервые разрешивший факультативное преподавание в школе местных языков, был принят в 1951 г.

²⁸ Beauvois D. *Walka o ziemię. 1863—1914*. S. 281.

²⁹ Szporluk R. *Dlaczego upadają Imperia. (Cesarstwo Rosyjskie i Związek Radziecki)* // *Eurazja*. 1996, N. 2. S. 70—71. Полный английский текст статьи см. в: Dawisha K., Parrott B. *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective* (в печати).

Остап Середа

МІСЦЕ РОСІЇ В ДИСКУСІЯХ ЩОДО НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ ГАЛИЦЬКИХ УКРАЇНЦІВ У 1860—1867 РОКАХ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ПРЕСИ)

Образ Росії як сусідньої країни відігравав одну з першопланових ролей у процесі формування національної ідентичності українського («руського»¹) населення Галичини у середині та в другій половині ХІХ століття. У зв'язку з цим цікаво прослідкувати за змінами у ставленні до Росії протягом порівняно невеликого відтинку часу, коли, — в умовах певної політичної нестабільності та «конституційних експериментів» у монархії Габсбургів, — дискусії щодо національної приналежності галицьких українців («русинів») загострилися та вийшли на політичну арену. Період цей цікавий також і тим, що у самій Росії активізувалося обговорення справи розвитку окремої української національної культури.

Під час революції 1848—1849 років, а тоді на початку 60-х років ХІХ ст. український рух у Галичині набував політичних форм, однак питання вибору напрямку розвитку своєї літературної мови і власної національної ідентичності залишалося відкритим. Порівняно найменше сумнівів у «будителів» Галицької Русі викликало відмежування від польського національного руху (на етнічному, конфесійному ґрунті, чи навіть з почуття лояльності до монархії Габсбургів); хоча саме дискусії навколо того, чи українці в Галичині можуть становити окрему від поляків націю, а отже, чи Галичина має бути поділена на дві провінції за національною ознакою, мали найбільше політичне значення у цей час². Для власного національного самоозначення вживалися назви «Русь», «руський», «русини», а також, як синоніми до них, — «Мала Русь», «малоруський», «малоруси» («малорусини», «малороси»).

Протягом 60-х років ХІХ ст. остаточно викристалізувалися принципово відмінні національні програми. Дотепер дослідниками використовується схема, за якою боротьба йшла між угрупованнями молодих «народовців» («українофілів») та старших віком «москвофілів» («русофілів»), що відповідно відстоювали українську або російську національну ідею. Обом цим течіям передувала дещо аморфна гру-

па консервативних «старорусинів» або «святоюрців», чиї національні ідеали не були явно задекларовані, але які згодом підтримали москвофілів у боротьбі з народовцями³.

Для вивчення даного питання найдоступнішим і надзвичайно багатим джерелом інформації є численні тогочасні громадсько-культурні, наукові та політичні часописи, що з'явилися завдяки новим ліберальним свободам⁴. Відповідно до усталеного поділу класифікується і галицька українська преса того часу (як ми побачимо далі, дещо схематично). Так, вважається, що найбільш популярна газета «Слово» (під редакцією Богдана Дідицького), яка почала виходити у січні 1861 року, спершу приховано, а з серпня 1866 року відверто проповідувала москвофільські погляди, а «молодіжні» часописи «Вечерниці» (1862—1863) та «Мета» (1863—1865) опонували їй, розвиваючи українську національну ідею. Відповідно відрізнялися і їх позиції у ставленні до Росії.

Названі часописи не вичерпують переліку українських періодичних видань у тогочасній Галичині, але саме вони найбільше спричинилися до формування національно-політичних програм. Так, від часу заснування «Слово» (виходило тиражем 1500 примірників⁵) намагалася бути головною політичною трибуною усіх галицьких русинів, тому його дописувачі могли стояти на різних ідейних засадах. З другого боку, від перших днів «Слово» було дуже заангажоване у запеклу полеміку з польськими газетами в Галичині (такими як «Dziennik Polski», «Gazeta Narodowa»). Щоб не послаблювати своїх позицій, автори «Слова» дотримувалися одностайності у найбільш важливих питаннях, часто використовуючи дипломатичну мову натяків і прихованих погроз. Позиція «Слова» щодо Росії було, мабуть, найгострішим питанням у цій дискусії.

За логікою багатьох польських діячів, на політичній сцені старого протистояння двох «історичних» націй — польської та російської — не було місця для третьої, тому українських «будителів», що претендували на окремішність від поляків, відразу зачисляли до протилежного табору. Національний рух галицьких русинів розглядався як пряма загроза польським історичним національним інтересам, виплекана руками Відня та/або Москви. У 60-х роках XIX ст. польські політики намагалися прихилити симпатії Відня до себе, звинувачуючи цей рух в русофільстві та «рублефільстві». Австрійська поліція уважно слідкувала за діяльністю російських громадян у Галичині, підозрюючи їх у веденні російської пропаганди серед слов'янських народів імперії. Підозра падала і на українських вчених з Росії (наприклад, Олександра Потебню), котрі заходили у редакцію «Слова», перебуваючи у Львові⁶.

Щодо цих звинувачень «Слово» займало досить послідовне становище протягом перших п'яти років свого існування. На сторінках газети у 1861—1866 роках постійно декларувалася національна окремішність «малорусів» від «великорусів» («ми були і будемо Русинами, і не станемося Москалями, як не сталися ними Мало-Русини на Україні»⁷) та лояльність до віденського двору.

Але можливість орієнтації на Росію надавала в очах деяких авторів «Слова» реальної ваги їх протистоянню з поляками. Невідомий автор у березні 1861 року радив «чесним Полякам» — «движеніє мало-руское щиро і всім сердцем підкріпляти, щоби ... до совокупленія Мало-Русинів с Велико-Руссами в одноє великанськое, 50 000 000 голов числящее єдинство не допустити, котрое огромом своїм не іно над Поляками, но і над всею Словянщиною непровержимую перевагу держало би»⁸.

Загалом «Слово» на перших порах не заглиблювалося в аналіз внутрішніх політичних чи економічних відносин в Росії і обмежувалося до коротких повідомлень з хроніки політичного чи культурного життя. На сторінках газети досить спорадично появлявся змальований у світлих тонах образ «промислительного, трудолюбного, забігливого Москаля»⁹.

Відкидаючи звинувачення у національно-політичному москвофільстві, деякі автори «Слова» водночас відверто писали про необхідність мовно-культурного зближення з росіянами при створенні власної літературної мови та високої культури. Так, відомий галицький письменник о. Микола Устиянович вважав у цей час, що «... язык, которым пишет Москва, есть развитый с чистого русского корня, же Украинські писатели с политических причин нуждаются ... свой язык безуспешно отлучить от письменного московского». Далі Устиянович висловлював аргументи, які часто використовувалися у дискусіях з народовцями: «писатели російські пишут языком не московским, но языком в Малой Руси развившимся; бо первий, что тим языком от Нестора писати стали, были Мало-Русини... Не ми от Россіян берем, а тільки Россіяне от нас взяли, а если ми тот, что наше, отбираем і то без процентов, кто ж нам то може взяти за зле?»¹⁰ «Слово» постійно дотримувалося етимологічного правопису, щоб підкреслити історичну близькість «малоруської» і «великоруської» мов.

Молода народовецька преса значно більше наголошувала на національно-культурній окремішності українців від росіян. Як писав сучасник, поруч з окликом «ми не Поляки!», народовці демонстративно проголосили «ми теж і не Москалі!»¹¹ Якщо у «Слові» в 1861—1862 рр. образ Росії з'являвся здебільшого у контексті українсько-

польського протистояння у Галичині, то народовецький часопис «Вечерниці», що почав виходити у лютому 1862 року, зосередив увагу саме на українсько-російських мовно-культурних відносинах. У першій передовій статті «Вечерниці» писали про Росію у нейтрально-позитивному тоні, як про «велико-руську сестрицю», яка своїм пишним та буйним ростом затінює «малоруську галузь» на дереві слов'янських народів¹². Надалі група «вечерничників» (Федір Заревич, Ксенофонт Климкович, Володимир Шашкевич та інші) намагалася переконати «деяких галицько-руських писателів.., [які] потягають за велико-руським язиком» (таких, як М. Устиянович), що мова Малої Русі «від польщини і московщини зарівно далеко; а приближеньє его [«язика»] до одної або до другої природним способом статися не може. Як світ світом не поплине Дніпро ні по-під Москву, ні по-під Варшаву, а плистиме до віку тільки попри свій ріднісенький Київ!»¹³ На думку народовців, свою літературну мову треба було творити на основі «живого, народного слова». Однак розпочинати цей процес не було потреби, адже за російсько-австрійським кордоном вже були створені класичні твори української літератури. Тому більшість народовців вважала, що «... понеже у нас в Галичині нема ще виробленого літературного стиля, і без уйми вспільному малоруському слову такий стиль у нас окремішно вироблятися не може, то слідує нам безумовно приймати наш письменний язик з України»¹⁴.

Події 1863 року — Січневе польське повстання в Російській імперії та Валуєвський циркуляр — значно посилили інтерес галицької преси до Росії. Тепер львівське «Слово» уважніше приглядалося до внутрішньої ідейної боротьби в Росії. Оскільки деякі впливові петербурзькі часописи (як «польнолюбивий» «Современник» ще у 1861 р.¹⁵ та «Северная Пчела») скритикували політичну лінію «Слова» і загалом галицьких русинів щодо поляків, то більші надії покладалися на підтримку з боку слов'янофільських кіл у Москві. На сторінках «Слова» змальовувалася така яскрава картина: «Петербургская голова вскружилась страшно от чумных испарений чудских болот; руки и ноги ея, розслаблены польскою хираргою і подагрою... лиш только ретивое сердце матушки Москвы, заботясь о своей будущности, еще сильно б'ється»¹⁶. В іншій статті з того ж часу анонімний автор, вражений пропольською орієнтацією ліберально-демократичних російських часописів, закликав: «Смотри вся Галицкая Русь, як кичливый Лях ліберального Москаля надувает...»¹⁷

У цей же час, протягом 1862—1863 років, на особисте запрошення Дідицького до «Слова» надіслав чотирнадцять дописів з Полтави Олександр Кониський. Вони детально інформували галичан про розви-

ток українського руху в Російській імперії, суспільне життя в Україні, зокрема скасування кріпацтва, і містили ряд випадів проти російського уряду і російського чиновництва. Мабуть, саме ці статті стали причиною арешту та заслання Конієвського у січні 1863 року¹⁸.

Урядові обмеження українського слова в Росії у червні 1863 року вплинули і на політичну орієнтацію «Слова». Валуєвський циркуляр примушував зайняти послідовну позицію у питанні українсько-російських стосунків, які різко політизувалися. Реакцією «Слова» був перехід на більш проукраїнські позиції. Вже наприкінці серпня з'явилася редакційна стаття під промовистим заголовком «Борьба Малой Руси с централизмом Московским»¹⁹. У статті знову присутній образ «матушки Москви», але на цей раз значно негативніший, як головне вогнище російського централізму.

Правдоподібно, Олександр Конієвському належало також звернення до галичан за допомогою, яке у листопаді 1863 року з'явилося у «Слові» за підписом «Українця»²⁰. У відповідь редакція заявила про намір стати «органом цілої Малої Руси»²¹. Інформація про «біду Малої Руси» справді схвилювала галицьку громадськість, навіть діячів старшого покоління. На якийсь момент молоді народовці здобули політичне лідерство. В одному з наступних номерів «Слово» повідомляло про вечір, на якому «читал один наш молодий правник допись з України... і вся руска публіка слухала сей жалостний вопль закордонской братії с видимим глубоким сочувствием». На думку редакції, така політика Росії завдавала шкоди дружбі народів Слов'янщини²². Далі проголошувалося: «поступаніє Москви супротив подчиненному ей малорусскому племені безпощадно осуждается всюди і всіми, кто лише має честь бути Русином»²³.

У такому ж дусі були витримані ряд редакційних статей, що з'явилися у «Слові» в 1863—1865 роках. Тепер «Слово» сподівалося вже не на московських слов'янофілів, а на прихід до влади «істинно-ліберального сторонництва в Петербургу» — «тогда есть і надія, що також природні права взглядно языка і словесности братньої України, дотепер так упорно заперечаємі московським сторонництвом Каткова, не будуть надалі непризнавані малорусському народу із стороны росс. правительства»²⁴. З почуття певної політичної вищості, як лояльні австрійські громадяни, автори «Слова» висловлювали надію на розвиток конституціоналізму у «варварській» Росії та з осудом писали про «безвзглядність, централізацію і желізную, відстрашающую від себе строгість» у російському політичному житті²⁵.

Така позиція «Слова» не подобалася деяким читачам в Росії. Київський філософ Сильвестр Гогоцький у листі до професора

Львівського університету Якова Головацького в серпні 1863 року з обуренням запитував: «Желал бы я наконец знать, чего хочет достигнуть Дедицкий, делая выходы против России и особенно центральной?.. Мне кажется, что львовское «Слово» делает большие ошибки: ... пролагает путь у себя какой-то Украине, слушаясь различных К[ули]шей...»²⁶.

Явна політика національного утиску українців в Росії викликала ще сильніші антиросійські почування у молодій народовецької громади: «Нинішня Росія єсть для Русі таким самим нещастем, як колись Польша»²⁷, — стверджував один з дописувачів до нового народовецького часопису «Мета», який після закриття петербурзької «Основи» намагався стати загальним політичним органом нового українського руху. В «Меті» постійно з'являлися друком літературні та наукові твори з Східної України, зокрема Пантелеймона Куліша, Василя Білозерського, Олександра Кониського, польських «хлопоманів» Павлина Свенціцького, Льва Сирочинського та інших, а також інформативні дописи, які представляли похмуру картину переслідування українського руху.

У 1863—1865 рр. з-під пера молодого галицького публіциста, редактора «Меті» Ксенофонта Климковича вийшла серія політичних статей, в яких програма мовно-культурної незалежності від росіян була перенесена і в політичну сферу. Климкович заперечував можливість побудови єдиної слов'янської нації, намагався протистояти поширенню російського панславізму²⁸. Найреальнішу перспективу для українського руху Климкович вбачав у створенні на основі тогочасної Австрійської імперії федерації народів, що населяли простір між Німеччиною і Росією. Створення такої федерації дозволило б Австрії у майбутньому «сопернувати з Росією о посланничество в Слав'янщині». В децю завуальованій формі Климкович висловлював побажання, щоб з часом усі українські землі (так само як польські, румунські та південнослов'янські) увійшли до складу цієї федерації²⁹.

У декількох статтях він зробив також аналіз розвитку політичних процесів у самій Росії, щоб довести марність будь-яких надій на справедливую федеративну перебудову імперії Романових. Зокрема, Климкович відкинув як нереальний відомий революційний проект демократичної слов'янської федерації за участю Росії, який заманіфестувала група «Молода Росія», бо вважав, що російський народ сам по собі достатньо сильний, щоб домінувати в імперії і тому не зацікавлений у федеративному ладі. Певні політичні зміни у Росії — передбачав Климкович — зможуть настати лише під зовнішнім тиском³⁰.

В публіцистиці Климковича був представлений образ середньовічного за устроєм, ворожого Україні царського режиму. Однак

Климкович стояв на ліберально-демократичних позиціях і не переходив у площину етнічної русофобії. Це проявилось, зокрема, в його оцінці расових теорій Францішка Духінського³¹. Ідеї Духінського про те, що між «індоевропейською» Руссю (спорідненою з Польщею) і «туранською» Московією лежить расовий кордон, а отже остання загрожує європейській цивілізації і не є слов'янською за своїм походженням, — користувалися великою популярністю у тогочасній польській публіцистиці. Коментуючи подібні публікації, Климкович зауважив, що «русини, боронячи самостайність своєї мови, не потребують сягати по такі розпачливі докази, що буцім московський язик — не слав'янський; досить того, що він єсть окремішний від руського, так само як польський». Самі аргументи Духінського не переконали Климковича, і на підставі мови він усе таки зачисляв «московську народність» до «слов'янського товариства»³². В іншій статті Климкович писав, що молоді російські ліберали Бакунін і Герцен негативно ставляться до панування Росії над сусідніми народами, тоді як польські демократичні і аристократичні кола однаково вороже наставлені до українців, а тому росіяни стоять вище від поляків³³. — Проте не усі публікації у «Меті» були такими ж коректними щодо Росії. Деякі статті були наповнені романтичними символами національно-визвольної боротьби. Дописувач з України передбачав, що «наші степи будуть великим бойовищем, наші славні могили будуть свідками, де підпишеться рішення: чи бути московсько-слав'янській, централізованій, невольничій імперії — чи великій федерації, братній, слав'янській...»³⁴. «Мета», подібно до польської періодики, побоювалася, що Росія хоче приєднати до себе Галичину і готувала читачів до можливої боротьби з російськими військами.

Хоча «Мета» виходила значно меншим тиражем ніж «Слово» (400—500 примірників³⁵), їй вдалося стати альтернативним до «Слова» українським політичним часописом в Галичині. У мовно-культурній ділянці «Мета» продовжувала лінію «Вечерниць», різко виступала проти «літературного панрусизму» і дотримувалася фонетичного правопису Куліша, який сильніше від етимологічного розмежовував українську і російську мови. Ця правописна революція викликала несприйняття у старшого покоління галичан, особливо священиків, які вважали, що «Мета» є небезпечним революційним органом.

Опонент «Меті» Дідицький далі послідовно дотримувався етимологічного правопису. Будучи, з одного боку, «іскреннім малоросом», регулярно буваючи на панахидах по Тарасові Шевченкові у Львові, він, з другого боку, не сприймав нових засад модерної української культури. Мабуть, можемо говорити про «малоруську» іден-

тичність Дідицького та більшості тогочасних освічених галицьких українців як про перехідну, нескристалізовану форму національної ідентичності, на підставі якої могла розвинутиися новочасна українська або ж російська національна ідея.

Наприкінці 1865 року «Мета» перестала виходити з фінансових причин. Редактор Климкович, не маючи засобів до існування, виїхав зі Львова на село. Завершилися невдачею спроби видавати народовецькі часописи «Ниву» та «Русалку».

Падіння народовецької преси в Галичині співпало в часі з новими змінами політичного клімату в монархії Габсбургів — відставкою кабінету Шмерлінга та вересневим патентом 1865 року про перебудову монархії на федеративних засадах — що дуже стурбували галицько-руських політиків. Польсько-українські дискусії в Сеймі, де українці становили менше третини, ще більше загострилися, а надії на підтримку Відня не справджувалися. Більшість польських депутатів (за винятком краківських консерваторів) зайняли винятково несприятливу позицію щодо українців³⁶. У 1866 році перспективи польського автономічного правління у Галичині стали ще більш реальні, особливо після призначення графа Агенора Голуховського намісником Галичини (зрештою, у другій половині 60-тих років XIX століття провідні польські політики змогли порозумітися в Віднем та домогтися колонізації урядових та освітньо-культурних інституцій у Галичині).

«Слово» далі запевнювало новий віденський уряд у своїй повній лояльності, з останніх сил сподіваючись на обіцяний колись поділ Галичини на дві — польську і руську — провінції, на те, що «Австрія не схоче не вислухати виразу мній рускої меншости в галицком соймі; Австрія не понизить Русинів до предмета іграшки фєвдалів польських»³⁷, на те, що уряд закрий Сейм і знову запровадить в Галичині стан облоги, щоб врегулювати польсько-українські відносини.

З другого боку, «Слово» стало дотримуватись більш проросійської орієнтації, пояснюючи це тим, що до цього підштовхують самі польські політики. Після промов графа Александра Борковського у Сеймі (який передбачав русифікацію галицьких русинів у випадку, якщо вони відокремляться від польської нації³⁸) «Слово» з певною зловтіхою писало: «перед зачатієм Сойма билисьмо Малороссіяне, а в теченії Сойма доказал нам орган більшості соймовой, «Газета народова» et consortes, що ми Москалі...» Автор допису іронічно радів тому, що «хотяй нас пани-полони Москалями зділали, то і тим нам не повредили, но нас возвисшили, укріпили, до більшого значення привели...»³⁹. На поширення проросійських настроїв серед частини галиць-

ких русинів великий вплив мало і те, що після Січневого повстання російський уряд відверто діяв проти польської шляхти на Правобережній Україні. При сприянні «Слова» багато галицьких священників та вчителів виїхали на службу до Російської імперії, зокрема на Холмщину⁴⁰.

Думка про те, що політична орієнтація на Росію надійно захистить галицьких русинів від усіх небажаних політичних змін, а отже і від польської домінації у Галичині, очевидно, остаточно перемогла у редакції «Слова» після поразки Австрії під Садовою. У новій програмній статті «Погляд в будучність» (8 серпня 1866 року) о. Іван Наумович заявляв про етнографічну, історичну, мовну, літературну та обрядову єдність Галицької Русі «со всем русским миром» і натякав на можливе приєднання Галичини до Росії (при цьому далі запевняючи австрійського імператора у непорушній вірності)⁴¹. У такий спосіб «Слово» несподівано для багатьох задекларувало те, від чого воно по-слідовно відхрещувалося протягом попередніх п'яти років свого існування⁴². Цього ж року вийшла друком брошура Дідицького «В один час научиться Малорусину по великорусски», де стверджувалося, що на Русі «один русский язык, а на етом языке два выговора: малорусский и великорусский».

Відтепер «Слово» називало галицьких русинів «настоящими русскими» (додавши друге «с»), з його сторінок зникли статті на підтримку українського руху в Росії, натомість з'явилося ще більше передруків з російських видань, головним чином слов'янофільської орієнтації. Великі неприховані надії покладалися на те, що «Россия вся еще в будущем, не только относительно внутреннего развития, но и внешнего своего политического роста и значения. Предоставляя полную свободу национальному объединению Германии и Италии, она призвана довершить и свое национальное объединение и объединение славянских племен». У слов'янофільському дусі духовна сила і покликання Росії протиставлялися Заходу⁴³. В травні-червні 1867 року четверо галичан взяли участь у Слов'янському з'їзді в Москві, а львівське «Слово» почало отримало фінансову допомогу від російських панславистів⁴⁴.

Загалом перехід «Слова» від австрославізму до російського панславізму не був винятковим явищем у Габсбурзькій монархії. Перед загрозою впровадження дуалістичного устрою багато національних провідників слов'янських народів в імперії (крім поляків) співпрацювали з російськими слов'янофілами. Розчарування політикою Відня проявлялося навіть у галицькому селі. Частина українського селянства переносила свою наївно-монархічну лояльність з австрійського

цесаря на російського царя. За тогочасними свідченнями, селяни очікували на прихід російського царя, котрий забере землю в поміщиків, роздасть її всім задурно та визволить від влади поляків, німців і євреїв. Очевидно, що це «москвофільство» мало насамперед соціальну мотивацію і не лежало у національно-політичній площині⁴⁵.

До середини 80-х років XIX століття москвофіли утримували провідні позиції у галицько-руському таборі. Водночас вже з 1867 року народовці відновили випуск своїх насописів («Правда», «Русь»), а з 1868 року (шляхом створення товариства «Просвіта») розпочали активну діяльність серед селянства. Їх росту сприяло також й те, що москвофільська інтелігенція не була однорідною. У 1869 році народовець Анатоль Вахнянин поруч з «кацапами з сознаниєм» виділяв більшу групу «кацапів без сознання» та «превелико число» тих, що «суть за народним язиком, та тільки не за «кулішівкою» [фонетичним правописом]»⁴⁶.

На перший погляд, угруповання «свідомих» москвофілів на чолі з Дідицьким у 1866 році цілковито сприйняло російську національну ідею. Однак, на нашу думку, навіть їх позицію доречніше класифікувати як «малоруську», бо маючи на меті «одну-єдину Русь», «вспільно-руську культуру-літературу», вони усе таки залишалися патріотами «Малої Русі», шанувальниками її історії та особливої мовної традиції, народної вимови, застерігали право на «полную автономію нашей малорусчини». Це яскраво проявилось наприкінці XIX століття, коли з середовища москвофілів виокремилися молоді «новокурсники», які зрікалися своїх «областных особенностей» та переходили на чисту російську літературну мову. Поява «нового курсу» викликала осуд 80-літнього Дідицького, який писав у 1907 році, що «ми, Галицька Русь..., наш природний, питомений малорусский виговор в бесіді ніяк і нізащо в світі не зміним»⁴⁷.

Як бачимо, українська галицька періодика з 60-х років XIX століття дає дослідникові надзвичайно широкий спектр оцінок та думок, що складали суперечливий образ сусідньої держави і нації. Цей образ відігравав важливу роль в процесі ідейного розмежування в Галичині. Як писав сучасник, «у всіх партій галицьких симпатія або антипатія до Росії, то одна із головних засад політичної програми, і коли одні від неї ждуть освободження народа із під тяжкого ярма домашніх ворогів, другі з відразою відвертаються від неї, добачаючи в ній тільки томительку усіх проявів народної і людської волі»⁴⁸. На сприйняття Росії впливала внутрішня ідейна боротьба в українському русі у Галичині, а також динамічний хід політичних подій у Австрійській та Російській імперіях. Зміни у ставленні до Росії були

реакцією як на погіршення російської урядової політики щодо українського руху, так і на загострення українсько-польських стосунків та на позицію Відня щодо національного конфлікту в Галичині.

Примітки

¹ У цій статті обидва етноніми (історичний і сучасний) вживаються як синоніми.

² У 1848 р. і ще в 1861 р. «досить було тільки кликнути: „ми не Поляки!“ щоб усіх, котрі ще як-небудь до руської народності признавалися, в одну когорту зібрати...» Кс.[енофонт] Кл.[имкович]: Руська народня партія і її політична ісповідь // *Мета*. 1865. № 1. С. 2. З технічних причин у цитатах не збережено тогочасного правопису.

³ Так трактується ідейна боротьба в Галичині в українській історіографії у працях, що були написані як у радянську, так і в пострадянську добу. Див. відповідний розділ у колективній монографії «Історичні передумови возз'єднання українських земель» (Київ, 1989), а також Кугутяк, Микола: Галичина: Сторінки історії. Івано-Франківськ, 1993. С. 48—57. Цю усталену концепцію переглянув канадський дослідник Пол Роберт Магочі (Magocsi P. R. *Old Ruthenianism and Rusophilism: A New Conceptual Framework for Analyzing National Ideologies in Late 19th Century Eastern Galicia* // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists*. Kiev, September 1983. Vol. II. — Columbus, Ohio, 1983. — P. 305—323). На його думку, від 1848 р. до 70-х років XIX століття найвпливовішою була староруська група, тобто «місцеві галицькі патріоти», «чия національна, політична і релігійна лояльність не поширювалися за кордони Австрійської імперії». Поважним завидом проти схеми Магочі є те, що у галицькій громадсько-політичній літературі важко знайти яке-небудь обґрунтування існування окремої щодо східних українців русинської нації. Див. також найновіші дослідження генези москвофільського руху в Галичині перед 60-ми роками XIX ст.: Турій О. Національні та політичні орієнтації греко-католицького духовенства в 1848—1859 рр. (до генези москвофільства) // *Матеріали засідань Історичної та Археографічної комісії НТШ у Львові* (лютий 1992 р. — жовтень 1993 р.). — Львів, 1994. С. 50—53.

⁴ Слід однак не забувати про застереження Еріка Гобсбаума, який наголошував, що спираючись на таке джерело, ми говоримо про погляди лише вузького прошарку провідників національного руху (про «погляд згори») і майже нічого не знаємо про те, як виглядав світ очима переважної частини населення, незалежної ще до політичного життя національної спільноти. Hobsbaum E. *Nations and Nationalism Since 1780*. New York, 1990. P. 10, 70—74.

⁵ Слово. 1861. Ч. 81. С. 407.

⁶ Лозинський І. У Львові, під наглядом поліції // *Жовтень*. 1987. № 12. С. 95—98.

⁷ Слово. 1861. Ч. 10. 25 лютого. С. 49. Те ж запевнення повторив у Галицькому Сеймі 12 квітня 1866 р. майбутній провідник москвофільського руху о. Іван Наумович: «Як не можемо бути Поляками, так не єсмо Великорусами, всегда билисьмо, есьмо і будемо Малорусами» (*Stenograficzne Sprawozdania z trzeciej sesyj Sejmu krajowego Krolewstwa Galicyi i Lodomeryi wraz z Wielkim Ksienstwem Krakowskiem w roku 1865—1866*. T. 2. S. 1478).

⁸ Слово. 1861. Ч. 17. 22 березня. С. 90. Цікаво, чи цей дописувач знав про розвиток подібних планів у деяких польських колах, бо у травні цього ж року молодий князь Адам Сапега будував плани співпраці польських аристократів руського походження зі «щирими Русинами» проти «святоюрців», а також і задля того, щоб нанести удар по Росії, православ'ю, а разом з ними і по Австрії (Biblioteka Czartoryskich w Krakowie: 5688 III. S. 349—350). За п'ять років, у липні 1866 р., граф Станіслав Тарновський на сторінках консервативного часопису «Przegląd Polski» майже повторював за дописувачем «Слова»: «Нам треба пильнувати, щоб не прихилилися [галицькі русини] до москалів, але радше, щоб стоячи на власному ґрунті, з нами разом боролися з царизмом і схизмою...» Див. Tarnowski, Stanisław: O sesji sejmowej z roku 1865—1866 // Przegląd Polski. 1866. Z. 1. S. 146—147.

⁹ Слово. 1861. Ч. 36. С. 211.

¹⁰ Слово. 1861. Ч. 6. 11 лютого. С. 27.

¹¹ Кс.[енофонт] Кл.[имкович]: Руська народня партія... С. 9.

¹² Вечерниці. 1862. Ч. 1. С. 1—2.

¹³ Вечерниці. 1862. Ч. 12. С. 93.

¹⁴ Вечерниці. 1862. Ч. 8. С. 61.

¹⁵ Пашаєва Н. М. Русские ученые и публицисты о национальном Возрождении в Галиции // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970. С. 315—317.

¹⁶ Слово. 1863. Ч. 15. 4 березня. С. 63.

¹⁷ Слово. 1863. 10 лютого. С. 37.

¹⁸ Студинський К. Зв'язки Олександра Кониського з Галичиною в рр. 1862—1866 // Записки Наукового Товариства імени Шевченка, том CL. Львів, 1929. С. 273.

¹⁹ Слово. 1863. Ч. 64. 26 серпня. С. 253—254.

²⁰ Дей О. І.: Словник українських псевдонімів та криптонімів (XVI—XX ст.). Київ, 1969. С. 372.

²¹ Слово. 1863. Ч. 85. 6 листопада. С. 335—336.

²² «Слово» ще декілька раз протиставляло ідею слов'янської братства анти-українській політиці Москви і по-своєму «ображалось» на короткозорий «лже-політичний еґоїзм» російського «братньослов'янського правительства» (Слово. 1865. Ч. 34. 13 травня. С. 3).

²³ Слово. 1863. Ч. 90. 25 листопада. С. 356—357.

²⁴ Слово. 1865. Ч. 9. 11 лютого. С. 1—2.

²⁵ Слово. 1865. Ч. 6. 1 лютого. С. 3; там же. 1866. Ч. 46. 23 червня. С. 2—3.

²⁶ Центральний Державний Історичний Архів України у Львові. Ф. 362. Опис 1. Спр. 114. Арк. 31—32.

²⁷ Мета. 1863. № 2. С. 176.

²⁸ Стеблій Ф. Слов'янська ідея в інтерпретації української публіцистики в Галичині 60—80-х рр. XIX ст. (за матеріалами народовської преси) // Другий міжнародний конгрес українців (Львів, 22—28 серпня 1993 р.). Доповіді і повідомлення. Історія. Частина 1. Львів, 1994. С. 199—208.

²⁹ Мета. 1865. № 4. С. 106.

³⁰ Мета. 1865. № 3—4. С. 66—70, 97—104.

³¹ Про життєвий шлях та ідеологію Францішка Духінського див. Rudnytsky, I. L. Franciszek Duchinski and His Impact on Ukrainian Political Thought // Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987. — P. 187—201.

³² Мета. 1865. № 1. С. 27; № 2. С. 49. Цікаво, що у тому ж 1865 р. Карл Маркс з захоплення відгукувався про теорії Духінського: «... Духінський довів серйозно, що великороси не є слов'янами... автентичні московити є монголи або фіни. Я хотів би, щоб Духінський був правим, і щоб цей погляд був панівним серед слов'ян» (лист К. Маркса до Ф. Енгельса, 24 червня 1865 р. Цит. за Rosdolsky

R. Engels and the «Nonhistoric» Peoples: The National Question in the Revolution of 1848. — Critique Books, 1986. P. 123). І Климкович, і Маркс у цей час були проти поширення російського панславізму, однак, як бачимо, діяч національного руху виявився об'єктивнішим від засновника наукового комунізму.

³³ Мета. 1863. № 1. С. 71—72.

³⁴ Мета. 1865. № 1. С. 25.

³⁵ «Молода Русь» в роках 1860—66 // Діло. 1892. Ч. 29. С. 2.

³⁶ Miller A. Galicia after the Ausgleich. Polish-Ruthenian Conflict and the Attempts of Reconciliation // CEU History Department Yearbook, 1993. Budapest, 1994. P. 138—140.

³⁷ Слово. — 1866. — Ч. 20. — 21 березня. — С. 1.

³⁸ Граф Алексаидер Борковскі з сеймової трибуни заявив, що Мала Русь «або залишиться коло родинного дерева [тобто буде частиною польської нації] і ... розділить з ним усе, що принесе майбутнє, або відірвавшись від родинного дерева з малих стануть великими цілковитими руссами («Russami»), і та прірва поглине їх без сліду. Нехай ніхто не мріє про інше майбутнє» (Stenograficzne Sprawozdania... Т. 1. S. 61).

³⁹ Слово. 1866. Ч. 24. 4 квітня. С. 2.

⁴⁰ Гординський Я. До історії культурного й політичного життя в Галичині у 60-тих рр. XIX в. Львів, 1917. С. 90—129.

⁴¹ Слово. 1866. Ч. 59. 8 серпня. С. 1—2.

⁴² «Часопись урядова для Русинів Австрійської держави» — віденський «Вістник», який дотримувався традиційної «малоруської» орієнтації, з острахом заперечив програму «Слова» і не міг надивуватися, же «Слово», котре то в своїх колумнах многократно о 15 мілліоновім рускім народі споминало, котре так часто против амальгамованю нашого племені с російским виступало — через ніч іншого єсть пересвідчення». Далі редактор «Вісника» помилково припустив, що ця стаття потрапила на сторінки газети у відсутність її редактора, бо «помянутое російское лизунство контрастує совершенно с прежнім поступаньем редактора «Слова» (Вістник. 1866. Ч. 32. 25 серпня. С. 125—126). Оскільки вже у грудні 1866 р. «Вістник» перестав виходити (що теж свідчило про нову урядову політику щодо українців в Галичині), ця дискусія завершилася на користь «Слова».

⁴³ Слово. 1867. Ч. 6. 2 лютого. С. 3.

⁴⁴ Tanty M. Panslawizm, carat, Polacy. Zjazd Slowianski w Moskwie 1867 roku. Warszawa, 1970. S. 117, 225, 232—233.

⁴⁵ Himka J.-P. Hope in the Tsar: Displaced Naive Monarchism Among the Ukrainian Peasants of the Habsburg Empire // Russian History. — 1980. — Vol. 7. Pts. 1—2. — P. 130, 137—138. Див. також Miller A. Panika galicyjska, 1872—1873 // Przegląd Historyczny. 1988. N. 1.

⁴⁶ Вахнянин А. Листи до Пантелеймона Куліша (1869 р.). Львів, 1908. С. 80—82.

⁴⁷ Дідицький Б. Своежиттєвії записки. Ч. 2. Львів, 1908. С. 65—66, 83.

⁴⁸ Терлецький О. Москвофіли й народовці в 70-их рр. Львів, 1902. С. 1.

Даниэль Бовуа

**«БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ
УКРАИНЕ С 1863 ПО 1914 ГОД»: НОВАЯ КНИГА
ОБ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКО-РУССКИХ
ОТНОШЕНИЯХ**

У историков-славистов на Западе вообще принято исследовать исторические вопросы с точки зрения страны, о которой говорится, поэтому получают польско-польские, чешско-чешские или украинско-украинские исследования. Чаще всего в рассмотрении всех проблем славянского мира преобладает русская точка зрения, поскольку русский язык является более распространенным языком. Однако в подлинном стремлении к открытым обществам в Центрально-Восточной Европе пора подумать об истории, в которой учитывались бы мнения и мировоззрения всех сторон, которая брала бы во внимание всевозможные способы для нового, более открытого подхода к каждой культуре¹.

Комплексный подход и непредвзятость во всех трактовках исторических вопросов — вот, по-моему, чем должен руководствоваться исследователь, чтобы избежать пристрастного суждения, присущего почти всем без исключения работам по национальным проблемам. Именно так и постарался поступить «посторонний француз» в своей книге, которая только что вышла из печати в Польше под заглавием: «Борьба за землю. 1863—1914»². Как и две предыдущие мои книги, она переведена с французского языка, причем польская версия несколько объемнее французской³. Она продолжает мои исследования о взаимоотношениях в политической, общественной и культурной областях различных этнических групп в трех губерниях юго-западного края царской империи, а именно: Волынской, Подольской и Киевской. Как известно, там сосуществовали, в основном, четыре группы населения: украинцы (самые многочисленные), евреи (вторая группа по количеству), поляки и русские, не считая относительно меньшие группы немецких и чешских колонистов.

До 1920 года влияние поляков в этом регионе было очень велико, но, к сожалению, этим вопросом никто никогда не занимался. Это — так называемое «белое пятно» в истории этой части Европы, равной по своим масштабам Швейцарии и Португалии вместе взятым.

Причины молчания историков очевидны. С советской стороны не рекомендовалось вспоминать о выброшенных и обездоленных польских помещиках, которые считались чужими эксплуататорами. С другой стороны, в царской, как и в советской, империи великорусский национализм считал Украину русской. С польской же стороны отсутствие контактов с Советским Союзом до 1939 года, а после 1945 цензура над всем тем, что напоминало о присутствии поляков на землях, где они проживали четыре века, препятствовали всякому изучению этого вопроса. Для украинцев и поляки, и русские были тунеядцами на их собственной земле. Поляки же чаще всего смотрели на русских как на угнетателей, на украинцев — как на бунтовщиков, на евреев — как на «пиявок». Хотя в то же время имеются попытки показать этот сложный этнический мир в идиллической окраске, что также не соответствует действительности. Я попытался рассмотреть эти конфликты изнутри, что, как мне кажется, позволяет, до известной степени, избежать предассудков.

Мои скромные знания польского, русского и украинского языков позволили мне познакомиться с различными источниками, в том числе архивными, и, следовательно, увидеть противоположные точки зрения на события и сделать, насколько это возможно, объективный анализ данной проблемы.

Книга, главным образом, опирается на царские архивы, рапорты и переписки генерал-губернаторов и губернаторов, полицейские отчеты, протоколы разных комиссий по крестьянским делам, документы дворянских собраний и Петербургской Герольдии. Все это написано по-русски. Другие источники написаны по-польски; мною просмотрены многочисленные воспоминания помещиков, либо уже изданные, либо в рукописях. Польская, русская и — в конце рассматриваемого периода — украинская печать предоставили очень ценные материалы, как и, конечно разные, хотя и односторонние, работы украинских, польских и русских историков.

Все проблемы, обсуждаемые на протяжении этих трехсот пятидесяти страниц, так или иначе связаны с землей.

Не подлежит сомнению, что структуры крестьянской и помещичьей собственности на Правобережной Украине, как и вековые традиции, резко отличались от русских.

В первой главе рассматривается земельный антагонизм между русскими и польскими помещиками. Речь идет о настоящей войне, которая скрыто организовывалась центральной властью, начиная с 1863 года, против польских помещиков. До тех пор они удерживали почти всю помещичью землю в своих руках, ибо, хотя эти губернии

были «присоединены» русскими в 1795 году, Петербургская Герольдия признала при Екатерине, а затем и в сороковых годах, при Бибикове, что дворянство неотделимо от помещичьей собственности и что высшая шляхта равна дворянству. Таким образом, накануне польского восстания 1863 года, около шести тысяч польских больших имений занимало большую площадь, чем наделы трех с половиной миллионов украинских крестьян. Число же русских помещиков не превышало там одной тысячи семей. На левом берегу Днепра их было, конечно, гораздо больше.

Первоначальные планы 1863—1864 годов предполагали вообще выбросить всех польских помещиков и лишить их земли в качестве коллективного возмездия за восстание, хотя на Украине оно не переросло в крупное движение. Эти планы исходили из Литвы, где Муравьев свирепо наказывал бунтовщиков. Однако земельные ограничения, введенные российской властью, были в начале довольно слабые. Указ 30-го июля 1863 года об обязательном выкупе наделов освобожденными украинскими крестьянами тоже проводился с небольшим ущербом для польских помещиков, т. к. определили размеры этих участков по правилам так называемых «Инвентариев 1847 года». Украинские крестьяне получили тогда обратно шестьсот тысяч десятин, отобранных у них после указа 1847 года, что увеличило общую площадь их земель до четырех миллионов десятин, но, несмотря на это, польские помещики не понесли серьезных убытков. Однако желание русского правительства заменить их русскими помещиками с целью обрусения края постоянно занимало умы в царском окружении.

Первым приступил к «бою» киевский генерал-губернатор Безак, повелевший в 1865 году конфисковать имущество всех польских землевладельцев, принявших участие в восстании двумя годами раньше. Таких нашли только сорок четыре человека. Этого было недостаточно. Безак, который возглавлял в Петербурге так называемую «Комиссию о поисках средств для водворения русского элемента в Западных губерниях», подготовил текст гораздо более эффективного указа: «О запрещении особам польского происхождения вновь приобретать новые земли в Западных губерниях» (10 декабря 1865 года). Это означало запрещение полякам всяких покупок и продаж земли между собой. Одновременно огромный специальный налог, равный 10% прибыли каждого польского поместья, был введен для того, чтобы быстро привести их к разорению и принудить хозяев к продаже земли русским.

Поляки, однако, в течение семидесяти лет научились обходить все указы и знали, что большинство царских чиновников — взяточники. Охота на разоренные польские поместья началась и дала серьез-

ные, но медленные результаты, тем более, что в 1870-х годах подъем социалистических движений напугал царскую власть, которая вынуждена была не так активно нападать на польское дворянство. Постепенно меры Безака доказали свою эффективность. Сам царь стал интересоваться ходом этой долгосрочной операции. Начиная с 1875 года губернаторы были обязаны посвящать значительную часть своих ежегодных отчетов успехам вынужденных переходов польского имущества в руки русских покупателей. Таким образом, постоянно вгрызаясь в помещичью землю, русские хотели «располячить» Украину, а особое внимание царя придавало этому действию характер национальной миссии.

Со стороны польских землевладельцев борьба тоже принимала «священный» характер. Польская газета «Край», созданная в 1881 году при участии капитала крупных польских помещиков на Украине, часто писала, что защита «польской земли» является долгом каждого и делом великого патриотического значения.

Александр II решил, впрочем, что земская система не будет распространена на Украину до тех пор, пока не будет равновесия в числе русских и польских поместий, и даже пока земля в руках русских не достигнет 2/3 всей помещичьей земли. Таким образом, Правобережная Украина была лишена земств вплоть до 1912 года.

Когда выяснилось, что польские помещики для защиты собственных земель нашли новые способы, и все чаще стали отдавать свои земли в очень длительную аренду, которая доходила до 99 лет, генерал-губернатор А. Р. Дрентельн попросил Александра III, чтобы он прекратил эти уловки (27 декабря 1884 года). Ему даже удалось создать «Комиссию по проверке злоупотреблений», которая могла действовать вопреки известному правовому положению: «закон обратной силы не имеет», т. е. аннулировать все уже подписанные ранее договоры. Этот указ ударил одновременно и по евреям, которые чаще всего, несмотря на запрещения 1863 и 1881 годов, арендовали землю не только у поляков, но и у русских.

В 1893 году генерал-губернатор А. П. Игнатъев достиг вершины антипольских земельных ограничений. Он, без полного разрешения царя, применил на Украине свои, так называемые «Добавочные правила к указу 10 декабря 1865 года», которые запретили польскому дворянству получать наследство иначе, чем между супругами или по прямой линии. Все другие наследства должны были перейти в русские руки.

На основании рапортов и донесений того же Игнатъева мне удалось составить ряд интересных таблиц и карт, которые сводят воеди-

но материалы, собранные мною в течение ряда лет. Из них явствует, что экономическая сила поляков в начале XX века была еще очень велика. Удалось уточнить число польских помещиков в каждой губернии и в каждом уезде; составить список всех семей, описать личное положение каждого землевладельца с площадью принадлежащей ему земли. Общее число имений упало до 3386, но в начале века еще представляло собой половину помещичьей земли в этой части Украины. Восемьсот имений превышало тысячу десятин, и семьдесят восемь процентов из них имело более ста десятин. При Николае II уже не было никаких перемен. Преследования прекратились.

Главное состоит в том, что хотя русским и удалось захватить в течение сорока лет почти половину украинской помещичьей земли, общее богатство оставшихся поляков весьма увеличилось. Цена земли в начале XX века в целом по империи повысилась на 615% по сравнению с ценой 1860 года. Значит те, которым удалось сохранить свои владения, стали гораздо богаче накануне первой мировой войны, чем в 1860 году. Отметим также, что, в отличие от остальной части империи, где «вишневые сады» продавались кому угодно, на Правобережной Украине группа польских помещиков осталась чисто дворянской, что, конечно, вызвало у членов этой группы сильнейшее чувство классовой солидарности.

Глава II, о польско-украинском земельном антагонизме, продолжает тему моей предыдущей книги, где я рассматриваю те же вопросы, но в период с 1830 по 1860 год. Однако в условиях пореформенного периода все изменилось. Следует отметить также, что до сих пор в историографии этот вопрос никогда не изучался ни с точки зрения этнических конфликтов, ни национальных противоречий. И даже в одной из самых важных монографий на эту тему Д. В. Пойды, что небезынтересно, написанной по-русски в советское время, эти сложные межнациональные вопросы обходятся молчанием. А как раз большинство этих проблем связано со сложившейся ситуацией в каждой национальной группе. Самым сильным образом дают о себе знать структуры, унаследованные от древней Речи Посполитой, о которых никто не хотел знать ни при царизме, ни при советском режиме. Допустим, что «земельный голод» у крестьян объяснялся прежде всего демографическими причинами. В течение тридцати лет число сыновей украинских крепостных крестьян удвоилось и достигло шести миллионов среди девяти миллионов населения. Это крестьянство все еще жило на тех же 4-х миллионах десятин, как в 1864 году, тогда как 7 тыс. русских и польских помещиков жили на шести с половиной миллионах десятин. Цифры говорят сами за себя. Но наряду с

этой вопиющей несправедливостью, главным источником постоянных столкновений с помещичьим миром являлись пережитки феодальной системы, а именно система «сервитутов». Это были участки помещичьей земли, которыми могли частично пользоваться крестьяне на основании давних польских прав. А эту землю помещики хотели взять обратно для себя, чтобы сдавать в аренду или самим обрабатывать. Унаследованное от Польши распределение, так называемая «чересполосица», при которой очень узкие и длинные крестьянские участки были зажаты помещичьими имениями, очень усложняло аграрные отношения, тем более, что не было никакого земельного кадастра. Здесь были возможны всякие незаконные захваты, а каждая попытка промерить поля казалась украинцам подозрительной.

Нельзя понять положение украинских крестьян, не учитывая русско-польское соперничество. С 1831 года, а тем более в 1863 году, это положение меняется по мере того, как царская власть нуждается в помощи польских помещиков для подавления бунтов, подстрекаемых членами «Земли и Воли», или же наоборот, нуждается в поддержке украинского народа, чтобы ограничивать польское влияние.

Один из самых важных вкладов этой части работы состоит, на мой взгляд, в том, что здесь широко используются неизданные мемуары польских помещиков, что позволяет четко определить их образ мышления, их отношение к крестьянскому миру. Они, по-видимому, рассчитывают на бесконечное укрепление патриархальности, говоря об украинцах как о «нашем народе», но одновременно они также боятся этого народа, как и русские чиновники. Эти последние восстанавливают телесные наказания, упраздненные в 1863 году, а помещики роют рвы или огораживаются частоколами, чтобы иметь некоторую защиту на случай крестьянских волнений. О тех пятидесяти процентах крестьян, у которых нет даже одной лошади, они выражаются как о диком табуне, который, как известно, действительно сорвется в 1905 году. В эти годы крупным землевладельцам пришлось призвать на помощь казаков, чтобы те стерегли помещичьи поля от бастующих украинских крестьян. Трудно найти более красноречивый образ, подчеркивающий безвыходное положение крестьян, которое неизбежно привело ко всеобщему пожару 1917 года.

Третья глава, пожалуй, самая оригинальная в том, что касается истории безземельной польской шляхты и вопроса о степени ее слияния с украинским народом. Я сам поверил в это слияние и написал в своей предыдущей книге, что безземельная шляхта, насчитывающая около 450 000 человек, лишенных Д. Г. Бибиковым дворянских прав в начале сороковых годов, осталась беспомощной, деклассиро-

ванной массой и растворилась в крестьянстве, забыв даже название «однодворцев», которое ей дала русская власть. Но я забыл указать, и ни один из моих рецензентов не заметил, что у этих бедных «однодворцев» оставалось, однако, одно, последнее, — и, как оказалось, очень важное для них преимущество, а именно: давнее польское право жить на помещичьих землях, на маленьких участках, которые они могли обрабатывать и где могли строить себе избу, оплачивая только очень скромный так называемый «чинш», который был меньше, чем крестьянский выкуп, и гораздо меньше, чем новая капиталистическая аренда. В этой взаимопомощи выражалась давняя солидарность между высшими и низшими слоями польской шляхты. Сложность состояла в том, что такой договор (сроком до девяноста девяти лет) часто заключался устно, только под честное слово. Защищая эту льготу, эта особая часть населения стала называться «чиншевиками». Она упорно подчеркивала свою историческую связь с богатой шляхтой и сама все еще продолжала считать себя шляхтой.

Такие отношения, конечно, уже не соответствовали новой капиталистической обстановке, и стали поводом для очень резкого конфликта между «чиншевиками», польскими помещиками и русскими покупателями польских имений. Собственно, драматическая судьба этих людей до сих пор не исследовалась. Д. П. Пойда не отделял ее от общих крестьянских вопросов. Но многочисленные архивные дела из Киева или Петербурга позволяют восстановить это отсутствующее звено в истории поляков на Украине от бибиковских времен до сталинской эпохи так называемого «мархлевского округа», созданного в 1925 году. Благодаря собранной богатой документации нам удалось показать, каким образом эта группа обедневшей шляхты, которой отнюдь не интересовалась реформа крестьянского права (только «чиншевики», которые после конфискации очутились на государственных землях, получили свои участки в 1867 году), стала, сразу же после отмены крепостного права и открытия свободного земельного рынка, огромным препятствием для крупных землевладельцев. Чересполосные поля и хаты «чиншевиков» не позволяли свободно располагать имениями как раз в то время, когда они были до зарезу нужны помещикам для продажи или сдачи в прибыльную аренду. На протяжении исследованного периода происходило выселение этих людей, о котором ясно не говорят ни польские, ни русские исследования. При помощи армии и русской полиции польские или русские помещики уничтожали целые деревни и поселки этой «чиншевой шляхты» и тем самым принуждали их жителей скитаться по украинским дорогам. Волынский и подольский губернаторы начали писать об этих

прискорбных фактах только в 1876 году, а царь Александр II отреагировал на это только в 1880 году, но официальный указ о прекращении этих изгнаний он подписал только шесть лет спустя, т. е. 9-го июня 1886 года. Но и этого было недостаточно. Стали тогда проверять «права» «чиншевиков»: подписывались ли договоры о найме земли до или после 1847 года (закон о так называемых «Инвентариях»). Но, как было сказано выше, большинство договоров были устными. Шляхтич шляхтичу доверял на слово. В этом случае только четвертая часть чиншевиков могла удержаться на месте, и то при условии, что согласится на повышение цены за наем до уровня рыночной аренды. Остальная масса посылала свои протесты губернаторам. Огромные папки этих раздирающих душу прошений, оставшихся без ответа, лежат еще в архивах неразобранные. Проблема была настолько тревожна, что еще в 1903—1904 годах министр Сипягин попробовал сослать целую группу в сорок три тысячи человек обедневшей шляхты Новгородского уезда Волынской губернии в Сибирь, но и это не удалось.

Довольно жалкое окончание дела этой обедневшей деклассированной шляхты пришлось на 1905—1906 годах, когда польская знать, наконец-то, отдала себе отчет, что она настолько малочисленна по сравнению с украинским народом, еврейским элементом и даже русскими, что во время выборов в Думу не имела почти шансов быть избранной. Тогда все польские помещики пожалели о недавнем отношении к своим «братьям» — безземельной шляхте, и, прикидываясь кающимися, стали призывать обездоленных людей к тому, чтобы те голосовали за них, что, естественно, не имело успеха. Зато пролетаризованная масса шляхты охотно приняла советскую власть в двадцатых годах, пока Сталин, в свою очередь, не выбросил ее в тридцатые годы в Казахстан.

Завершая это исследование об общественно-экономическом состоянии польского дворянства на Украине, я постарался рассмотреть в четвертой главе все дополнительные данные, могущие уточнить, на чем основывалось богатство «польских панов» в начале XX века; какими способами увеличивалась прибыль сохраненной ими земли, в том числе очень важную роль железных дорог, т. к. польский капитал принял особенно активное участие в «Юго-Западном обществе Железных дорог» и в построении узкоколеек, что значительно увеличило сбыт зерна и сахара. Хотя, как мы видели, нельзя было расширить посевные площади, однако новые методы обработки земли позволили в течение тридцати лет почти удвоить ее производительность. Начиная с 80-х годов, крупные польские помещики поняли, что они не смогут выстоять в этих политико-экономических распрях без не-

которого сотрудничества с новыми русскими помещиками, которые, в свою очередь, также понимали, что им не удастся устранить поляков так быстро, как им мечталось. Это сближение было более или менее искреннее, но одновременно диктовалось суровой социально-экономической реальностью. Потому-то польские фамилии так многочисленны в списках членов могучего «Киевского Сельскохозяйственного Общества». Валовая продукция пшеницы, ржи и свеклы росла с каждым новым десятилетием. Даже уменьшение вывоза зерна в 1892 году, когда Витте принял министерство финансов, не затормозило рост производства. Продукция шла во Францию, сбывалась на внутреннем рынке и, прежде всего, перерабатывалась в спирт. Поляки на Украине принадлежали к крупнейшим производителям спирта в стране. Они к тому же очень много получали с 1897 по 1914 год от государства, которое выкупило монополию на трактирную продажу алкоголя. Сахар лучше всего символизирует экономическую силу Правобережной Украины, где поляки владели шестьюдесятью заводами и еще участвовали в десяти акционерных обществах при общем числе 147 сахарных предприятий в 1914 году. Наконец, интенсивно выкорчевывались помещичьи леса, что позволяло иметь наличные деньги. Железные дороги и сахарная промышленность требовали все больше и больше дерева, поэтому леса в 1883 году стоили в 5 раз дороже, чем в 1860. Таким образом, ситуация приобрела парадоксальный характер: польская землевладельческая элита, к этому времени уже значительно поредевшая, несмотря на свою малочисленность, приобретает небывалую экономическую мощь, которой у нее никогда прежде не было. Все мемуары свидетельствуют о блеске ее образа жизни, о ее особенном складе ума. Каждая страница этих воспоминаний описывает роскошь усадеб, великолепие, тонкость, изящество этого мира; восхваляет его достоинства и свойства: привязанность к земле предков, к истории, к роду. Все это отливало в чувство культурного превосходства, смешанного со снисходительным, но далеко идущим приспособлением к царской действительности. Компромиссы этой аристократии всегда граничили с компрометацией.

Такой престиж в условиях, когда Российская империя всячески старалась его уменьшить, а огромное вражеское море украинского крестьянства не могло простить веков угнетения, не мог устоять без помощи нескольких сателлитов, благодаря которым можно было избежать непосредственных контактов с враждебным окружением. Поэтому книга кончается изучением этих вспомогательных групп, изображая таким образом, во всех деталях давно исчезнувший, но очень специфический польский мир на Украине.

Самыми приближенными из сателлитов богатых польских помещиков были бедные или разоренные, но утвержденные Герольдией в дворянстве польские шляхтичи, которые, благодаря этой принадлежности, имели право учиться и, таким образом, поставляли техническую интеллигенцию, в которой так нуждались крупные имения. Самые умные или ловкие могли таким образом восстановить часть блеска своих гербов и стать приказчиками или конторщиками. Им жилось очень неплохо. Но большинство этих образованных людей должны были довольствоваться менее доходными и престижными должностями бухгалтеров или техников. Все вместе они составляли группу около шестидесяти тысяч человек. Высокопоставленных служащих тянуло к помещичьему высшему обществу, других же к первым социал-демократическим профсоюзам.

Самые тяжелые работы на сахарных заводах или в полях нельзя было уже с прежней легкостью заставить выполнять украинских крестьян, которые знали свои права и все смелее требовали уважения. Дабы избежать этих постоянно ропщущих, беспокойных потенциальных бунтовщиков, польские помещики все чаще обращались к посредничеству еврейских вербовщиков, чтобы те поставляли им наемных рабочих со стороны — в основном из России и Белоруссии. Этот второй сателлит польского помещичьего мира был самым нищим и самым эксплуатируемым из всех.

Третьей группой, которая часто выручала польских землевладельцев и благодаря которой они могли не продавать своих земель русским, были довольно многочисленные, особенно в Волынской губернии, немецкие и чешские поселенцы, которых в 1914 году было около двухсот тысяч. Эти колонисты охотно брали землю в аренду даже за высокую цену, поэтому часто им отдавалась земля, отобранная у «чиншевой шляхты». Когда отношения с Германией и Австрией ухудшились, царская власть прекратила наплыв этих иностранцев в империю. Их судьба стала особенно тяжелой в начале первой мировой войны, во время наступления Брусилова.

Последней по численности, но не по весу группой, которая вращалась на польской, а также русской помещичьей орбите, были еврейские арендаторы. Их было 10 000 у польских, и примерно столько же у русских помещиков. Четверть помещичьих земель арендовалась ими. Почти все сделки с ними были неофициальными, что было очень прибыльно для помещиков и спасало их от принудительной продажи, на которую так рассчитывало русское правительство. Если, однако, прибавить эту небольшую, но влиятельную группу к огромной массе бедных евреев, которые жили в одном из 330 так называемых «помещичьих», т. е. находящихся на помещичьих землях, городов и

платили полякам квартирную плату, то становится понятнее, что связь еврейского населения с поляками казалась русским все еще сильной. Не подлежит, однако, сомнению, что несмотря на эти старые традиционные связи с поляками большинство евреев накануне первой мировой войны уже почти обрусело.

Как видно из моего краткого обзора, эта книга затрагивает много проблем, которым до сих пор не уделялось должного внимания. Все эти важные, но обойденные историками вопросы, тем не менее, время от времени будоражат наше общество, словно тень полузабытой Атлантиды. Совокупность этих противоречий показывает, насколько общественная жизнь на Украине была более сложной и запутанной, нежели простое противостояние идеальных эксплуатируемых масс и их угнетателей. Это свидетельствует о том, как много интересных документов можно найти в архивах, и как стоит пересмотреть всю тематику социальной истории; переломить молчание, навязанное нам политикой, и стараться выявить из семидесятилетних шаблонов целый ряд исторических фактов, которые смогли бы объяснить разные аспекты современной жизни. Такой подход позволяет, прежде всего, определить, как особенные условия прошлого оказывают влияние на образ жизни народов. В борьбе с ксенофобией или антисемитизмом нельзя игнорировать это прошлое. Если мы хотим понять привязанность украинского крестьянина к собственному участку земли, то необходимо понимать, что он связан с другой традицией, чем русская община. Если в духе цивилизованной терпимости хочется узнать, почему украинец желает сам решать собственную судьбу, то следует, прежде всего, обратиться к истории. Простой факт, что хозяевами на Правобережной Украине всегда были пришлые со стороны, позволяет понять, что украинец вправе сказать, что «всяк хозяин в своем доме».

Примечания

¹ Впрочем, совершенно очевидно, что серьезное изучение языков является одной из главных проблем для добросовестных историков не только на Западе.

² Daniel Beauvois. *La bataille de la terre en Ukraine 1863—1914*, Lille, P. U. L., 1994. С. 346. На польском: «Walka o ziemię. 1863—1914». «Pogranicze», Sejny, 1996.

³ Daniel Beauvois, *Lumières et Société en Europe de l'Est*. Lille—Paris, 1977. С. 912. 2 тома; на польском языке: *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1801—1832*. Rzym—Lublin, 1991. 2 тома. Daniel Beauvois. *Le Noble, le Serf et le Revizor 1831—1863*. Paris, 1984 г. С. 365; на польском языке: *Polacy na Ukrainie 1831—1863*, Paryż, 1987. С. 294.

Марк фон Хаген

РУССКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Какими бы ни были отношения России и Украины, русских и украинцев в XIX веке, эти отношения претерпели кардинальную трансформацию в ходе более общих взаимосвязанных структурных изменений, происходивших в начале XX века, а именно революции 1905 г., первой мировой войны, последовавших за крахом старого режима революций и гражданской войны, а также сталинской революции «сверху» в конце 1920 гг. «Узкая» задача этой статьи — рассмотреть, как украинское и русское национальное и имперское движение вступили в тесное, динамичное взаимодействие, и как те, кто идентифицировал себя с русским или украинским движением, определяли себя и своих оппонентов в ходе этого взаимодействия и конфронтации. Моя более широкая цель состоит в том, чтобы определить место этих специфических отношений в общей трансформации политической жизни, ставшей результатом упомянутых событий. События эти были тесно связаны с длительным кризисом легитимности старого режима, с кризисом, который не был преодолен с приходом к власти большевиков, а просуществовал, по крайней мере, до середины 1930-х, а возможно, и до послевоенного времени¹.

Кризис легитимности был прежде всего политическим кризисом, который возник в результате перемещения суверенитета от самодержца к политическому сообществу, а затем, по мере консолидации Советской власти, которая унаследовала риторику и институты народного суверенитета, к авторитарной партии-государству. В ходе этого кризиса легитимности произошли изменения принципов структурирования имперского общества. Традиционные династические, конфессиональные и сословные принципы и категории уступили место классовым и национальным, которые возникли в трещинах старого режима под заметным влиянием зарубежных, прежде всего европейских, идеологий и социальных движений, а именно социализма и национализма². В период после Великих реформ модернизаторская бюрократия стала воспринимать себя как хранителя легитимности режима, что предполагало уменьшение роли самого автократа. Эти взгляды на государство были переработаны либеральными политиками и теоретиками, которые начали серьезные дискуссии о необходимости и способах создания политической нации.

Революция 1905 г. обозначила начало процесса формирования политической нации, предполагавшего перемещение суверенитета, а также формирования политических партий, включая те, которые претендовали на массовость. Это ставило их в более «современную» систему координат нации и класса, даже если сами они пытались быть выше этих барьеров, как, например, кадеты³. Период между 1905 г. и войной принес множество воображаемых альтернатив старому режиму, организованных согласно новым принципам класса и национальности, федерализма и различных пан-движений (панславизм, пантюркизм, панисламизм, сионизм). В то же время относительно позднее пришествие массовой политики и особенности национализма в Российской империи привели к тому, что Леопольд Хаимеон охарактеризовал — хотя и в другом контексте, вне связи с этническими проблемами — как глубокий кризис самих политических партий, которые не могли создать для себя стабильную социальную базу в условиях крайне неопределенных социальных и национальных идентичностей⁴.

Тем не менее, эти события еще не изменили слишком сильно характер политики поздней империи в вопросе об идентичности. Эта политика позволяла, за некоторыми важными исключениями, национальным общинам сочетать приверженность местным языкам, культурам и даже институтам со стоящей поверх местных различий лояльностью царю и империи. Бюрократы из балтийских немцев, еврейские купцы, татарские муллы, даже русофильски настроенные украинские публицисты составляли космополитическую элиту, лояльность которой была адресована стоявшим поверх национальных различий самодержцу и государству. Имперская администрация весьма последовательно игнорировала этнические категории в своих официальных документах, отдавая предпочтение традиционным конфессиональным и сословным критериям⁵. Интересно, что более «современные» этнические категории использовались военными статистиками, которые составляли карты для школ Генштаба, но это было исключение, причем секретное⁶. Несмотря на тенденцию двух последних царствований к созданию более «русского» образа самодержавия⁷ и разнообразные меры в образовании, церковной и местной администрации, получившие названия «русификации»⁸, Ханс Роггер прав, когда считает, что русский национализм был проблемой для бюрократов, воспринимавших все формы панславизма и русского национализма как вызов династическому принципу космополитичного государства и как препятствие для их осторожной внешней политики⁹.

Осознанные или нет, эти усилия бюрократии с целью дистанцироваться от политики, основанной на национальном принципе, пережили революцию 1905 г. и выборы в первые две Думы, но после

смены политического курса в июле 1907 г. при Столыпине интересы, все более понимаемые как национальные, стали играть определяющую роль в имперской политике. Иными словами, влиятельная часть государственного аппарата решила укрепить свою власть через обращение прежде всего к национальному принципу¹⁰. Часть бюрократии и православной церковной иерархии поддерживала русские националистические организации¹¹, наиболее заметной из которых был Союз Русского Народа, популярный в юго-западном крае¹², то есть на землях, которые будет оспаривать украинское национальное движение.

Тем не менее, несмотря на все достижения, русская националистическая правая была по-прежнему ограничена возникавшими правилами «гражданского общества» и легалистскими претензиями квази-полу-конституционной монархии. Пол Бушкович считает, что русские националисты накануне краха старого режима все еще отставали по сравнению со своими аналогами в Западной и Центральной Европе, где более воинственная и шовинистическая политика становилась нормой еще до начала первой мировой войны¹³. Джеффри Брукс считает, что русская литература также предлагала более терпимое и космополитичное отношение к нерусским, особенно по сравнению с американской и британской художественной литературой того времени¹⁴. Я придерживаюсь несколько менее благожелательного взгляда на межэтнические отношения в империи накануне войны. Политика русификации в религии, образовании и культуре, начатая в царствование Александра III, вызвала к жизни движения протеста, которые выражали себя на языке национальных и религиозных требований, и, что еще более серьезно, после первоначальных уступок 1905—1906 гг. Столыпинские реформы вновь ущемляли интересы многих нерусских сообществ. Поэтому я считаю, что война безусловно усилила многие уже существовавшие в общественной и политической жизни империи конфликты. В то же время, надо признать, что принесенные войной изменения в отношениях между народами империи носили качественный характер.

Первая мировая война стала водоразделом в отношениях русских с нерусскими и между самими нерусскими. Я имею в виду не только собственно войну, но также характер режимов, ведших ее (особенно Австро-Венгерскую и Российскую многонациональные империи), характер военных действий и политику этих режимов в военное время (мобилизацию людских ресурсов, пропаганду военного времени, оккупационную и эвакуационную политику, даже помощь беженцам). Что касается самого характера войны, в которой Россия противостояла трем могущественным соседям с запада и юга, то ни одна другая война со времен наполеоновской не вовлекала напрямую столь

больших масс людей и столь обширных территорий, не приводила к столь масштабным перемещениям населения, разрушениям и оккупации плотно населенных областей империи¹⁵.

Политические события большой войны преобразили предвоенную ситуацию. Следствием войны стала интернационализация и милитаризация этнической политики Российской империи. То же самое, хотя и иначе, произошло с Габсбургской и Османской империями. Следствием политики военного времени стало сужение возможностей выбора для многих сообществ и увеличение цены, которую приходилось платить за наличие или выбор «неправильной» национальной идентичности. Внутри самих имперских элит политика военного времени и вторжение войны в прежние конфликты усилили поляризацию по национальным линиям. В результате произошла политизация этнических различий и привнесение этнического и национального элемента во многие в других обстоятельствах не национальные политические, экономические и социальные конфликты. Сторонники более воинственного и шовинистического русского национализма теперь определяли тон политических дискуссий и проведение военной политики. Наиболее ясно это проявлялось в условиях военного положения, установленного и на всех оккупированных территориях, и в широкой тыловой полосе, непосредственно прилегавшей к линии фронта¹⁶. Оккупационная и эвакуационная политика военного времени была по этническим сообществам во имя национальной безопасности и стратегических задач освобождения территорий, которые объявлялись законной собственностью Российской империи. Именно политика режима беспечно внедрила идеи национального освобождения в имперскую армию, поскольку характер мобилизации, пропаганды и развертывания способствовал усилению национального принципа социальной организации. Оккупационная политика режима сломала грань между гражданским и военным миром, а также между Австрийской и Российской империями. Оккупационные власти выслали сотни тысяч граждан с территорий западного пограничья, то есть из тех регионов, которые имели более всего опыта современной национальной политики, во внутренние провинции империи, способствуя, в частности, тесным контактам галицийских поляков, евреев и украинцев с украинцами Российской империи. В конечном счете, как это ни парадоксально, именно российский режим и русские националистические организации сделали национализм возможным в 1917 г. в значительно большей степени, чем австрийцы и немцы, которых обычно в этом обвиняли. Однако этот урок не был усвоен новыми элитами, которые получили власть как Временное правительство в 1917 г.

Более того, политика военного времени имела в качестве экономических и социальных последствий резкий подрыв позиций многих традиционных элит, особенно тех, которые были наиболее тесно связаны со старым режимом и его политическими структурами, а именно дворянства. Я считаю, что война сыграла роль стимулятора экономической модернизации, причем с более революционными последствиями, чем реформы Витте и Столыпина, разрушив те мешавшие модернизации социальные структуры, которые, хотя и были ослаблены отменой крепостного права, но продолжали цепляться за власть. Многие ученые, например, согласны с тем, что тяжелые потери в первые два года войны привели к демократизации офицерского корпуса и других структур, что подорвало вес и влияние дворянства и других традиционных элит. Когда Временное правительство отменило чины и сословия в феврале 1917 г., оно признало уже свершившиеся факты¹⁷.

Но война принесла значительно больше, чем демографический переворот. Будучи в фокусе национального внимания, война стала испытанием для социальных привилегий, особенно для привилегий старого режима. Война сопровождалась патриотическими призывами к национальному самопожертвованию, и потому любые освобождения от воинской службы стали источником раздражения для тех, кто воевал, и для тех, чьи близкие были на фронте. Способность самодержавия вести войну становилась испытанием для его легитимности, когда, например, либерал Милюков обвинял царя и его окружение в предательстве или глупости после военных поражений. Это наложение понятий патриотизма, национальной безопасности и национальных сообществ привело к возникновению настоящей мании насчет предательства и скрытых врагов. Все стороны в национальных спорах искали германских и турецких «агентов» и «шпионов», которых винили во всех бедствиях, преследовавших режим¹⁸.

По мере того, как традиционные основы идентичности, подобные сословиям, теряли значение, а легитимность самодержавия отвергалась даже его наиболее консервативными и лояльными слугами, в политике усиливался акцент, с одной стороны, на национальный и этнический, а с другой, на классовый фактор. То, что Эрнест Геллнер считает необходимым условием успешной революции, а именно наложение социального и национального фактора¹⁹, произошло в 1917 г., когда новые элиты стали создавать условия выхода из старого режима. Хотя эти элиты были отчасти готовы к выдвижению «социального вопроса» на первое место в политической повестке дня, параллельное обострение «национального вопроса» застало их врасплох²⁰. В соответствии со своими либеральными и социалистическими убеждениями, новое правительство ожидало, что национальный вопрос будет

временно решен после того, как оно отменит всякую дискриминацию, основанную на национальности или религии, и объявит полное равенство граждан вне зависимости от религии, расы или национальности²¹.

Временное правительство и Петроградский Совет призвали «общество» к самоорганизации для защиты революции и сразу же начали назначать «своих» людей как комиссаров на местах, создавая тем самым властные структуры, альтернативные по отношению к местной и муниципальной администрации старого режима²². «Общество» ответило организацией советов и исполнительных комитетов, которые должны были координировать деятельность уже существовавших и вновь создаваемых организаций. Но как только общий враг в лице самодержавия исчез со сцены, поразительно нестрые политические интересы начали борьбу за поддержку избирателей. Например, Центральная Рада соперничала с многонациональными Исполнительным Комитетом Совета объединенных общественных организаций и Киевским Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Каждая из этих организаций санкционировала создание нескольких новых собраний, каждое из которых проводило на местах собственную политику. Таким образом, соперничество, возникшее между киевской Радой и двойной властью в Петрограде, воспроизводилось практически на всех более низких уровнях новых властных структур. Соперничество это концентрировалось вокруг принципов и времени введения автономии в постсамодержавной России. Эта борьба воспроизводилась и в имперской армии, где лозунг украинизации был одним из многих призывов измотанных войной солдат к созданию частей, основанных на территориальном и национальном принципе — от украинцев до сибиряков и евреев. Несмотря на сопротивление влиятельной части командования и офицерского корпуса, политика «национализации» армии прокатилась по империи и повсюду вызвала конфликты с «русским» большинством²³.

Эти конфликты формировались и, в свою очередь, участвовали в формировании национальной и националистической политики по всей империи. Война с Центральными державами стала фокусом политической борьбы и трансформировала понятия патриотизма и особенно русской идентичности среди прежних имперских элит, а также, и это остается до сих пор мало исследованным, среди неэлитных слоев, особенно среди солдат. Тема предательства, которая уже мобилизовала патриотические чувства в первые годы войны, особенно в связи с боязнью «немецкого засилия» при дворе, теперь сместилась в своем фокусе в сторону страхов по поводу сепаратного мира, на который могла пойти новая «революционная» власть, и угрозы распада империи. Ожидание предательства во многом сформировало мировоззре-

ние движений, которые станут позднее известны как «белые». Эти движения создали свои прото-государства на окраинах империи в противостоянии не только большевикам, но и другим «не-русским» прото-государствам, прежде всего реинкарнациям украинского государства, которые, начиная с Центральной Рады, претендовали на власть над «историческими украинскими землями»²⁴.

Тем временем национальное самоопределение получило международную санкцию в ходе осознанного соревнования советских (по преимуществу ленинских) идей национального самоопределения с либеральными, демократическими вильсоновскими идеалами, а также в результате отчаянных усилий послеимперских прото-государств, в том числе и украинских, получить официальное представительство и поддержку своим требованиям независимости на Версальской мирной конференции. «Открытая ситуация», сложившаяся в результате поражения в войне нескольких многонациональных империй, вызвала волну государствообразования по всему евразийскому континенту, и не только там²⁵.

ЭВОЛЮЦИЯ УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ПОЛИТИКИ ПОСЛЕ 1917 ГОДА

Провозглашение новых государств, в том числе и Советского, не «решило» проблему кризиса старого режима ни в 1917 г., ни в течение гражданской войны. Конечно, элиты на самом верху сменились, были провозглашены и предписаны новые политические принципы, но легитимность новых режимов повсюду оставалась острой проблемой, как и устойчивость других элементов структурного кризиса. В ходе гражданской войны большевистский режим в своей конфронтации с государственной властью был вынужден приспособить к реальности свои догматы и научиться непривычным техникам управления. Сами Советы почти незаметно превратились из института народной политики и антиэтатизма в новую форму этатистской идеологии, первым выражением которой стала диктатура пролетариата с едва заметными «остатками» народовласти²⁶.

Гражданская война, на которую безусловно можно посмотреть, как на русско-украинскую, русско-польскую и польско-украинскую войну, стала продолжением патриотической проверки социальной и патриотической поддержки возникающих новых режимов. Везде «отечество» объявлялось в опасности²⁷, и те, кто не откликнулся на призыв защищать его, причислялись к смертельным врагам, а тем, кто служил, были обещаны власть и привилегированный статус в будущем послевоенном устройстве. На окраинах большевики представляли свои

военные и политические амбиции как борьбу за «национальное освобождение» от марионеточных иностранных режимов, будь то поддерживаемые Антантой белые или поддерживаемые Германией Рада и гетманат. Хотя Ленин (и не только он) время от времени критиковал некоторых ближайших соратников или целые группы в партии за их великорусский шовинизм, взаимоотношения большевиков с русскими националистическими идеологиями и движениями, в том числе экстремистскими партиями, возникшими накануне и в течение 1917 г., до сих пор остаются малоизученными²⁸. Многие большевики нерусского происхождения не без оснований обвиняли своих товарищей в том, что они прячут русские и имперские взгляды за интернационалистской риторикой. Есть основания полагать, что этнически русские рабочие и сельские колонисты в Туркестане или Украине, например, могли воспринимать политический конфликт в этнических и национальных категориях. Многие из них так и делали²⁹.

Некоторое время класс и национальность оставались фундаментальными принципами нового норядка, но они воспринимались как конфликтующие между собой. Партия-государство, воспринимавшая свое марксистское наследие, как бы она его ни интерпретировала, все-речь, безусловно отдавала предпочтение классу. Классовый принцип освящался прото-идеологией (диктатура пролетариата) нового прото-государства и определением государственных институтов как рабоче-крестьянских (например, Рабоче-Крестьянская Красная Армия), а также основополагающими гражданскими документами, которые оперировали дискриминационными положениями в отношении членов старых элит имперского общества и давали привилегии прежним «лишенцам»³⁰. Национальный принцип освящался в провозглашенной федеративной структуре, но со значительными исключениями и с очевидными противоречиями. Например, СССР определенно и сознательно воспринимался как неэтническая формула, в то время как более ранние административные единицы (Российская СФСР, Белорусская и Украинская ССР, Закавказская СФР) отражали конфликт между территориальным и этническим пониманием политики. Конечно, национальность была институционализована в политике национального строительства 20-х годов (коренизация). Это снова не касалось русских, хотя можно утверждать, что и русские были недоразвиты как политическая нация, а прежде всего украинцев. Категории переписи 1926 г. также институционализировали это принятие национальности как инструмента властвования, а с введением паспортов во время первой пятилетки и класс, и национальность были официально объявлены конституирующими элементами идентичности для всех советских граждан³¹.

Однако параллельно этим процессам развивались и другие тенденции, которым предстояло изменить место и роль класса и национальности в советском обществе. По мере того, как государственные институты и элиты обретали уверенность в своей власти и легитимности, новые лояльность и идентичности начинали вытеснять класс и национальность. «Советская» идентичность и преданность партии насаждались НКВД, советским идеологическим аппаратом, складывавшимися системами наград и продвижения по службе, что помогало новым элитам упрочить их власть. Класс и национальность не были устранены из идейного багажа, формировавшего идентичности, но они были переосмыслены таким образом, чтобы воспроизводить сложную систему лояльностей предвоенного имперского общества, включая сознательно космополитичную (или интернационалистскую) элиту и вновь воспроизводимые локальные и региональные идентичности и лояльности. В качестве примера, иллюстрирующего общую тенденцию, можно привести кампанию по упрочению легитимности Красной Армии в 20-е годы. Комиссары, служившие представителями нового режима и надсмотрщиками за офицерским корпусом, были характерны для раннего большевистского недоверия по отношению к государству и старым элитам. К середине 20-х командование Красной Армии почувствовало себя достаточно уверенно для того, чтобы понизить статус комиссаров и поднять статус офицеров, признавая тем самым необходимость определенного уровня профессионализма для управления современным государством³². Штурм различных бюрократических структур в период «культурной революции» временно повернул вспять этот процесс постепенного укрепления легитимности и власти, но последующая первая пятилетка привела к колоссальному росту государственного аппарата, продолжавшемуся и в 30-е годы. Дальнейшие меры по консолидации новых элит (или «нового клвсса») были предприняты в середине 30-х, с тем чтобы снова быть отброшенными назад Большим Террором и последующими репрессиями.

Новые и разросшиеся центральные институты узурпировали все больше и больше власти у республиканских и более низкого уровня местных административных органов силовыми (и убийственными) мерами. Рост бюрократии сопровождался жестоким натиском на деревню в форме коллективизации и голода, демографические результаты которого катастрофически ослабили несколько «нарождающихся наций», в особенности Украину и Казахстан. Идеологическое и административное преследование нерусских культурных и интеллектуальных элит в конце 20-х и начале 30-х годов стало частью перестройки «патриотических» ценностей, заблокировавшей тенденцию к более широкой культурной автономии, столь характерной, например,

для украинизации. Эта кампания совпала, наконец, с возобновившимся преследованием народной и институционализированной религии и особенно с массовыми арестами и другими репрессиями против духовенства, которые уничтожали еще один элемент локальных элит, сохранявший этническую и национальную идентичность³³. Похоже, что те части элиты, которые выступали против компромиссного характера нэповской смешанной экономики, во многом совпадали с теми, кто выступал против политики украинизации. Так или иначе, конец нэна принес с собой изменения, которые безусловно сократили возможности нерусских национальных элит контролировать политические процессы в их республиках. Поскольку большинство нерусских наций в 20-е годы оставались в огромной части крестьянскими (украинцы могут служить хорошим примером), большевистская политика в отношении крестьян имела — сознательно или нет — по крайней мере временное денационализирующее влияние³⁴.

Принятие Советской конституции 1936 г. официально зафиксировало постепенное снижение значения классовых маркеров после Великого перелома, отменив классовые квоты и признав ведущую роль советской интеллигенции, под именем которой скрывался растущий управленческий слой бюрократии³⁵. Исчезновение в начале 30-х из отирытой пены статистических данных о национальностях, несмотря на сохранение графы о национальности в советских паспортах, означало окончание эксперимента по национальному строительству без какого либо формального и публичного отказа от этого принципа. Предпочтительные — в категориях политической власти — идентичности советских граждан были вновь увязаны с государственными институтами, которые все больше осознавали себя как многонациональную элиту с амбициями великой державы. Эта трансформация в 30-х годах получила развитие в официальной реабилитации определенной версии имперского прошлого. Она, возможно, была поставлена под сомнение в первые годы войны, но позднее, в послевоенный период, война использовалась для переформулирования русской и украинской идентичностей в советском контексте русской культурной доминации³⁶.

По мере того, как сталинское государство упрочивало свой контроль над все более широкими общественными слоями, элиты концентрировались на реставрации авторитарных моделей и риторики и на ожесточенном осуждении десятилетия официальной терпимости и даже поощрения антибюрократизма, молодежной и пролетарской «контр-культур» с их радикальным эгалитаризмом³⁷. 30-е годы были периодом фиксирования новых иерархий и границ, часто с использованием языка и символов старого режима и смеси с элементами

революционного «канона». Лев Троцкий оплакивал, а Николай Тимашев описал то, что оба они понимали как «великое отступление»³⁸, что в целом означало установление более четких границ. В классовых категориях 30-е годы усилили доминацию слоя бюрократов-управленцев в политике, экономике и культуре, что сопровождалось получением ими целого арсенала привилегий и особого доступа к материальным благам и высокому социальному статусу. В категориях пола они принесли реставрацию элементов традиционной патриархальной семьи и мужских-женских ролей при помощи ограничительных законов об абортах, разводах, гомосексуализме и об отмене совместного обучения. Наконец в национальной политике главенство русской культуры над культурами других советских народов утвердилось в образовании, культурной и кадровой политике. Повсюду антииерархический дух 20-х уступил место попыткам поставить людей «на место», особенно в отношении к государственным институтам.

Что касается динамики собственно русско-украинских отношений, политика сталинского режима выглядит противоречивой и непоследовательной. С одной стороны, террор голодом и государственное насилие против украинских элит ослабило любые украинские инициативы и политическую самостоятельность республики. С другой стороны, аннексия в конце 30-х Восточной Польши или Западной Украины была осуществлена под флагом воссоединения Украины и «воплощения давних чаяний народа». Она была осуществлена под аккомпанемент неприкрытой ирредентистской риторики, которая стала неотъемлемой частью повестки дня Коминтерна с 1928 г. Процесс аннексии региона и интеграции его населения в украинскую советскую нацию мало исследован, но краткий период до немецкого вторжения не дал возможности для сколько-нибудь серьезного развития новых идентичностей в советском контексте. Амир Винер нарисовал захватывающую картину формирования советской украинской идентичности в ходе «освободительной борьбы» и сведения пост-коллаборационистских счетов на Украине³⁹. После короткого военного и еще более короткого послевоенного периода, когда выражение украинской идентичности и патриотизма было возможно, сталинское государство вновь установило отношения господства и подчинения, а также более или менее жесткую региональную идентичность, своего рода советскую версию малорусской лояльности в Российской империи.

Замечу в заключение, что, если оставить в стороне вопрос о том, как идентифицировать население в советском контексте, отношения между русской и украинской идентичностями, между русскими и украинцами находились в центре более масштабных процессов формирования и деформирования государства, соперничества между раз-

личными государствами, в центре позднеимперской и сталинской политики и экономического развития, важных изменений имперской и советской идеологии. Изучение этих отношений бросает свет на более общие процессы в государстве и обществе в первой половине XX в. Национальность, этничность и классовая идентичность выступали на первый план в периоды кризиса государственности и подпитывались интернациональными идеологиями, в особенности различными вариантами марксизма, доктринами национального самоопределения и национализма вообще. Они усиливались сознательной политикой государства и ее непреднамеренными последствиями. С усилением централизованного государства границы идентичностей были прочерчены заново и более жестко, а иерархия нации, класса и пола была перестроена.

Примечания

¹ См. замечания Моше Левина о сталинизме как о *demesure*, как о постоянном условии воспроизводимого государством кризиса, когда реакция на кризис ведет лишь к возникновению новых кризисов. Lewin M. *The Making of the Soviet System*. N. Y., 1994. P. 26—29.

² См. обсуждение сословной, классовой и социальной идентичностей в: Freeze G. L. «The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History» // *American Historical Review*. 1986. N. 91. P. 11—36; Haimson L. «The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia» // *Slavic Review* (Spring 1988) N. 47. P. 1—21.

³ См. Emmons T. *The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia*. Cambridge, Mass. 1983; Rosenberg W. G. *Liberals in the Russian Revolution: the Constitutional Democratic Party, 1917—1921*. Princeton, 1974.

⁴ Haimson L. «The Problem...» Я добавил к тезису Хаимсона о категориях класса и сословия конфессиональное и этническое измерение. Разумеется, что класс и этничность функционируют по-разному, иногда вступая в противоречие между собой, а иногда взаимоусиливаясь. См. об этом: Suny R. G. *Rethinking Social Identities: «Class and Nationality»* в кн.: *The Revenge of the Past*. Stanford, 1993.

⁵ См., например, формулярные списки.

⁶ Золотарев А. М. *Записки военной статистики России*. Том 1. Теория статистики... СПб., 1885.

⁷ Wortman R. «Moscow and Petersburg: the Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881—1914» в кн.: Wilentz S. (ed.) *Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics Since the Middle Ages*. Philadelphia, 1985.

⁸ См. Thaden Ed. (ed.) *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914*. Princeton, 1981; Kappeler A. *Russland als Vielvoelkerreich: Einstellung, Geschichte, und Zerfall*. Munich, 1992. Глава 6.

⁹ Rogger H. *Nationalism and the State: A Russian Dilemma* // *Comparative Studies in Society and History*. 4. 1961—1962. См. также о «радикализирующем» влиянии русских националистов, особенно Каткова и Победоносцева, во время, например, русско-турецкой войны 1877—1878 гг.: Geyer D. *Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860—1914*. New Haven, Yale, 1987. Part I.

¹⁰ Роберта Маннинг указала на «дворянскую реакцию», оформившуюся в это время, и блокировавшую многие запланированные бюрократами реформы. Однако эти защитники старого режима и сословных привилегий могли найти гораздо больше общего с этим режимом, когда их «русские» и «православные» сословные интересы совпадали со столыпинской националистической политикой в западных окраинах империи. (Manning R. *The Crisis of the Old Regime in Russia: Gentry and Government*. Princeton, 1972.) О других аспектах позднеимперской политики см.: Hosking G. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907—1914*. Cambridge, 1973.

¹¹ См., например, мемуары архиепископа Евлогия («Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной». Париж, 1947) о его кампании в связи с разделом Холмщины.

¹² Edelman R. *Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution: The Nationalist Party, 1907—1914*. Rutgers University Press, 1980.

¹³ «Что есть Россия? Русское национальное сознание и государство, 1500—1917» — неопубликованный доклад на конференции в Нью-Йорке в ноябре 1994 г.

¹⁴ См. Brooks J. *When Russia Learned to Read*. Princeton, 1985. Ch.6.

¹⁵ Леонид Херетц (L. Heretz) напоминает нам, что война была также «наиболее мощным вторжением модернизированного внешнего мира в традиционную крестьянскую культуру». (Ph. D dissertation, Harvard University, 199).

¹⁶ Graf D. *Military Rule Behind the Russian Front, 1914—1917: The Political Ramification*. // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. Band 22 (1974). Heft 3. D. 390ff.

¹⁷ В своем исследовании участия России в первой мировой войне Норман Стоун также отмечает, что война привела к административной и экономической модернизации старого режима. (Stone N. *The Eastern Front, 1914—1917*. London and Sydney, 1975.)

¹⁸ О немцах Российской империи см.: Fleischhauer I. *Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft*. Hamburg, 1986, D. 479—522; о евреях см.: Löwe H.-D. *Antisemitismus und reaktionäre Utopie: Russischer Konservatismus im Kampf gegen den Wandel von Staat und Gesellschaft, 1890—1917*. Hamburg, 1978.

¹⁹ Геллнер развивает эту тему в своей критике работ Мирослава Гроха в статье «Альтернативное видение» в кн.: *Encounters with Nationalism*. Oxford, 1994, особенно С. 196—198. См. также работу Геллнера «Пришествие национализма. Мифы нации и класса» *Путь*, 1992. № 1.

²⁰ См., например, мемуары И. И. Церетели «Воспоминания о февральской революции». Париж, Гаага, 1963. Том 2, С. 69—161; Троцкий Л. *Моя жизнь*. Берлин, 1930. С. 63.

²¹ Ключевые документы Временного правительства по национальной политике см. в: R. P. Browder and A. F. Kerensky (eds.) *The Russian Provisional Government 1917*. Stanford, Cal., 1961. Vol. 1. P. 317—472; Диманштейн С. М. (ред.) *Революция и национальный вопрос*. М., 1930. Т. 3.

²² Daniel T. Orlovsky. *Reform During Revolution: Governing the Provinces in 1917* в кн.: R. Crummey (ed.) *Reform in Russian and East European History*. University of Illinois Press, 1989).

²³ Я занимаюсь сейчас исследованием национальной политики в имперской армии, но многие ключевые для 1917 г. проблемы уже исследованы в книгах: Френкин М. С. *Русская армия и революция 1917—1918*. Мюнхен, 1978; Wildman A. *The End of the Russian Imperial Army*. Princeton University Press, 1980, 1987.

²⁴ Procyk A. *Russian Nationalism and Ukraine: The Nationality Policy of the Volunteer Army during the Civil War*. Edmonton and Toronto, 1995.

²⁵ См.: Eley G. *Remapping the Nation: War, Revolutionary Upheaval and State Formation in Eastern Europe, 1914—1923* в кн.: Potychny P. and Aster H. (eds.) *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective*. Edmonton, 1988; Idem. *War and the Twentieth-Century State*. Daedalus 124:2 (Spring 1995). P. 155—174.

²⁶ Нейл Хардинг проследил трансформацию большевистского политического идеала от Парижской Коммуны к тому, что он назвал «органическим трудовым государством» диктатуры пролетариата. См.: Harding N. *Socialism, Society, and the Organic Labour State* в кн.: N. Harding (ed.) *The State in Socialist Society*. Albany, 1984. P. 1—50. Об остатках народовластия и никогда до конца не исчезнувшем конфликте между народовластием и бюрократическим принципом см. мемуарное эссе Александра Зиновьева «Нашей юности полет». Континент, 1983. С. 176—206.

²⁷ См. ленинский декрет «Социалистическое отечество в опасности!» от 21 февраля 1918 г. в кн.: Декреты Советской Власти. Т. 1. М., 1957. С. 490—491. Аналогичные прокламации издавались Петлюрой, Скоропадским, белыми.

²⁸ Михаил Агурский, вероятно, больше отталкивает, чем привлекает читателя своими исходными гипотезами и научными методами, однако он собрал большой объем прежде разрозненной информации на эту тему. (Agursky M. *The Third Rome: National Bolshevism in the USSR*. Boulder, 1987.) У Роберта Такера и Моше Левина также есть косвенные замечания о смешении русского национализма и большевизма в политической культуре сталинского времени. См. их статьи в кн.: Tucker R. (ed.) *Stalinism: Essays in Interpretation*. N. Y., 1977.

²⁹ Об эволюции большевистских идей во время и после Гражданской войны см. Graziosi A. G. L. *Piatakov (1890—1937): A Mirror of Soviet History*. // *Harvard Ukrainian Studies* XVI: 1/2 (June 1992). P. 102—166.

³⁰ Kimerling E. *Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918—1936*. // *Russian Review* 41:1 (1982). P. 24—46.

³¹ См.: Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism*. // *Slavic Review* 53:2 (Summer 1994), P. 414—452; Suny R. G. *State-Building and Nation-Making: the Soviet Experience* в кн.: *The Revenge of the Past*. Ch. 3.

³² См. von Hagen M. *Soldiers of the Proletarian Dictatorship*. Cornell, 1990.

³³ См.: Simon G. *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union*. Westview, 1991. Ch. 2—6.

³⁴ Элвин Гулднер, обсуждая аграрную политику Советского государства, называет ее «внутренним колониализмом». К сожалению, он не касается в своей работе этнических сообществ.

Gouldner A. W. *Stalinism: A Study of Internal Colonialism*. // *Telos* 3 (Winter 1977—78). P. 5—48.

³⁵ Шейла Фитцпатрик видит начало «заката класса» в решениях периода первой пятилетки о выдвиженцах и о преимущественном доступе к образовательным возможностям. (Fitzpatrick Sh. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1922—1934*. N. Y., 1979.

³⁶ См. диссертацию Амира Винера о послевоенной Виннице, где описано, как формировался новый советский украинский патриотизм и переформулировались русская и украинская идентичности. (Weiner A. *Myth and Identity: The Construction of Collective Identities in the Vinnytsia Region, 1943—1975*. Ph. D. dissertation, History, Columbia University, 1994), а также Tillet L. *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill, 1969; Oberländer E. *Sowjetpatriotismus und Geschichte: Dokumentation*. Köln, 1967; Shteppa K. *Russian historians and the Soviet State*. Rutgers, 1962.

³⁷ См.: Stites R. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. N. Y., 1989, в особенности главы 3 и 6.

³⁸ Trotsky L. *The Revolution Betrayed*. N. Y. 1972. Гл. VI—VIII., Timasheff N. *The Great Retreat*. N. Y. 1946. Гл. VII—IX.

³⁹ Weiner A. *Myth and Identity: The Construction of Collective Identities in the Vinnytsia Region, 1943—1975*. Ph. D. dissertation, History, Columbia University, 1994.

Ирина Михутина

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС И РУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

К концу XIX в., несмотря на дискриминацию в духовной сфере (ограничение украинского книгопечатания, отсутствие общеобразовательной школы, судопроизводства и проч. на родном языке), сформировались основные компоненты украинской национальной культурной жизни (приобрели известность национальная литература, историческая школа, профессиональный театр, музыка и т. д.), служившие стимулом национального движения.

Ограничения касались украинцев как национальной общности и практически не затрагивали их на индивидуальном уровне, позволяя подниматься на высокие общественные ступени и проявлять себя в любых областях деятельности. Поэтому немалая часть украинцев придерживалась двойной идентичности — не отрекаясь от своей национально-этнической принадлежности, вместе с тем не стремилась к обособлению в составе Российского государства¹. «Омосковленными малоросами» презрительно называли эту многочисленную категорию активисты украинского движения, ставившие целью самоопределение на национально-государственном уровне. В отсутствие достаточных экономических стимулов к отделению Украины от России национальные активисты рекрутировались из сравнительно узких групп интеллигенции — художественной, гуманитарной, студенчества, учительства — рассчитывавшей своими усилиями одолеть «национальную несознательность масс»².

При политическом структурировании эта особенность проявилась таким образом, что одна часть политически активных лиц присоединилась к общероссийским партиям, учреждавшим в украинских губерниях свои отделения, другая стала создавать партии, национально обособленные.

Но раньше, чем в Большой Украине (так украинцы именовали ту часть своей этнической территории, которая входила в состав Российского государства) политическое структурирование украинского общества началось в Галиции, до конца первой мировой войны —

* Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 95—06—17665.

автономной провинции Австро-Венгрии, куда стекалась политическая эмиграция из Большой Украины, и потому претендовавшей одно время на роль «украинского Пьемонта». Самой крупной и влиятельной здесь стала национально-демократическая партия, образованная в 1899 г. при деятельном участии историка М. С. Грушевского, выпускника Университета имени Святого Владимира в Киеве, получившего кафедру во Львовском Университете. В ее учредительном документе, составленном с участием Грушевского, говорилось: «Нашим идеалом должна быть независимая Русь-Украина, в которой бы все части нашей нации соединились в одно современное культурное государство»³.

Таким образом, впервые авторитетным деятелем приднепровского украинства в качестве принципиальной цели была поддержана идея объединения всех украинских земель при полном разрыве с той государственностью, в которую была интегрирована большая их часть. Правда, Грушевский предполагал постепенное приближение к этому идеалу через ряд промежуточных стадий, включая реформирование государственной системы России.

Образованная в 1900 г. в Большой Украине Украинская революционная партия (РУП) первоначально также провозгласила «самостийную» (самостоятельную) Украину не только своим национальным идеалом, но и практической целью. Однако этот постулат не встретил широкого общественного сочувствия и в дальнейшем сохранился лишь в программе малозаметной Народной партии Н. Михновского. Активно же заявившие о себе в революции 1905—1907 гг. Радикально-демократическая партия либерального толка (опора Грушевского), а также выросшая из РУП Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) придерживались тогда в национальном вопросе требования автономии Украины и преобразования Российского государства на федеративной основе⁴.

Кроме УСДРП заметную роль в организации украинских рабочих в те годы играл Украинский социал-демократический союз («Спилка»), идеологи которого отрицали необходимость национальной автономии, считая, что для этого «жизнь украинского народа слишком тесно сплелась с жизнью русского народа не только политически и экономически, но и культурно... Если бы автономии требовало национальное чувство украинского народа — это было бы требование нации... Украинские крестьяне и пролетариат не выступают с требованием автономии. С этим требованием выступает интеллигенция, а украинским массам прививает это требование», — писал П. Л. Тучапский в 1906 г. в левом издании «Вестник жизни»⁵.

Некоторое представление об общественных настроениях того времени на Украине дает статистика выборов в Государственную Думу. В первом ее созыве из 98 депутатов от украинских губерний 40 депута-

тов, в основном последователи Грушевского, поскольку социал-демократы бойкотировали выборы, образовали Украинский блок. Во II Думе Украинский блок насчитывал 47 представителей, включая и одного депутата от УСДРП. Кандидаты же от «Спилки» получили 14 мандатов⁶.

Изменение избирательного закона, предшествовавшее выборам в III Государственную Думу, лишило украинское движение парламентского представительства. Но в I и II созывах Украинский блок, как и представители других национальных групп, выдвинул идею национальной автономии и преобразования государственной структуры России на федеративных началах и имел вполне определенные, сформулированные Грушевским, стратегические ориентиры. С началом революции Грушевский вернулся на родину и в 1906 году опубликовал в журнале «Украинский вестник» программную статью «Украинский Пьемонт», сформулировав в ней концепцию национально-территориальной автономии для Большой Украины, куда, по мысли автора, вследствие революции должен переместиться центр собирания украинских земель⁷.

Формула именно национально-территориальной автономии была ключевой в планах Грушевского, ибо идея автономии витала в воздухе многонациональных Австро-Венгрии и России, но разные политические течения понимали ее неодинаково. В частности, в теоретической мысли социал-демократии Дунайской империи родилась идея культурно-национальной автономии, то есть организации национального самоуправления без институционально-правовой «привязки» к территории. Были и другие варианты. Грушевский же заявлял, что только национально-территориальная автономия Украины являлась бы «минимумом, необходимым для обеспечения ее свободного и полного развития» и, в свою очередь, послужила бы вводной стадией к осуществлению в России федерализма «наиболее совершенного — в его представлении — способа сочетания государственного союза с интересами свободного и нестесненного развития национальной жизни»⁸.

Несмотря на скромные результаты революции 1905—1907 гг., национальные проблемы все более заметно выступали в политической жизни России. Этому, в большой мере, способствовали особенности внешнеполитической обстановки. В частности, украинский вопрос традиционно использовался Веней как элемент антирусской политики, Берлин стал рассматривать его в контексте планов Срединной Европы. Османская империя, теряя владения на Балканах, обращала взоры на российский Восток, рассчитывая найти понимание и опору среди этнически родственных тюркских групп.

В настоящее время исследователи обращают внимание, что в канун первой мировой войны и западные страны высоко подняли лозунг «защиты прав малых народов» как инструмент разложения сво-

их будущих военных противников — многонациональных Австро-Венгрии и Османской империи⁹. Популяризация в лексиконе международной политики этого лозунга не могла не оказать психологического влияния не только на непосредственных адресатов в империях четверного союза, но и на настроения в национальных окраинах России, способствуя неожиданной радикализации национальных требований и взвинчиванию активности функционеров движений. «Самочувствие страны меняется... Национальные вопросы ставятся остро вовсе не случайно... Прежние деления на партии по политическим и социальным программам отходят назад перед новыми национальными группировками», — характеризовал ситуацию в начале 1914 г. лидер Конституционно-демократической партии (КДП) П. Н. Милюков¹⁰.

Самые нетерпеливые из украинских активистов поспешили в Галицию и объявили себя сторонниками Австрии в грядущей войне, чтобы, опираясь на нее, добиться украинской государственности. Большинство в украинском движении не поддержало этого варианта из-за его очевидной непопулярности среди населения Большой Украины, а также из понимания, что такой путь обрекает на половинчатые результаты. «Думают, — рассуждал на совещании с руководством КДП в марте 1914 г. один из соратников Грушевского профессор Н. П. Василенко, — что если не народ, то интеллигенция будет помогать Австрии. Да для чего же? Ведь допустивши самое большее, самое невозможное, что Австрии удастся отнять Киев от России, — разве это решило бы украинский вопрос для всей остальной украинской территории?.. Украинский вопрос может быть и должен быть решен только на почве русской государственности»¹¹. Иными словами, Грушевский и его сторонники выдвигали полномасштабную стратегическую цель консолидации всех заселенных украинцами земель. В противовес сепаратистам проавстрийской ориентации, они в 1912—1914 гг. вновь стали открыто пропагандировать национально-территориальную автономию Украины с последующим превращением России в федерацию и требовать от представленных в Думе оппозиционных партий признания и действенной поддержки этой идеи.

Зарождение национальных движений вызывало к жизни русский национализм, стихийный в народных «низах» и организационно структурированный на политическом уровне со времени революции 1905—1907 гг. Кристаллизация в украинстве сепаратистского течения проавстрийской ориентации дала русским националистам повод сеять враждебность к украинскому движению в целом, представляя его как очаг агентурного влияния враждебных держав — «нового мазепинства». «Украинцы связывают свои надежды на осуществление автономии с Австро-Венгрией и Германией. На развали-

нах Великой России будут основаны под скипетром Габсбургов в пределах Австро-Венгрии автономные Польша и Украина,* — утверждал лидер киевского Клуба русских националистов депутат Государственной Думы А. И. Савенко¹². А правительство тем временем вводило запрет на юбилей Т. Г. Шевченко, усматривая в нем демонстрацию сепаратизма.

Однако в условиях политического расслоения и наличия пусть скромных представительных органов, украинство, как и другие национальные движения, обрело потенциальных союзников в лице партий оппозиции, которые охотно откликались критикой в Думе и в печати на чинимые правительством национальные ограничения. Сложнее было с согласованием стратегических целей, как и с внепарламентским сотрудничеством.

Родственную украинской концепцию в области государственно-го переустройства приняла только партия социалистов-революционеров (эсеров), с размахом продекларировав в своей программе 1906 г. принципы широкой автономии областей, городских и сельских общин, федеративных отношений между отдельными национальными районами с признанием за ними безусловного права на самоопределение, а в целом — федеративного устройства российского государства. Однако в межреволюционный период партия переживала глубокий упадок¹³.

Через Трудовую группу в Думе она, правда, систематически поддерживала украинство, но все-таки не представлялась тогда лидерам движения главным союзником. Это потом, после февральского взрыва 1917 г., когда события стихийно вошли в революционное русло, а русские и украинские крестьяне увидели в аграрном радикализме эсеров воплощение своих насущных чаяний, эсеровские краски ярко засияли в социально-политической налитре украинского движения. Сам Грушевский к великому разочарованию своих многолетних либеральных сподвижников, оставил тогда их стан, чтобы стать на сторону молодежи, массово принимавшей «символ веры» социалистов-революционеров¹⁴. Пока же, в межреволюционный период, ведущим в украинском движении оставалось либеральное направление, активисты которого более всего были заинтересованы в сотрудничестве с кадетами.

Соглашение о поддержке украинцами кадетских кандидатов действовало при выборах в IV Государственную Думу в 1912 г. В свою очередь фракция кадетов обязалась выступить в пользу внесенных ранее законопроектов о введении украинского языка в судопроизводстве, в школьном обучении, о кафедрах украиноведения в университетах Киева, Харькова, Одессы — программы-минимум украинства¹⁵.

В начале 1914 г. украинские лидеры предложили руководству кадетов продемонстрировать в Думе и в печати поддержку стратегическим целям движения: национально-территориальной автономии Украины и в дальнейшем — федерализации государственной системы России. Однако эта концепция представляла по сути новое решение, не имевшее сколько-нибудь убедительных аналогов в либеральной и буржуазно-демократической традиции и практике государственного устройства. Грушевский, правда, в дискуссиях с кадетами ссылался на опыт «Северной Америки, где федерализм послужил объединению, а не разъединению народностей», на что оппонент из руководства КДП возразил на полях протокола: «Это верно только в том случае, если России грозит сперва сепаратизм»¹⁶, подчеркнув тем самым принципиальную разницу в ситуации: на Североамериканском континенте развитие шло от раздробленности самоуправляемых провинций к их соединению в федерацию. Россию же, по логике федералистов, следовало трансформировать в федерацию из унитарного, с единой функциональной системой жизнеобеспечения, государства.

Новостью было также выдвижение этно-национального фактора как главного и практически единственного признака субъектности в будущей федерации. Такой критерий не играл никакой роли не только в государственно-административной структуре Соединенных Штатов — «плавильного котла» этносов и культур, но не был определяющим и при формировании территориально-административной системы Австро-Венгрии, правительство которой, напротив, старалось для удобства управления и поддержания баланса национальных сил использовать напряженность в отношениях между разными этно-национальными группами в отдельных административных единицах (украинцы и поляки — в Галиции, немцы и чехи — в Богемии, украинцы и румыны — в Буковине и т. д.). А во Франции во времена Великой революции система исторических провинций, население которых изъяснялось в каждой на своем наречии, была и вовсе заменена новым делением на департаменты, чтобы на пути формирования единой нации французов стереть все этнические границы и различия¹⁷.

Кадеты подошли к формулировке позиции в национальном вопросе не столь декларативно и абстрактно, как левые партии. Концепция национально-территориальной автономии рассматривалась при их широком участии на земском съезде в сентябре 1905 г. (итоги этого обсуждения легли в основу решений учредительного съезда КДП по национальному вопросу и соответствующего раздела ее программы) и сразу вызвала серьезные возражения с практической точки зрения. «Там, где между национальностями нет определенных границ, где пришлось бы перекраивать территории, создавая пределы

автономных единиц, там такие вопросы вызывали бы самое острое столкновение интересов различных недержавных наций... Различные национальности так переплетаются на одной и той же территории, что для того, чтобы не попасть в безвыходный тупик и не решить вопроса во вред кому-либо из национальностей единственным средством является не ставить вопрос о национальной автономии», — резюмировал это обсуждение профессор государственного права, член ЦК КДП Ф. Ф. Кокошкин¹⁸.

В условиях большой этнической перемешанности населения Российской империи кадеты проявили себя противниками самого принципа административно-государственного структурирования по национальному критерию. Признав, например, с самого начала необходимость автономного правления в Царстве Польском, они подчеркивали, что речь идет не о национальной автономии, а об автономии края, практически обособленного, «в котором сохранилось особое гражданское право, многие особые законы, свой календарь, особый быт и режим... что затрудняло бы создание общего конституционного режима для России и Польши... что при опросе населения огромное большинство поляков высказалось бы за автономию Польши»¹⁹.

В дальнейших дискуссиях с украинскими деятелями Милюков обращал их внимание, что при введении национально-территориальной автономии в этнически неоднородной среде по существу воспроизводилась бы прежняя иерархия отношений: деление на субъектообразующие национально-этнические общности и лишенные субъектности национальные меньшинства, что неизбежно оставило бы почву для продолжения старых и возникновения новых трений и конфликтов²⁰.

Свой вариант решения национального вопроса кадеты обозначили как признание права культурно-национального самоопределения, подразумевая свободу вероисповедания, выбора родного языка в школьном обучении, судопроизводстве, печати, при полном гражданском равноправии всех национальностей. Они утверждали, что «в России децентрализация необходима для всех ее частей», а не только для национальных областей. Замену самодержавному централизму они видели в демократическом местном самоуправлении. На фоне такой повсеместной децентрализации не исключалась областная автономия некоторых национальных окраин, понимаемая как наделение их представительными органами с законодательными правами, но практическая постановка этого вопроса допускалась только «после установления основ демократического строя», способного обеспечить свободное волеизъявление²¹.

Если вопрос об автономии Украины руководство КДП соглашалось признать делом хотя бы неблизкого будущего, то против идеи

федерации возражало самым категорическим образом. Еще в предварительных, киевских разговорах с украинскими деятелями в начале февраля 1914 г. Милюков заявил по поводу их автономистско-федеративной концепции, что в этом вопросе «ставит точку перед федерацией»²². В речи, произнесенной 19 февраля в Думе в защиту украинского движения от правительственных репрессий и нападок правых (непосредственным порождением этого выступления послужил официальный запрет шевченковских торжеств, и Грушевский в письме к Милюкову от 4 марта назвал его речь «крупным общественным явлением... благодаря широкой постановке украинского вопроса, впервые данной ему с думской трибуны»²³) Милюков вместе с тем охарактеризовал федералистские замыслы украинцев как несвоевременные по внешнеполитическим причинам, утопические, «вредные и опасные» и приравнял их к бакунинскому анархизму²⁴, (очевидно, подражая призывы М. А. Бакунина в 1848—1849 гг. к славянской федерации на основе сближения с немецким и венгерским народами).

В КДП далеко не все были столь непримиримы к автономистско-федеративной концепции украинского движения. Многие кадеты Юго-Западного края горячо поддерживали ее. Имея в виду их настроения, член ЦК КДП А. М. Колюбакин на совещании с украинскими лидерами 24 марта 1914 г. пытался смягчить позицию Милюкова. Другой участник этого совещания профессор В. И. Вернадский внес предложение «выразить пожелание, чтобы П. Н. М[илюков] не выступал с отрицанием автономии и федерализма во избежание возможного глубокого раскола в партии К.-Д.»²⁵ Но Милюков умел настоять на признании своей точки зрения в качестве официальной линии партии.

Лидеры кадетов убеждали своих украинских партнеров, что они напрасно форсируют лозунг национально-территориальной автономии, который даже при известных успехах украинского движения не обрел еще, по словам Милюкова, ни «необходимой повелительной силы... ни организаций, которые имели бы достаточно полномочий осуществить автономию, ни даже стихийной исторической необходимости... и трудно еще сказать, — пояснил он последнюю мысль, — что дал бы референдум, произведенный на Украине»²⁶.

Украинские деятели не оспаривали этой оценки. Грушевский и сам сетовал, что «украинская нация после 250-ти лет борьбы и угнетения сильно ослабленная. Надо собрать рассыпавшуюся храмину, восстановить утраты — и для этого идея целокупной Украины представляется наиболее желательной». Он утверждал, что это «далекое дело, предполагаемое к осуществлению легально, законными мерами», что его «требования относятся ко времени расцвета российских свобод... Принцип

автономии выдвигается для того времени, когда будут свободы, а уже третьим этапом будет обеспечение федералистского строя»²⁷.

Но одновременно с легитимно-эволюционным украинские деятели уже тогда, в начале 1914 г., прорисовывали и форсмажорный вариант воплощения своей теоретической схемы. Грушевский, в частности, предупреждал, что украинцы «ждать момента, когда они будут так же сильны, как поляки... не станут». А другой участник совещания 24 марта журналист М. А. Славинский примеривался к перспективе осуществления поставленных целей на волне вновь прогнозируемого социального взрыва. «Трудно думать, — рассуждал он, — чтобы путем простой эволюции страна успела в скором времени получить все те блага, которые находятся в программе партии К.-Д., гораздо вероятнее, что придется пережить новую волну событий... В 1905 г. было достаточно общих формул, но с тех пор многое изменилось: в деревне началась бытовая земельная революция; на окраинах сильно возросли национальные движения...»²⁸

Конечным результатом этого проведенного в Петербурге во время работы конференции КДП совещания с представителями украинского движения была договоренность о поддержке партией и ее парламентской фракцией в Думе украинской программы-минимум в рамках «культурно-национального самоопределения». Однако реализация ее с началом войны встретила с новыми трудностями.

Образованная раньше других Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) намеревалась снять национальный вопрос с помощью двух коротких формул, внесенных в программу 1903 г. — общедемократического требования «равных прав для граждан... независимо от расы и национальности» и «признания права на самоопределение за всеми нациями, входившими в состав государства»²⁹. Последнее представлялось авторам программы декларацией морального плана, а не практического действия. «Распадение России... будет оставаться пустой фразой, пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого», — писал В. И. Ленин в пояснение к программе. Отвергалась также идея федерации как более слабой по сравнению с унитарной формой государственности³⁰.

И В. И. Ленин, и И. В. Сталин в своих статьях по национальному вопросу отвергали этнический, природный компонент в понятии нации, рассматривая ее преимущественно как продукт определенного этапа историко-экономического развития, а именно — капитализма, обреченный в следующей исторической стадии на растворение при «самом тесном соединении пролетариата всех наций»³¹. Под этим углом зрения отрицалась идея национальной школы, до абсурда критиковалось понятие национальной культуры, будто бы выступавшей

антиподом «интернациональной культуре демократизма и всемирного рабочего движения»³² и т. д.

Государственно-правовая сторона вопроса сначала мало интересовала Ленина. Большая часть из им написанного была направлена на опровержение взглядов либералов («кадетство»), оппонентов в собственной партии, идеологов других революционных группировок, а также подчинено организационно-политическим целям построения унитарной, выступающей от имени рабочих всех национальностей, революционной партии. Ради этого велась ожесточенная борьба против очевидной в своей реальности тенденции создания рабочих организаций по национальному признаку и построения общероссийской партии на федеративных началах.

Но жизнь брала свое. Абсолютизация принципа интернационализма ограничивала число сторонников РСДРП в национальных районах. В частности, украинские социал-демократы после отклонения на IV съезде РСДРП их предложения о межпартийной федерации сторонились контактов с российскими социал-демократами, несмотря на заинтересованность последних, а некоторые активисты «Спилки» со временем сменили свои прежние взгляды на противоположные, оказавшись в рядах сепаратистов.

Актуализация национальной проблематики накануне войны заставила большевиков конкретизировать свою позицию, что нашло отражение в резолюциях совещания ЦК РСДРП (лето 1913 г.). В ней распространенному постулату о введении национальной школы противопоставлялось декларативное в одной своей части и трудновыполнимое — в другой требование об «отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными... привилегии одной из наций и... нарушения прав национального меньшинства»³³.

Была, наконец, сформулирована и концепция изменения административно-государственной структуры. «В особенности необходима, — читаем в резолюциях, — широкая областная автономия и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.»³⁴. В этой части она отличалась от кадетской лишь изменением последовательности: областная автономия и местное самоуправление, а не наоборот.

В вопросе же о национально-территориальном принципе Ленин занял расплывчатую позицию, как бы промежуточную между абсолютизацией его националистами и кадетским неприятием, от себя

добавив в пользу этого принципа доводы в духе марксистской историко-экономической версии происхождения нации и вместе с тем признавая его малое соответствие реалиям этнической ситуации. «Несомненно, — писал он, — что единый национальный состав населения — один из вернейших факторов для свободного и широкого... торгового обмена... Несомненно, что ни один марксист... не станет защищать... русских губерний и уездов... не станет оспаривать необходимости замены этих устаревших делений делениями, по возможности, по национальному составу населения. Несомненно, наконец, что для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа... с цельным, единым национальным составом». Но далее Ленин отмечал, что «города везде... отличаются наиболее пестрым составом населения. Отрывать города от экономически тяготеющих к ним сел и округов из-за «национального» момента нелепо и невозможно. Поэтому целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориалистического» принципа марксисты не должны»³⁵.

Впрочем, в стране, где политические теории и концептуальные построения из-за самодержавия власти и неразвитости гражданского общества не проходили необходимой общественной апробации, трудно было ожидать их прямого действия и адекватного вонлощения в жизнь.

Вскоре ситуация оказалась неподвластной ни абстрактным теориям доктринеров, ни казавшимся более выверенным проектам прагматиков. И внезапно вынесенные стихией революции 1917 г. на первые роли в государственных делах большевики и лидеры украинского движения явили разительный парадокс, сменив свои национально-государственные постулаты на зеркально-противоположные. Грушевский, более десятилетия выступавший сторонником украинской автономии в пределах Российского государства, провозгласил 25 января 1918 г. в качестве главы украинского представительного органа Центральной Рады полный суверенитет Украины, а Ленин, прежде утверждавший с присущей ему категоричностью, что «марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации»³⁶, почти в те же январские дни 1918 г. санкционировал решение Третьего съезда Советов о том, что Российское социалистическое государство учреждается как федерация советских республик.

Примечания

¹ См. статью А. Каппелера в настоящем томе.

² Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917—1921. Т. І. Прага, 1942. С. 9.

³ Цит. по: Дорошенко Д. Історія України 1917—1923 рр. Т. І. Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932. С. 29—30.

⁴ Там же. С. 30. Нагаевський І. Історія Української держави двадцятого століття. Київ, 1994. С. 35.

⁵ Цит. по: Мазепа І. Указ. соч. С. 9—10.

⁶ Брейяр С. Україна, Росія і кадети. // In memoiam. Історический сборник. М.-СПб., 1995. С. 359.

⁷ Мазепа І. Указ. соч. С. 10.

⁸ Стаття була перепечатана в сборнике: Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 88.

⁹ Buldakov V. WWI; Empire and People in Russia. // WWI and the XX Century. Moscow, 1995. P. 109; см. также статью М. Хагена в настоящем томе.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 160 об, 137 об.

¹¹ Там же. Л. 143.

¹² Речь. 5 февраля 1914.

¹³ История политических партий в России. М., 1994. С. 157—158.

¹⁴ Дорошенко Д. Указ. соч. С. 45, 52.

¹⁵ Брейяр С. Партия кадетов и украинский вопрос (1905—1917). // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. I. М., 1995. С. 94—95.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 125 об.

¹⁷ См. статью А. И. Миллера в настоящем томе.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 127 об—128.

¹⁹ Там же. Л. 128 об—129.

²⁰ Там же. Л. 130. 139 об—140.

²¹ Там же. Л. 127.

²² Там же. Ф. 579. Оп. I. Д. 1879. Л. 5.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 4. Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 112, 121, 125.

²⁵ Там же. Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 131, 146.

²⁶ Там же. Л. 139 об.

²⁷ Там же. Л. 136, 143. Ф. 579. Оп. I. Д. 1879. Л. 4.

²⁸ Там же. Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 142 об, 135.

²⁹ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 421.

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 240, 233.

³¹ Там же. Т. 25. С. 147. 258, 264. Сталин И. В. Сочинения. Т. 2, М., 1946. С. 293.

³² Ленин В. И. Указ. соч. Т. 24. С. 120.

³³ Там же. С. 57—58.

³⁴ Там же. С. 58.

³⁵ Там же. С. 148—149.

³⁶ Там же. С. 144.

Владислав Верстюк

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАДА И ВРЕМЕННОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО
(К ИСТОРИИ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В 1917 ГОДУ)**

В многовековой истории украинско-российских отношений, когда российская сторона (власть, государство, общественное мнение) занимали императивное, доминирующее положение, а украинская — подчиненное, служебное, 1917 год составляет определенным образом исключение, которое характеризуется попытками изменить неравноправные отношения сторон, во всяком случае демократизировать их.

История взаимоотношений Центральной Рады и Временного правительства дает не только прецедент нового механизма украинско-российских отношений, она позволяет создать отличную от принятой в советской историографии версию развития революционных событий 1917 г. Если последняя рассматривала развитие революции через нарративы событий в Петрограде и Москве, через борьбу между Советами и Временным правительством (двоевластие), через ленинский план подготовки и проведения социалистической революции, то отношения между Киевом и Петроградом показывают искусственность применения этой схемы в исследовании событий на окраинах бывшей Российской империи и национальных территориях. В свою очередь, они выдвигают на первый план исследований проблемы децентрализации России, ее федерализации, решения национального вопроса.

Избранная нами проблема достаточно перспективна, актуальна и требует широкого обсуждения и исследования множества отдельных деталей, поскольку долгие годы пребывала вне внимания историков как России, так и Украины. В советской историографии Центральная Рада изображалась буржуазно-националистическим сателлитом Временного правительства. Конкретно историческое развитие их отношений рассматривалось только в статье В. Манилова «Из истории взаимоотношений Центральной Рады с Временным правительством», опубликованной в журнале «Летопись революции» в 1927 г.

Сегодня изучение проблемы снова привлекает внимание историков. Ею интересуются ученые и России, и Украины. Причем на-

блюдаются определенные отличия позиций, которые и подталкивают к общему обсуждению наработанного материала, его концептуальных оценок. Сошлюсь, например, на выступление И. Афанасьева «Проблема двоевластия и национальные движения на Украине и в Закавказье» в январе 1992 г. в Петербурге на международном colloquium «1917 год в России: массы, партии, власть», а затем опубликованное в сборнике материалов colloquium «Анатомия революции» (СПб., 1994 г.). Наряду с верными наблюдениями о формировании в России на протяжении лета-осени 1917 г. многовластия, то есть о наличии объективных факторов к ее федерализации, И. Афанасьев видит причину такого развития событий в слабости Временного правительства, которое «расставалось с частью своей власти над целыми регионами страны или же безвольно наблюдало, как эту власть явочным порядком приватизируют органы и учреждения, государственной-правовая полномочность которых весьма сомнительна»¹. К таким «сомнительным» учреждениям автор, в первую очередь, относит Центральную Раду и ее исполнительный орган Генеральный Секретариат. И. Афанасьев считает, что соглашение Временного правительства с Центральной Радой 3 июля породило кризис власти в стране и было обусловлено «в первую очередь беспрецедентным по своим последствиям превышением полномочий, которые себе позволило Временное правительство, что резко подрывало доверие к его так называемым демократическим элементам, а это в свою очередь вело к корниловщине»².

Несколько аналогичных оценок, их можно найти в статье М. Соколовой «Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская Центральная Рада (февраль-октябрь 1917 года)»³.

Таким образом, если советская историография обвиняла Центральную Раду в пособничестве Временному правительству, то постсоветская российская историография пытается представить ее деструктивной, сепаратистской силой без государственной-правовой легитимной основы. Достается от нее и Временному правительству за излишнее потакание национальным движениям. Это упрощенная трактовка ситуации.

Не нужно забывать, что все революционные органы 1917 г. не имели достаточной легитимности. Революции происходят тогда, когда общество не имеет возможности снимать противоречия, в нем существующие, при помощи старых легитимных средств самоорганизации, и поэтому создает новые, революционные, которые легитимируются в ходе или после завершения революции.

Объективное, научное исследование отношений Центральной Рады и Временного правительства требует обсуждения целого ряда связан-

ных с ними проблем, в первую очередь скрупулезного изучения первоисточников, их корректного для обеих сторон анализа.

Попробую обозначить некоторые из этих проблем. Наверное, оценка украинско-российских взаимоотношений во многом будет зависеть от общего понимания революции 1917 г. Украинская историография сегодня все более настоятельно говорит об украинской революции, являющейся одновременно частью общероссийских революционных событий, но и составляющей отдельное, особенное общественно-политическое явление, которое имело не только своеобразное надстроечное оформление в лице Центральной Рады, но и глубокие и разнообразные причины.

По данным переписи населения Российской империи 1897 г. русские составляли только 43% всего населения, что необычайно поднимало значение решения национальной проблемы. Но она не только не решалась, а до революции 1905 г. загонялась властью в тупик. Украинцы составляли 17% населения империи, но не имели легальной возможности к свободному развитию своей культуры и образования. Интересно, что не только власть была глуха к национальной проблеме, но и подавляющая часть русской общественности.

Нерешенность национального вопроса была не единственной и, возможно, не главной причиной назревания революционных преобразований. Уже к середине XIX в. Российская империя представляла собой общественно-государственный реликт.

Отсталость ее, на наш взгляд, объяснялась тем, что в России был создан закрытый тип общества, полностью задавленного государством. Общество не только не имело возможности к саморазвитию, но и было лишено права легально влиять на государство. От этого страдали и общество, и государство. Реформы Александра II создали возможности для модернизации, но оказались половинчатыми и непоследовательными. Контрреформы Александра III еще более усугубили положение. В результате создалась ситуация, когда экономика получила возможность капиталистического развития и в отдельных отраслях и регионах развивалась весьма бурно, тогда как общество оставалось лишенным права на открытую политическую жизнь. Это и стало главной причиной формирования в России революционной культуры.

Последняя наложила свой отпечаток на национальное украинское движение, которое развивалось в нелегальных или полуполигальных формах. Одновременно отметим, что украинское национально-освободительное движение и в силу экстремальных условий своего развития, и в силу преобладания в украинской интеллигенции двойной лояльности к российскому и украинскому, было очень ограниче-

но в своих программах. Практически все украинские политические партии, за исключением народной (М. Михновский), не выходили за пределы национально-территориальной автономии, а наиболее распространенными тактическими приемами украинских деятелей были обращения к правительству, отдельному министру или в Государственной Думе с просьбой разрешить преподавание в школе на украинском языке, ослабить цензурные ограничения для украинской книги, разрешить провести то или иное национальное мероприятие.

Последним непреодолимым препятствием для российского самодержавия оказалась первая мировая война. Мобилизационные качества и государства, и общества оказались несоответствующими тем, которые от них требовались. Патриотические настроения, преобладавшие в массах в начале войны, сменились к 1917 г. революционными. Украинские земли наиболее пострадали от войны. Восточная Галиция, Волынь стали театром военных действий. Украинцы вынуждены были сражаться друг против друга в составах враждовавших армий. Первая мировая война обострила не только украинский, но и вообще национальный вопрос. Согласно «14 пунктам» американского президента В. Вильсона самоопределение народов должно было стать одним из принципов завершения войны.

Народы России свое национальное освобождение связывали с революцией. В феврале 1917 г. империя рухнула. Россия в считанные дни превратилась в одну из наиболее демократических стран. Запреты на все виды политической деятельности были сняты. Финляндии была возвращена конституция, а Польше, оккупированной армией врага и по сути потерянной, обещано возвращение государственности. Было начато формирование польского легиона.

На этом фоне, как ни прискорбно, другие народы России, в том числе и украинцы, практически ничего не получили. Я бы не стал переоценивать значение решение 20 марта об ликвидации вероисповедальных и национальных ограничений. Во всяком случае оно на Украине ничего не изменило. В правительственной декларации, опубликованной в марте, ничего не говорилось о предоставлении всем народам России права национального и культурного самоопределения.

Два визита в марте к главе правительства представителя украинского движения А. Лотоцкого с просьбой не останавливаться на ликвидации национальных ограничений, а предоставить украинскому языку равные права в государственных, судебных и учебных учреждениях на Украине остались без последствий.

Следует отметить, что до 19 марта 1917 г. украинские требования, точнее их следует называть просьбами к правительству, не выхо-

дили за пределы национальной культуры и образования. Украинское движение, в том числе и Центральная Рада, демонстрировали полную лояльность правительству.

Затем ситуация несколько изменилась и эти требования были политизированы по формуле: национально-территориальная автономия Украины в составе демократической и федеративной России. Что же стало причиной такой политизации? По моему представлению — два фактора. Первый — мощное развитие стихийного низового национального движения. Показателем его стали две украинские массовые демонстрации, 12 марта в Петрограде и 19 — в Киеве. Первая собрала 20 тыс., а вторая — 100 тыс. участников.

Второй фактор — возвращение из ссылки в Киев М. Грушевского, избранного председателем Центральной Рады. Именно он сформулировал и обосновал упомянутый выше тезис.

В результате взаимодействия этих факторов стихийное национальное движение приобрело определенную организационную форму, которую венчала Центральная Рада. Благодаря мощной поддержке масс она очень быстро приобрела политический вес и авторитет. Произошла любопытная метаморфоза. Украинское движение, которое в первые дни марта было политическим аутсайдером, к началу апреля превратилось в политического лидера в Украине.

Его авангардную позицию продемонстрировал Всеукраинский национальный конгресс 6—8 апреля 1917 г., собравший в Киев со всех концов Украины и из-за ее пределов около 1500 делегатов. Конгресс подтвердил действенность формулы национально-территориальной автономии в пределах федеративной, демократической России.

6 апреля, в день открытия Национального конгресса, в Киев впервые приехал представитель Временного правительства — военный министр А. Гучков. На конгресс он не пошел, но встретился с бароном Ф. Штейнгелем, членом городского исполкома Совета объединенных общественных организаций и одновременно членом УЦР. Штейнгель сказал министру, что украинский народ надеется на решение своей судьбы Учредительным собранием и верит, что Россия будет построена на федеративных началах. А. Гучков отметил, что не может отвечать за Учредительное собрание.

Всеукраинский национальный конгресс дал переизбранной УЦР указание выполнить его резолюции и вступить с этой целью в непосредственные переговорные отношения с Временным правительством. Несмотря на это, УЦР не спешила обращаться с прямыми просьбами к правительству. Весь апрель и до середины мая она молчала, но не переставала выражать правительству знаки доверия. Такое поведе-

ние можно было объяснить несколькими причинами. Несомненно, на лидерах Центральной Рады еще сказывалось влияние двойной лояльности, и, наверное, имела место неуверенность в том, что правительство удовлетворит их просьбы, страшил отказ, который мог подорвать репутацию УЦР. Возможно, что на какое-то время пауза была лучшим выходом из ситуации, но держать ее бесконечно долго не представлялось возможным.

В апреле-мае в Украине прошли десятки всеукраинских, губернских, уездных съездов, которые настойчиво требовали от Центральной Рады решения проблемы автономии. Со второй половины апреля УЦР получила мощную поддержку украинцев в армии.

5—8 мая в Киеве собрался I Всеукраинский войсковой съезд, который начал выяснение отношений между Центральной Радой и Временным правительством. Съезд оказал УЦР полную поддержку, но его бурный ход показал, что низовое украинское движение может легко выйти из-под ее контроля, если она не вступит в непосредственный диалог с правительством.

В середине мая в Петроград отбыла украинская делегация. Несмотря на обилие проектов документов, которые она везла, она полностью удовлетворилась бы заявлением правительства о его лояльном отношении к будущему положительному решению украинского вопроса.

Но этого не произошло. По всем пунктам, за исключением введения украинского языка в начальной школе как языка преподавания, делегация УЦР получила отказ. Обнародование этого факта в Украине вызвало ценную реакцию возмущения. Всеукраинский крестьянский и 3-й Всеукраинский войсковой съезды требовали от УЦР адекватных действий, результатом которых стал I Универсал. Этот документ провозгласил о том, что «отныне сами будем творить нашу жизнь»⁴. Но нет никаких оснований считать его сепаратным документом — он не выходил за пределы программы автономии, был декларацией, в которой практически не было указаний, на какие-либо конкретные цели и шаги.

Безусловно, I Универсал как и создание Генерального секретариата оказались довольно мощными инструментами давления на правительство. Если к этому добавить, что Универсал нашел огромную поддержку среди украинцев и в Украине, и за ее пределами, особенно в армии, то станет понятно в какое неприятное положение попало правительство в момент подготовки наступления на фронте.

Воздействие на УЦР военной силой могло иметь непредсказуемые последствия, поэтому такая форма пресечения украинского движения даже не обсуждалась в правительстве. Оно попыталось увеще-

вать воззванием и через кампанию в прессе, очевидно рассчитывая, что таким образом отсечет от УЦР силы, ее поддерживающие, но через 10 дней, поняв бесплодность таких намерений, проявило политическую мудрость и направило в Киев делегацию для переговоров.

Переговоры были очень интересны, к сожалению, нет возможности говорить о них подробно. Любопытных отсылаю к мемуарам И. Церетели⁵. Скажу только, что обе стороны проявили желание и выявили умение искать компромиссы. А это доказывает, что УЦР не выступала деструктивной силой и не пыталась захватить власть любым путем, а пыталась решить свою задачу с наименьшими потерями с российской стороны. И далее украинская сторона действовала в русле достигнутого 3 июля соглашения. Она объявила о соглашении во II Универсале, затем предоставила в составе Центральной Рады 202 места для представителей национальных меньшинств, при их участии подготовила «Устав высшего управления Украиной», расширила состав Генерального секретариата за счет русских, евреев и поляков.

Временное правительство в связи с утверждением соглашения постиг кризис, связанный не только с наличием сильных разногласий в российском политическом истеблишменте в определении дальнейшего политического курса страны, но и с его неготовностью принять идею федеративного устройства государства. Новый состав правительства, возглавляемый А. Керенским, отказался от принятых обязательств, значительно изменил условия соглашения. В результате вместо «Устава высшего управления Украиной» появилась правительственная инструкция Генеральному секретариату.

Такое поведение правительства вызвало возмущение в Украине. Центральная Рада с успехом могла бы им воспользоваться для обострения конфронтации с правительством. Но она не стала этого делать, решив после длительного обсуждения не принимать и не одобрять «Инструкцию Временного правительства Генеральному секретариату», но подать на утверждение Временного правительства новый состав Генерального секретариата. Хотя она демонстративно не послала своих представителей на Государственное совещание, но приняла участие в борьбе с корниловщиной.

Попытаемся определить политический смысл и историческое значение российско-украинского соглашения. В украинской историографии имеются полярные суждения по его поводу. Д. Дорошенко называет соглашение 3 июля моментом «триумфа для политики Грушевского»⁶. И. Ногаевский склонен считать, что «во время совещаний в Киеве фактически победителем вышел Петроград»⁷, что в этом компромиссе УЦР проявила слабость и не оказалась готовой провозгласить полную самостоятельность Украины.

Конечно, каждый историк свободен в определении своих взглядов, и строит их на определенных аргументах. В данном случае не стоит забывать о компромиссности соглашения, а компромисс это всегда приобретение при условии неизбежной потери. Что важнее: потеря или приобретение? Попытаемся еще раз определить, какую цель ставила себе украинская сторона, вступив на путь переговоров с правительством, и чего она достигла. Речь шла о том, чтобы провозглашенной I Универсалом автономии Украины придать определенный правовой статус. Если исходить из утверждений, что политика это искусство возможного, и что высшей целью политики есть власть, можно сделать вывод, что II Универсал позволил достичь желаемого. Бескровная цена этого успеха станет еще значительней, если вспомним, что практически в это же время (5 июля) большевики в Петрограде пытались захватить власть вооруженным путем, но у правительства хватило сил подавить это выступление.

Соглашение открыло путь к власти, но за нее пришлось платить переходом из оппозиции в союзники правительства, предоставлением мест в УЦР и Генеральном секретариате далеко не всегда дружественной российской демократии, осуждением революционных методов деятельности. Это была довольно серьезная цена, поэтому у историков и возникает вопрос: «А стоила ли игра свечей?» Могла ли Центральная Рада эффективно воспользоваться властью, а если нет — то нужна ли она была ей?

Насколько нам известно из источников, так вопрос в июле 1917 г. никто не ставил, сомнений в необходимости власти не выдвигал. Однако сегодня историк, зная последующее развитие событий, анализируя их, может в качестве гипотезы высказаться о преждевременности соблазна властью. Последняя без поддержки Временного правительства оказалась непосильным грузом, вещь в себе, к которой деятели УЦР только пытались подобрать ключи.

Платформа II Универсала вынудила лидеров украинского движения сконцентрировать свое внимание на формальных правовых атрибутах власти, ее механизмах, то есть осваивать для себя новое поле деятельности. В этом не было бы ничего страшного, если бы задача консолидации украинской нации, ее пробуждения к политической жизни, та задача, решению которой УЦР уделяла так много внимания весной 1917 г., уже была выполнена. Но для одновременного решения обеих задач сил оказалось недостаточно. Как показали дальнейшие события, отсутствие достаточной консолидации национальных сил, провалы в массовом национальном сознании стали одной из причин последующих поражений Центральной Рады.

Подтверждение этой мысли находим в воспоминаниях М. Ковалевского, лидера украинских эсеров, в июне-июле 1917 г. яркого защитника соглашения с правительством. «Вопрос, что было в то время более существенным и более важным для Украины — получение легальных форм автономии Украины или углубление украинского революционного процесса, — легче решить теперь с ретроспективы 30 лет, — пишет он. — Тогда же в июле 1917 г., когда Российская Республика, провозглашенная на месте монархии Романовых, имела все атрибуты государственной власти, а процесс разложения этого государственного организма выразительно начался с осени этого года, дело это не было так ясно. Если бы кто-нибудь в Киеве имел представление этого грядущего разложения, то, разумеется, мог бы стать препятствием на пути июльского компромисса, чтобы направить всю силу и энергию растревоженной украинской стихии на дальнейший путь национальной революции»⁸.

Компромисс с правительством формально предоставил власти Генерального секретариата признаки легитимности, но в силу необходимости поддерживать линию правительства, терявшего авторитет, был причиной последующего упадка морально-публичной власти.

Соглашение Временного правительства с Центральной Радой не имело достаточно весомых положительных последствий. Тем не менее на Украине летом-осенью 1917 г. сохранялась более стабильная политическая ситуация, нежели в центре страны. Не Украина оказалась инициатором свержения Временного правительства. Влияние большевиков на массы здесь было значительно ниже. Таким образом, можно считать, что потенциал соглашения не был использован российской стороной в достаточной мере. Временное правительство потерпело поражение, что свидетельствовало о слабости демократической политической традиции в стране. В частности, это поражение говорило о том, что демократия была невозможна в парадигме «единой и неделимой» России, тогда как в случае федерализации она могла получить поддержку национальных движений и отдельных территорий. Об этом свидетельствовало своеобразие развития революционных событий в Украине.

Примечания

¹ Анатолия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 325.

² Там же. С. 328.

---

³ См.: Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып.1. М., 1995.

⁴ Українська Центральна Рада: док. і мат. у 2-х т. Т. 1. К., 1996. С. 104.

⁵ См.: Церетели И. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. Париж, 1962.

⁶ Дорошенко Д. Історія України. 1917—1923 рр. Т. I. Доба Центральної ради. Ужгород, 1932. С. 116

⁷ Нагаєвський І. Історія української держави двадцятого століття. К., 1993. С. 81.

⁸ Ковалевський М. При джерелах боротьби. Інсбрук, 1962. С. 406—407.

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ: РОССИЯ И УКРАИНА В 1917 ГОДУ

Было ли возможным в начале XX в. цивилизованным путем разрешить национальный вопрос в России? С нашей точки зрения, существовали достаточно весомые причины, препятствовавшие этому.

В данной работе сделана попытка указать на объективные и субъективные причины, мешавшие на рубеже веков легитимным путем разрешить национальные проблемы Российского государства, и рассмотреть практическое разрешение национального вопроса на примере взаимоотношений России и Украины во время первого демократического эксперимента в феврале-ноябре 1917 г.

Как известно, первые робкие демократические ростки стали появляться в России из-за замедленности формирования общественно-политических структур и затянутости модернизационных процессов только в ходе революционных событий 1905—1907 гг. в виде зачаточного парламентаризма, нарождающейся многопартийности, а также очагов гласности. Возможность перехода в индустриальное общество путем реформ, таким образом, была упущена, и по сути Россия была поставлена перед фактом революционного прорыва.

Говоря об объективных факторах, затруднявших решение национальных проблем, нельзя упускать из виду такую, казалось бы, тривиальную особенность Российской империи, как многонациональность. Огромное число этносов требовало весьма гибких, зачастую оперативных и неоднозначных подходов к решению проблем как внутри, так и между ними, а также между ними и центром.

Экономическая гетерогенность регионов приводила к тому, что часто не только местная буржуазия, но и представители центра были в значительной мере дистанцированы от контроля над определенным экономическим пространством¹.

К вышеперечисленным объективным трудностям следует отнести и тот прискорбный факт, что у России по сути не было национальной концепции развития государства².

Теория «официальной народности», выработанная в первой трети XIX в. при Николае I и включавшая в себя три основных постулата: самодержавие, православие, народность, явно не удовлетворяла идеологическим государственным потребностям рубежа веков, хотя

в державной доктрине «народности» просматривалась попытка говорить о нации не в этническом, а в государственном понимании (сама идея «гражданского капитализма» в виде двух компонентов — «народа» и «Отечества» начинает внедряться в умы еще в начальную эпоху модернизации Петром I, а затем Екатериной II).

На Украине же национальная идея начинает четко выкристаллизовываться в 60-е гг. XIX в. Ее идеологи первой волны — Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, Т. Г. Шевченко очень активно внедряли «украинофильство» в самые широкие слои населения посредством своих произведений³.

Что же касается субъективной стороны, мешавшей становлению нового уровня национальных отношений, то сюда следует отнести тот факт, что спектр воззрений на решение национального вопроса был чрезвычайно широк: от державной идеи «единой и неделимой» — правых партий и центра — до леворадикального «самоопределения», вплоть до отделения. Кроме того, не всегда в должной степени учитывалась специфика национальных регионов и отдельных наций, к решению национальной проблематики часто подходили с отвлеченно универсалистских позиций, глобально, недифференцированно.

Таким образом, Российская империя не была готова ни с экономической, ни с геостратегической, ни с политической, ни с идеологической точки зрения разрешить не только национальную проблему в целом, но и частный случай с Украиной.

Временное правительство, придя к власти в более динамичных и жестких реалиях и унаследовав от царизма весь груз национальных проблем, в идеологическом плане оказалось банкротом, т. е. им также не была выработана национальная концепция. Однако оно было поставлено перед неизбежностью решения этих проблем. Но так как единого плана не существовало (кстати и из-за гетерогенности состава самого Временного правительства), то отсутствие кардинальных решений, потеря темпа, контроля за выполнением принятых решений, ожидание созыва Учредительного собрания привело к тому, что ситуация во многом вышла из-под контроля.

Как же на практике происходило решение национального вопроса, в конкретном случае: между Россией и Украиной?⁴ Первоначально и та и другая стороны выражают взаимопонимание и готовность к диалогу. Центральная Рада после своего провозглашения 4 марта посылает приветственные телеграммы на имя князя Львова и Керенского «с выражением надежды, что в свободной России будут удовлетворены все законные права украинского народа»⁵. 9 марта в «Первом обращении Рады к украинскому народу» было сказано, что пришла свобода всем нациям России, и что вопрос о том, как хочет

жить 35-миллионный украинский народ, будет решен на Учредительном собрании, «а до этого времени мы (Центральная Рада — М. С.) призываем спокойно... требовать от нового правительства всех прав, которые тебе (украинский народ — М. С.) естественно принадлежат, и которые ты должен иметь»⁶. Правда, из этих документов не ясно, какие же именно эти естественные и законные права, которые необходимо требовать, хотя все нации и так уже получили максимум свобод, о чем было сказано в правительственном Постановлении об отмене вероисповедных и национальных ограничений⁷. Что же касается собственно Украины, то кроме вышеназванного корпуса демократических свобод, касающихся всех жителей государства, проводятся и конкретные практические меры: освобождается греко-католический митрополит Шептицкий, амнистируются арестованные и сосланные галичане и др.

Но украинская сторона постепенно начинает эскалацию национальных требований. Так, если на протяжении марта на всех уровнях (это отчетливо прослеживается в документах Рады) говорится о национальной автономии Украины в составе Российской федерации; то уже на национальном съезде (6—8 апреля) добавляется решение о создании органов местного самоуправления — Краевого совета⁸, и требование «обеспечения участия в мирной коиференции кроме представителей воюющих держав и представителей тех народов, на чьих территориях ведутся военные действия, в том числе и Украины»⁹, которая рассматривается здесь как субъект международного права, что явно выходит за рамки понятия автономии.

Следующим шагом в этом направлении были решения всеукраинских съездов (крестьянского, кооперативного, военного и др.). Наиболее радикальными являются резолюции военного съезда, где впервые звучат требования о «немедленном провозглашении особым актом принципа национально-территориальной автономии»; «немедленном назначении при Временном правительстве министра по делам Украины»; создании национальной украинской армии¹⁰, а также о представительстве Украины на мирной конференции.

Решения съездов обобщающе отражены в 9 пунктах Докладной записки Центральной Рады Временному правительству и Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов (30 мая). Записка носит двойственный характер. С одной стороны, в ней признавались немалые заслуги центральной власти в деле демократизации, повлиявшие на изменение «национального самопознания» и говорилось о своей лояльности: «искажая факты, ... распускаются слухи о том, что «хохлы хотят отделиться от России», ... мол их лозунг — «Украина — только для украинцев»¹¹, но, несмотря на это, Рада, «являясь нацио-

нальной спайкой для самых разнообразных сфер украинского народа», «играет сдерживающую и направляющую по организационному руслу роль»¹². Но далее начинается политический шантаж. Петроград обвиняют в «отрицательном отношении» к украинскому движению: «если не в открытом отрицательном отношении, то затушеванном или просто безразличном», что может привести к стихийным выступлениям и сецессии («а что будет, если мы отделимся от вас»)¹³. Поэтому единственным правильным выходом из положения будет немедленное удовлетворение требований, которые украинская демократия в лице Рады» и предлагает власти в Петрограде. Попутно замечается, что «Россия и без того находится в угрожающем положении, и без того нет дисциплины в армии, нет подвоза хлеба в стране»¹⁴.

Для обсуждения Докладной записки было учреждено Особое совещание, что говорит о безусловной важности данной проблемы. Причем правительство постановило Юридическому совещанию выработать особую мотивированную редакцию, что оно и сделало 10 дней спустя. В правительственном сообщении от 3 июня были следующим образом мотивированы основные, принципиальные соображения центра. Во-первых, Рада не может рассматриваться «правомочной в смысле признания ее компетенции на выражение воли всего населения Украины», т. к. она «не избрана всенародно». Поэтому вопрос об автономии как с формальной, так и с тактической стороны может решить только Учредительное собрание. Кроме того, нет «точного определения содержания понятия автономии Украины», а без него возможны недоразумения, в том числе и территориальные. В компетенцию же Учредительного собрания входят и проблемы как нового административного устройства Украины, так и учреждение особых комиссаров. Что касается украинизации войска, то «возможно временное разрешение этого вопроса лишь в объеме, указанном военным министром украинским организациям в Киеве»¹⁵. По поводу участия украинской стороны в международной конференции совещание высказалось отрицательно, «ибо в международной конференции принимают участие государства, а не народы»¹⁶. Было указано на сложности с украинизацией средней школы, т. к. учащиеся — в основном горожане и «неукраинского происхождения». Что же касается отпуска специальных средств из казны «на национально-культурные потребности, то они должны отпускаться органами местного самоуправления, а не государством»¹⁷. В заключении подчеркивается, что Временное правительство «признает национальные особенности... Украины и необходимость разрешения вопроса о будущем устройстве Украины, которое принадлежит Учредительному собранию»¹⁸. 6 июня «Киевская мысль» опубликовала этот документ.

7 июня В. Винниченко на II Всеукраинском съезде заявляет, что «мы свою национальную революцию творим сами. Отпор нас еще больше воодушевляет»¹⁹. А 10 июня появляется «I Универсал». Обвиняя Временное правительство в том, что оно, уклонившись от ответа об учреждении автономии, «отослало нас к будущему Учредительному собранию», «принудив самим творить свою судьбу»²⁰, члены Центральной Рады вроде как вынужденно делают еще шаги к суверенитету. Выдвигается идея созыва Всенародного украинского собрания (сейма), решения которого должны быть для Украины приоритетными в сравнении с решениями Временного правительства. Поднимается вопрос об «обложении населения особой податью на родное дело»²¹ (с 1 июля). Но нельзя забывать, что — вопрос о налогообложении — элемент государственного суверенитета.

В ответ на «I Универсал» выходит «Воззвание Временного правительства к украинцам», в котором правительство, «проникнутое живым сочувствием и сознанием долга перед украинским народом», «вменяло и вменяет себе в обязанность прийти к соглашению с общественно-демократическими организациями Украины» относительно... развития местного самоуправления, а со временем «в Учредительном собрании (Украины — М. С.) сумеют выковать для себя те формы государственного устройства, ... которые полностью отвечали бы их национальным стремлениям»²². Вместо конкретных динамичных действий по сути — прошение о гражданском повиновении, пассивность под видом сохранения легитимности.

Но обращения и призывы центра ситуации не изменили. В тот же день публикуется решение о создании Генерального секретариата²³. А через 10 дней Рада объявляет себя «не только исполнительным, но и законодательным органом всего организованного украинского народа»²⁴. Идея суверенитета высказана здесь достаточно четко: «Украинская демократия имеет свою собственную власть, которую сама создала и которой она целиком доверяет», при этом выражается «полное безразличие» Петрограду²⁵.

Далее принимается документ, получивший название «Формула перехода». В этом документе Генеральный секретариат называется «наивысшим народоправным органом украинского народа и его наивысшей властью», и ему вменяется в обязанность «в очередную сессию Центральной Рады представить доклад о созыве Украинского учредительного собрания»²⁶. Тем самым речь идет о фактической сессии, которой имеется в виду придать легитимность посредством общеукраинского голосования.

На сей раз действия Временного правительства достаточно оперативны. В Киев приезжают для переговоров Керенский, Терещенко

и Церетели. Судя по всему им удалось добиться неплохих, с точки зрения центра, результатов. Поворот в политике Украины был буквально на 180 градусов. Во «II Универсале» Украинской Центральной Рады (УЦР), изданном 3 июля, указывалось, что УЦР не помышляет о выходе из состава Российского государства: «Мы, Центральная Рада, всегда за то, чтобы не отделять Украину от России»²⁷. Власть Временного правительства безусловно приоритетна. Генеральный секретариат объявляется «носителем высшей краевой власти Временного правительства на Украине»²⁸. Все попытки «самочинного осуществления автономии Украины до Всероссийского учредительного собрания» решительно отвергались²⁹. УЦР должна быть пополнена представителями других национальностей. Что же касается армейских вопросов, то украинизация армии «будет представляться, с технической стороны, возможной без нарушения боеспособности армии»³⁰. В чем же заключался компромисс со стороны центра, что же такое пообещало Временное правительство Украине, что она кардинальным образом изменила свои программные требования?

Во-первых, Временное правительство отказывалось от прямого управления Украиной, передавая соответствующие функции Генсекретариату³¹, хотя формально состав последнего должен был определяться Временным правительством по согласованию с УЦР, т. е. центр внешне сохранил даже преимущество по отношению к периферии. На самом деле «нормативная власть фактического» и делала это состояние обратным: Генсекретариат уже существовал, и, разумеется, никто не собирался распустить его и создать новый по указке из Петрограда. Скорее формула соглашения могла быть истолкована таким образом, что она задним числом санкционировала утверждение центром возникшего без всякого согласования с ним органа власти. По сути, власть Генсекретариата получила столь необходимую ему легитимацию.

Во-вторых, хотя разрешение Раде разрабатывать проекты, касающиеся национально-политического положения Украины³² выглядело вполне невинно, включение в число соответствующих проблем крестьянской³³ означало, что, по сути, для Украины программируется свой особый, отличный от общероссийского путь аграрного развития, а это уже означало признание принципа «самостийности». Ссылка на необходимость утверждения украинских проектов общероссийским Учредительным собранием в этих условиях оказывалась «фиговым листком», чистой формальностью, прикрывающей благословение сепаратизму.

В-третьих, формула, заключавшая в себе отказ украинской стороны от «немедленного перехода к системе территориального комп-

лектования войск»³⁴ фактически содержала признание правомерности такого перехода в принципе.

Все эти положения, следует заметить, усиливали позиции сепаратистов потенциально, не предвещая пока еще их победу. Многое зависело от того, как соглашение будет претворяться в жизнь, что проявит себя как решающий фактор: стремление к компромиссу, инерция к сепаратизму или централистская реакция?

К сожалению, иоследующие события пошли по худшему сценарию: Временное правительство, очевидно, ободренное фактом поражения левоэкстремистских сил в ходе июльского кризиса, предполагало вообще «забыть» об июльском соглашении³⁵.

Со своей стороны УЦР, после некоторого смятения, вызванного восстанием «полуботковцев» в Киеве, предприняла акцию, в принципе выходящую за рамки договоренности с Временным правительством. В документе от 18 июля под названием «Основы временного управления на Украине» полномочия Генсекретариата распространялись на сферу военных дел, почтово-телеграфной связи, коммуникаций, финансов. За центральной властью оставалась, по сути, лишь сфера внешней политики³⁶.

Наиболее естественной реакцией на этот шаг УЦР со стороны Временного правительства было бы в принципиальном утверждении «Основ временного управления» и власти Генсекретариата на Украине с ограничениями в отношении компетенции последнего. Примечание к параграфу шестому «Статута Генерального Секретариата», которое говорит о возможности «непосредственного сношения некоторых органов управления с Временным правительством»³⁷ (т. е. о прямом подчинении их Петрограду) давало возможность к поискам компромисса.

Институциональную базу для его достижения могли представить переговоры между Временным правительством и делегацией УЦР, которые начались в Петрограде 16 июля.

Однако переговоры зашли в тупик. Нормальный их ход, безусловно, осложнило то обстоятельство, что статут Генсекретариата, который делегация УЦР везла с собой «в портфеле» в качестве основы для дискуссии, «буквально сразу же после начала переговоров явочным порядком оказался уже опубликованным и таким образом, вроде бы уже действующим документом. В то же время с российской стороны запугались в прессу «пробные шары», которые должны были еще больше скомпрометировать УЦР — например, насчет намерения включить в состав Украины территорию Бессарабии»³⁸.

В конце концов, все закончилось тем, что «Временное правительство» издало 4 августа «Временную Инструкцию Генеральному Сек-

ретариату Временного Управления на Украине». В ней не только уменьшалось число секретарей, но и вводилось совершенно произвольное квотирование по национальному признаку (больше половины госсекретарей должны были быть не украинцами) и территория Украины ограничивалась пятью губерниями³⁹.

Если изъятие из компетенции УЦР функций военного характера, управление средствами связи и путями сообщения еще можно было понять как воплощение идеи федерации (хотя односторонняя форма этого акта могла вызвать возмущение), то остальные положения этого документа были прямой провокацией, которая лишь могла подстегнуть националистические эмоции.

Трудно понять мотивы авторов этого документа: если они хотели вызвать взрыв, то вряд ли был рассмотрен вопрос о том, как на него реагировать.

Разумеется, УЦР не замедлила с эскалацией мер в сторону сепаратизма.

В. Ф. Верстюк полагает, что Рада не пошла на конфронтацию с Временным правительством, фактически подчинившись «Инструкции» от 4 августа⁴⁰. В такой форме с этим тезисом трудно согласиться. Достаточно вспомнить о резолюции Рады от 9 августа, бичующей «империалистические тенденции русской буржуазии в отношении Украины»⁴¹, бойкот Государственного Сопровождающего, Декларацию Генсекретариата от 24 сентября, вводящую явочным порядком структуру управления, на которую Временное правительство наложило вето⁴². Собственно, и цитируемое В. Верстюком высказывание о переходе к «революционной работе» говорит против его тезиса о компромиссном характере политики УЦР⁴³.

Разумеется, такая позиция Рады вовсе не создает «алиби» для политики Временного правительства⁴⁴. Она действительно имела имперский, великодержавный характер, и причина краха Временного правительства была вовсе не в том, что оно будто бы «потакало» центробежным тенденциям в тогдашних национальных кругах.

Примечания

¹ В начале XX в. на Украине только в угольной и металлургической промышленности принимали участие 112 французских, бельгийских и немецких компаний с капиталом в 315,9 млн. руб. // История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 5. С. 24. См. также Яворский М. Україна в епоху капіталізму. Харків, 1924. Гл. 3.

² Это не означает, что не развивалась русская национальная идея, истоки которой восходят к «Слову о законе и благодати» киевского митрополита Илариона (XI в.). Разработкой этих вопросов занимались И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Е. Н. Трубецкой, Ф. М. Достоевский. Представители нашего философского ренессанса XX в. Л. П. Карсавин, Вяч. Иванов, Н. Бердяев — посвятили этому феномену специальные работы. См.: Русская идея. М., 1992. Но развитие русской национальной идеи шло как бы в параллельной плоскости к той официальной доктрине, которая насаждалась в государстве.

³ Русская же интеллигенция в это время делала лишь робкие попытки. Так, в 1888 г. в Париже (!) Влад. Соловьев выступает с лекцией «Русская идея», где говорит, что «идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что вы думаете о ней в вечности» (Соловьев В. С. Сочинения. Т. 2. М., 1989. С. 220). Лекция была опубликована в России лишь в 1903 г., после смерти ученого, в научном журнале «Вопросы философии и психологии». В отличие от мессианских идей русских философов, украинцы больше внимания уделяли прикладному характеру своих теорий.

⁴ Источниковая база для изучения этой темы за последнее время пополнилась изданием в Киеве в 1996 г. I тома «Документов и материалов Украинской Центральной Рады», охватывающих период с 4 марта по 9 декабря 1917 г., а также совместного украинско-американского издания «Воспоминаний» П. Скоропадского.

⁵ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. I. Київ. 1996. С. 37.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Вестник Временного правительства. 1917, 20 марта.

⁸ Українська Центральна Рада. С. 58.

⁹ Там же. В сборнике составителями делается предположение, что речь идет «про конференции, которые периодически собирались странами Антанты для обсуждения экономических и военных проблем». С нашей точки зрения, это предположение не верно, т. к. во всех документах, где ставится эта проблема, *всегда* говорится о мирной конференции, и нигде не употребляется множественное число.

¹⁰ Революция и национальный вопрос. М., 1930. — С. 142. Была высказана идея и об «украинизации» Черноморского флота и части Балтийского: «... в Балтийском флоте скомплектовать некоторые корабли исключительно из команд украинской национальности; что касается Черноморского флота, то принимая во внимание то обстоятельство, что этот флот и в настоящее время состоит в подавляющем большинстве из украинцев, Съезд признает необходимость в дальнейшем пополнять его исключительно украинцами». Там же.

¹¹ Українська Центральна Рада. С. 95.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Там же. С. 94.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Революция и национальный вопрос. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 60.

¹⁷ Там же. С. 61.

¹⁸ Там же. Киевская мысль. 1917. 8 июня.

¹⁹ Киевская мысль. 1917. 8 июня.

²⁰ Конституційні акти України. 1917—1920. Київ, 1992. С. 58—59.

²¹ Там же.

²² Вестник Временного правительства. 1917. 17 июня.

²³ Українська Центральна Рада. С. 127.

²⁴ Киевская мысль. 1917. 27 июня.

²⁵ Правда, Рада отдает себе отчет в некоторой шаткости своих позиций, огорчиваясь, что украинское руководство «вступило в ту зону, где стираются границы двух властей — нравственной и публично-правовой». Там же.

-
- ²⁶ Революция и национальный вопрос. С. 166.
- ²⁷ Конституційні акти України. С. 61.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 62.
- ³¹ Киевская мысль. 1917. 4 июля.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Вызывает недоумение тот факт, что проблема июльских договоренностей полностью выпала из пока единственной монографии о деятельности УЦР. См.: О. А. Кониленко «Сто днів» Центральної Ради. Київ, 1992.
- ³⁶ Революция и национальный вопрос. С. 173—174.
- ³⁷ Українська Центральна Рада. С. 181.
- ³⁸ Там же. С. 194.
- ³⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 5 августа.
- ⁴⁰ Історія України: нове бачення. Ч. 2. Т. 2. Київ. 1996. С. 19—20.
- ⁴¹ Українська Центральна Рада. С. 249.
- ⁴² Киевская мысль. 1917. 24 сентября.
- ⁴³ Історія України: нове бачення. Т. 2. С. 2.
- ⁴⁴ См.: Соколова М. В. Великодержавність проти націоналізму: Временное правительство и Украинская Центральная Рада (февраль-октябрь 1917 г.) // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995.

Кирилл Галушко

ВЯЧЕСЛАВ ЛИПИНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Проблема исторических взаимоотношений Украины и России является во многом наиболее больным местом в современном взгляде друг на друга двух близких народов. Устойчивые стереотипы, сложившиеся за долгое время мифы, попытки разделить порою общее прошлое или соединить несоединимое, политизированность взглядов на историю, разные мировоззренческие установки, — все это отразилось не только на массовом сознании, но и на научных исследованиях в наших странах. Объективное исследование, имеющее задачей отойти от императива «русского» или «украинского» взгляда на историю отношений, наталкивается на опять-таки вполне объективные и, пожалуй, неминуемые препятствия. Закономерным результатом подобных попыток является главным образом постановка проблем, акцентуализация каких-то ключевых моментов, но отнюдь не разрешение противоречий и достижение консенсуса, — в силу того, что тогда возникают общеметодологические проблемы интерпретации исторического процесса, и круг вопросов, соответственно, разрастается. Но бесспорным является то, что любая попытка выведения «однозначных», «черно-белых» эмоций на периферию своего восприятия соседа полезна своим смягчением болезненных моментов и разного рода комплексов, а эвристический потенциал подобных «точек напряжения» несомненно велик.

В этом контексте значительный интерес представляет изучение эволюции взглядов и представлений об истории отношений с каждой стороны, ибо позволяет обнаружить во «внутренних» плюрализмах восприятий потенциал сближения. Именно попыткой осветить малоизученный взгляд на украинско-российские взаимоотношения и является эта статья.

Вячеслав Казимирович Липинский (1882—1931) — выдающийся историк, политический теоретик и социолог, наиболее, пожалуй, оригинальный украинский мыслитель XX века¹. Его исторические и политические воззрения (окончательно оформившиеся к началу 1920-х годов) являли собой альтернативу господствовавшим в украинском обществе представлениям об истории и путях возрождения нации.

История в украинской общественно-политической жизни, начиная с известной «Истории русов», играла роль академического обоснования политических притязаний (вплоть до «простейших», — например доназывания самого существования в природе украинского этноса). Вячеслав Липинский, как и его оппоненты, не представлял в этом смысле исключения. Поэтому, когда мы говорим об альтернативе Липинского, то имеем ввиду прежде всего новое осмысление украинской истории и выработку на этой основе политической доктрины. Если наиболее популярными среди национальной интеллигенции были социалистические взгляды, связанные с марксизмом и драгомановской традицией и опиравшиеся на народническую историческую школу М. С. Грушевского, то Липинский стал основателем государственнической школы в истории² и консервативной доктрины в политике. Его исторические работы посвящены исследованию роли шляхетской элиты и государственности в Украине середины XVII века³. Концептуально оформляются его взгляды с 1919 года, когда после завершения дипломатической деятельности в качестве посла Державы гетмана П. Скоропадского и Директории УНР, он остается в Австрии в качестве идейного лидера консервативно-монархической эмиграции. В этот период его исторические и социально-философские изыскания посвящены поиску причин поражения национальных государственных образований 1917—1920 годов.

Результатом явилось появление трактата «Письма к братьям-хлеборобам»⁴, писавшегося с 1919 по 1926 год. Данный трактат выполнял функции как политического консервативного манифеста, так и синтетического исследования на стыке разных областей социального знания — истории, социологии, философии, политической науки. «Письма...» явились своеобразной вершиной пирамиды, основание которой составили предшествующие исторические работы Липинского. Можно утверждать, что его историческая концепция явилась обоснованием и фундаментом концепции политической. Исследование процессов государственного строительства и роли в нем элиты путем аналогий приводило к идеям государственности, авторитарного консенсуса и элитаризма. Подобным утилитаризмом (вероятнее всего неосознанным) можно объяснить некоторый схематизм и порою упрощения в его версии истории Украины. Еще понятней это становится, если учесть то, что Липинский первым на Украине, под влиянием идей Ж. Сореля и Ш. Моррасса, использовал понятие «исторической легенды» (мифа)⁵ и задумался над ее ролью в восприятии прошлого. Можно допустить, что история «от Липинского» должна была стать новой «легендой», новым историческим мифом, который

бы легитимировал его политические построения в случае их реализации на практике.

Таким образом, мы имеем определенную историческую мифологию, обосновывающую политические цели. Но, что интересно, хотя эта мифология возникла во многом как болезненная реакция на поражение в 1917—1920 годов (как писал сам Липинский, «Письма к братьям-хлеборобам» появились от огромной боли, от ... разрушения всех надежд»⁶), эта реакция не вылилась в популярную идею поиска «врага» вовне, каким тогда для многих стала Россия. В этом смысле взгляд Липинского, несомненно, оригинален. Его видение исторических взаимоотношений с Россией не претендовало на всеохватывающую рациональность и объективность, но эмоции в нем играют определенную роль лишь в вопросах политических ценностей и не ведут к этническим антагонизмам.

Если коснуться вкратце методологии Липинского, то в ее основе лежит анализ сосуществующих социальных структур и политических культур взаимодействующих обществ⁷. Исследователи отмечают в этом влияние социологической школы Э. Дюркгейма и элитаризма В. Паретто⁸. В «Письмах...» (а именно они являются основой нашего анализа) Липинский использует архаичную терминологию и собственную систему универсальных категорий, что вместе несколько затрудняет адекватное прочтение в рамках современных научных понятий. Однако пример систематизации политических построений Липинского директором института им. Липинского в Филадельфии Я. Пеленским⁹ говорит нам о принципиальной возможности реконструкции его общего видения украинско-российских взаимоотношений. Напомним, что до своей смерти в 1931 г. Липинскому так и не удалось осуществить планируемое целостное изложение своей исторической концепции. Поэтому мы используем в нашем (собственно реферативном) изложении разбросанные и разрозненные отрывки из различных частей его обширного труда. Отметим также предварительно, что в силу вышеизложенного полученная схема дискретна и имеет лакуны.

Вячеслав Липинский не поднимает проблему принадлежности наследия Руси, поскольку, особенно в начальный период ее истории, он не считает Русь собственно этнически славянским государственным образованием. Он видит роль древнерусского государства лишь в качестве определяющего фактора нивелирования племенных различий, что создало условия для дальнейшего формирования украинского, русского и белорусского этносов¹⁰. Но, с другой стороны, именно в социальной организации Руси он видел истоки дальнейших проти-

воречий между Украиной и Россией. В основе этой организации лежал отличный от западноевропейской модели принцип поземельных отношений, который определялся не крупным феодальным землевладением, а государственной эксплуатацией сельских общин. Господствующей социальной группой являлась княжеская дружина (сначала иноэтничная — варяжская), члены которой первоначально не владели землей и существовали за счет доли в даях, взимавшихся в пользу государства¹¹. Подобный тип социального устройства (т. е. различные формы государственной эксплуатации и унификации этнически неоднородного населения при слабом корпоративном структурировании общества) определен у Липинского термином «охлократия», в смысле не «власти толпы», а «власти над толпою», воплощения имперского принципа.

В XII—XIII веках формируются две альтернативы развития: Галицко-Волынское княжество, где охлократия слабеет, и Северо-Восточная Русь, которая остается инвариантом охлократической системы. В Галиче решающую роль играет корпоративное сознание и крупное феодальное землевладение местной боярской элиты. Развитие подобной тенденции Липинский считал позитивным, поскольку это способствовало высвобождению общества из-под контроля государства, причем в подобном контексте «общество» («громадянство») воспринимается скорее как гражданское общество. Липинский был против «неограниченной власти государства над обществом». Это является одним из парадоксов в концепции ученого, поскольку он доказывал необходимость для Украины именно сильного государства, но одновременно испытывал (приводя иные примеры) к такому государству недоверие, и, таким образом, выступал то в роли консерватора-авторитариста, то в роли консерватора-либерала¹². Суть дела, видимо, в том, что свое государство — все-таки меньшее зло, чем его отсутствие.

В XIV—XVI веках происходит консервация государственных форм эксплуатации на территории Московского государства под влиянием сюзеренитета Орды. Имевшая уже ранее место охлократия усиливается под влиянием охлократии ордынской, восточно-деспотической, которую и можно представить идеально-типическим воплощением данной формы социальной организации. В дальнейшем, особенно в период опричнины, происходит усиление контроля самодержавного государства над боярской элитой¹³. В обществе укрепляется «монолог» власти, «диалог» с сословиями становится невозможным. По мнению Липинского, альтернативой подобной системе (другим ключевым понятием) является социальная организация по принципу «классократии» (власти сословий), которая определяется разви-

тым корпоративным структурированием общества, соответствующей политической и правовой культурой. Подобная система, по Липинскому, существовала в тот же период в Западной Европе. Регион между этнической Польшей и Россией в таком случае можно считать полем столкновения принципов классократии и охлократии.

Во второй половине XVI — первой половине XVII века украинский социум, находясь в составе Речи Посполитой, переживает противоречивый и незавершенный процесс смены элит («национальных аристократий»): национальный организм утрачивает колонизированную старую элиту, формируется новая элита — православная шляхта и городское казачество. Параллельно происходит усвоение политической культуры корпоративно-сословных прав и свобод.

Вторая половина XVII — начало XVIII века — период столкновения политической и правовой культуры местной украинской элиты с унифицирующим и надэтническим принципом охлократии. В условиях незавершенности формирования новой элиты, борьбы государственной и антигосударственной тенденций в обществе Украина включается в имперскую систему. По мнению Липинского, негативную роль сыграла неудача легитимации государственности через династический принцип (перенесения харизмы Богдана Хмельницкого на его потомство и утверждения преемственности власти «в роду»)¹⁴.

В XVIII—XIX веках Российская империя, несмотря на попытки модернизации, сохраняет системообразующие признаки охлократии — контроль самодержавного государства над обществом, унификация полиэтнического населения, всевластие государственно-бюрократического аппарата. Включение Украины (или украинцев) в систему упрощается имперским принципом, тем что Российская империя не была, по Липинскому, органичным национальным русским государством¹⁵.

С 1917 года на Украине, в силу социальной неполноты нации (носителями украинской идентичности являлись лишь «хлеборобский класс» и национальная интеллигенция), происходит монополизация власти социалистической интеллигенцией в лице Центральной Рады и Директории УНР. Идея национального консенсуса не получила поддержки, демократическое правление основывалось на концепции этнической нации, в результате чего часть общества, способная к квалифицированному администрированию, но не являвшаяся украинской (бюрократия, дворянство, буржуазия), оттирается на периферию политической жизни и лишается даже возможности перейти в украинский лагерь. Социалистическая интеллигенция оказывается неспособной удержать государственность (к которой и не стремилась) от гибели в социальном хаосе, при торжестве деструктивных

настроений масс. К демократии, по мнению Липинского, Украина оказалась не готова, ее установление явилось попыткой симитировать чужую политическую культуру в условиях всеохватывающего общественного кризиса. Демагогия социалистов привела к падению Державы гетмана П. Скоропадского, которая явилась одинокой попыткой нормализации общественной жизни с помощью авторитарной власти. Победила антигосударственная тенденция¹⁶.

Интересным представляется то, что Вячеслав Липинский не видел существенной разницы между Российской империей и Советской Россией. Он считал, что после 1917 года сущность принципа власти не изменилась, поменялась лишь форма. При правлении большевиков сохранились все характерные принципы оклократии — тотальный контроль государственно-бюрократического аппарата, эксплуатация государством полиэтнического населения, унифицирующий имперский принцип¹⁷. Ситуация периода 1917—1920 годов в изложении Липинского напоминает его характеристику второй половины XVII вена: социально неполное украинское общество идейно и психологически не готово к удержанию государственности и независимости. В результате — включение в надэтническую империю.

Исходя из вышеизложенного, можно признать, что подобный взгляд на украинско-российские взаимоотношения прежде всего оригинален тем, что он выходит за рамки этнически окрашенной системы оценок. И, безотносительно к критике конкретно-исторических построений Липинского, нельзя не отметить, что в этой ретроспективе ученый обращает внимание не на нации, а на социумы. Корень конфликтов виделся Липинскому в несовпадении образа жизни, социальной организации, политической и правовой культуры, а не в том, что одни были украинцы, а другие русские. В границах этого видения перспектива отношений выглядит как работа каждого «над собой», высвобождение в Украине и России гражданского общества из объятий нивелирующего государственного контроля, наполнение государства новым позитивным смыслом как гаранта стабильности (а не сверхсимвола и воплощения мифа могущества), осознание идеи общественного консенсуса, попытка избавиться от комплексов неполноценности.

Позиция Вячеслава Липинского — это взгляд в равной мере историка и социолога, ученого и политика, украинца в душе и поляка по крови, человека равнодушного и ангажированного. Главное же, пожалуй, в том, что его «историческая мифология» конструктивна, и поэтому, мы надеемся, станет объектом изучения не только в Украине, но и в России.

Примечания

¹ См. библиогр. в: Harvard Ukrainian Studies. 1985. Vol. IX No. 3/4.

² Влияние концепции Липинского на историографию затрагивалось в работах Л. Біласа и Н. Яковенко: Білас Л. Вячеслав Липинський – історик // Липинський В. Студії. Т. 1. К.-Філадельфія, 1994. С. 30—41; Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. — К., 1993. С. 18—20.

³ Липинський В. Твори. Т. 1—3. Філадельфія, 1978—1991.

⁴ Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Відень, 1926. Новое издание: Липинський В. Твори. Т. 6. Кн. 1. — К.-Філадельфія, 1995.

⁵ Білас Л. Вячеслав Липинський — історик кризової доби // Липинський В. Твори. Т. 3. Філадельфія, 1991. С. XXVI—XXVIII.

⁶ Цит. по: Пизюр Є. Вячеслав Липинський і політична думка західного світу // Сучасність (Мюнхен). 1969. № 9. С. 103.

⁷ Анализу социальных структур и их влиянию на взаимоотношения стран посвящен значительный раздел трактата Липинского: Липинський В. Твори. — Т. 6. Кн. 2. К. — Філадельфія, 1995. С. 111—343.

⁸ Проблема «влияний» на Липинского рассмотрена в работах: Білас Л. Краків, Женева і філіяція «Кричевського». До родовідної мислення Липинського // Липинський В. Твори. Т. 2. С. XVII—XCVIII; Ісаїв В. Політична соціологія Вячеслава Липинського // Сучасність. 1984. № 6. С. 81—95.

⁹ Pelenski J. V. Lypyns'kyj and the Problem of the Elites // Harvard Ukrainian Studies. 1985. Vol. IX. No. 3/4.

¹⁰ Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Відень, 1926. С. 317.

¹¹ Там же.

¹² Липинский считал образование украинского государства необходимым условием создания нации, но как реакция на роль такового в Российской империи у него периодически встречаются идеи, близкие к оценке государства как «ночного сторожа».

¹³ Липинський В. Листи... С. 319.

¹⁴ Этой проблеме Липинский уделил значительное внимание в своей исторической работе «Україна на переломі (1657—1659). Замітки до історії українського державного будівництва у XVII сторіччі» (Відень, 1920 или: Твори. — Т. 3).

¹⁵ Липинський В. Листи... С. 317.

¹⁶ Там же. С. 3—62.

¹⁷ Там же. С. 321.

Геннадий Матвеев

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЙ КОНФЛИКТ В ПЛАНАХ ПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И ВОЕННЫХ КРУГОВ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Вопрос о роли российско-украинских отношений в планах польских политических и военных кругов в межвоенный период уходит своими корнями, по крайней мере, в начало XIX в. Именно тогда И. Лелевель сформулировал свое известное положение, что одной из основных причин разделов Речи Посполитой стало ее географическое положение между Россией и Пруссией, между «молотом и наковальней» и неспособность поляков обезопасить свое государство от их экспансионизма. На протяжении всего XIX и начала XX в. в польских политических кругах не прекращались дискуссии о том, как восстановить Польское государство, на какие общественные силы следует опираться, наконец, где искать союзников в борьбе с могущественными монархиями, в состав которых были включены польские земли.

На рубеже веков определились две основные позиции, сторонники которых имели общую цель — независимую Польшу, но кардинально различались в оценке путей ее достижения и обеспечения будущей безопасности.

Национальные демократы и их лидер Р. Дмовский главную опасность для дела возрождения Польши и поляков как нации видели в Германии. Поэтому они считали, что польский вопрос следует решать в опоре на Россию, поэтапно, вначале добиваясь автономии, а затем и полной самостоятельности. С союзом с Россией они связывали также надежды на освобождение поляков из-под господства Пруссии и Австрии. Будущая Польша должна была бы включить в свой состав ряд бывших территорий Речи Посполитой, где польское культурное и экономическое присутствие было достаточно сильным, чтобы обеспечить прочную интеграцию населявших их «неисторических» народов в Польское государство. Остальная же часть должна была остаться за Россией. При таком полюбовном разрешении «спора славян между собой» Варшава получала бы прочный тыл и могла решительно противостоять натиску немцев. Стремясь к реализации своей концепции, Р. Дмовский уже в годы первой русской революции приступил к налаживанию сотрудничества с правительственными кругами Пе-

тербурга и теми российскими политическими партиями, которые допускали возможность изменения статуса Царства Польского.

ППС во главе с Ю. Пилсудским, а затем и весь лагерь так называемых «независимовцев» основное препятствие на пути Польши к независимости видели в России, владевшей большей частью земель Польши и бывшей Речи Посполитой. Многонациональный характер Российской империи и полное игнорирование Петербургом справедливых требований народов окраин, по их мнению, рано или поздно должны были привести к ее распаду по национальным швам. В результате в полосе между Великороссией и Польшей должен был возникнуть ряд независимых государств, которые стали бы своеобразным буфером между Москвой и Варшавой, освободили Польшу от угрозы русского империализма¹, а тем самым облегчили ее успешное противостояние Германии. В этом случае в качестве дополнительной гарантии безопасности от русского экспансионизма предполагалось налаживание федеративных отношений с будущими восточными соседями Польши. Поэтому в качестве возможных союзников рассматривались все сепаратистские партии народов России, а в 1905 г. даже Япония.

С образованием независимого Польского государства в ноябре 1918 г. споры относительно условий национальной безопасности из теоретической плоскости перешли в область реальной политики. То обстоятельство, что у руля польского государства в момент, когда определялись его внешнеполитические приоритеты и союзники, оказался Ю. Пилсудский, в немалой степени предопределило общий климат международных отношений в регионе, лежащем между этнической Польшей и этнической Россией. Начальнику польского государства вовсе не были чужды экспансионистские устремления, хотя он предпочитал прикрывать их красивыми словами о праве всех народов самостоятельно решать собственные судьбы. Наиболее известным документом такого рода является его воззвание «К жителям бывшего Великого княжества Литовского» от 22 апреля 1919 г. Истинные взгляды Пилсудского в это время наиболее адекватно, пожалуй, переданы его личным секретарем в 1918—1922 гг. К. Свитальским, сделавшим в своем дневнике в конце 1919 г. следующую запись: «Не следует принципиально противопоставлять аннексионистскую и федералистскую концепции, одна не исключает другой, дело только в возможности поставить федералистское решение впереди, чтобы в случае, если ее не удастся реализовать, оставался второй выход»².

Развитие событий в России, начиная с 1917 г., в основных чертах подтверждало ожидания и прогнозы Пилсудского. Империя погрузи-

лась в состояние хаоса и гражданской войны, на ее окраинах одно за другим возникали национальные правительства. Особый интерес вызывало у Пилсудского развитие событий в Литве и Украине, которые могли сыграть роль щита между белой или красной Россией и независимой Польшей. Однако очень скоро, уже весной 1919 г., стало ясно, что вероятность воссоздания польско-литовской федерации крайне невелика, поскольку политики Ковно отрицательно отнеслись к такой идее. В конечном счете Пилсудский пошел на захват Виленской области с помощью военной силы и ее последующее включение в состав Польши вопреки протестам Литвы, лишившейся в результате этой акции своей исторической столицы.

Более перспективным оказалось украинское направление, точнее Украинская Народная Республика. Уже в конце ноября 1918 г. Киев посетили эмиссары Пилсудского, вступившие в контакт с Директорией³. Контакты с правительством Петлюры продолжались и в следующем году. Хотя тесное сотрудничество на антироссийской платформе отвечало интересам обеих сторон, наладить его было не легко из-за войны Польши с Западно-Украинской Народной Республикой, формально объединившейся с УНР⁴. Тем не менее, не будучи в силах противостоять наступающей Красной Армии, Директория уже в конце мая 1919 г. согласилась признать границу Польши по линии реки Стырь взамен за военную поддержку против большевиков. Следующим важным этапом польско-украинского сближения явилось заключение перемирия 1 сентября 1919 г. Но оно не повлекло за собой непосредственного боевого взаимодействия сторон, на что, несомненно, надеялся Петлюра. В секретной инструкции Главного командования Польской армии командующим Волинского и Галицийского фронтов от 25 августа 1919 г. об отношении к Петлюре, подписанной С. Галлером, говорилось, что до окончания переговоров с ним, которые не гарантируют Варшаве «политических компенсаций», не следует оказывать украинцам активной помощи⁵. Да и сдержанная позиция Парижа и Лондона в отношении правительства Петлюры не требовала от Пилсудского принятия быстрого решения.

На рубеже 1919—1920 гг. Пилсудский окончательно выбрал активный вариант своей восточной политики. Польская армия перешла определенную Антантой линию границы на Волыни. Петлюра, теснимый Деникиным, был принят в Польше и выразил готовность заключить с Варшавой военно-политический союз. Готовя превентивный удар в направлении Киева в связи с ожидаемым наступлением Красной Армии, Пилсудский с начала весны 1920 г. во главу своей стратегической концепции поставил проблему взаимодействия с

Петлюрой. Политический договор и секретная военная конвенция, заключенные 21 и 24 апреля 1920 г. с УНР, стали «формальным актом, предопределившим смену враждебных отношений на дружественные между Польшей и Украиной»⁶. Содержание этих документов хорошо известно⁷. Помимо военной конвенции 9 августа 1920 г. между польским министерством финансов и правительством УНР был заключен договор о займе на покрытие последним расходов на гражданскую администрацию. Его размер должен был определяться ежемесячно, причем на первый месяц было выделено 25 млн. польских марок. Конечно, поддержка Польшей УНР вовсе не имела филантропического характера. В июне 1921 г. Петлюра жаловался, что польская помощь была значительно меньше общей стоимости имущества, вывезенного польскими войсками из Украины⁸.

Существенная помощь была оказана Варшавой Петлюре на международной арене. По личной просьбе Пилсудского в июне 1920 г. УНР была признана Финляндией. После подписания Варшавского договора украинские посольства и миссии, общим числом 13, были направлены в основные европейские государства.

Польско-украинский военно-политический союз формально утратил силу 18 октября 1920 г., после прекращения военных действий на польско-советском фронте, но фактическое активное военное сотрудничество продолжалось еще не менее года. После того, как украинские войска были выбиты с позиций за Збручем и 21 ноября 1920 г. ушли в Польшу, они были разоружены и интернированы в нескольких лагерях: Калише-Шчиперне, Александрове-Куявском, Стшалково, Ланьцуте и Вадовице. Интернирование было не каким-то недружелюбным жестом, а только формой убежища, предоставленного значительной массе эмигрантов на территории Польши. По приблизительным подсчетам в Польше оказалось от 35 до 40 тыс. украинских эмигрантов, из них более 10 тыс. были размещены в лагерях⁹.

После подписания Рижского мирного договора 1921 г. из интернированных украинцев при содействии польских спецслужб были созданы три отряда под командованием Ю. Тютюнника, Д. Палиева и Гуляй-Гуленко, которые в октябре-ноябре 1921 г. вторглись с территории Польши и Румынии в Украину с целью вызвать там восстание, но вскоре были разгромлены и вернулись обратно. Лагерь для интернированных просуществовали в Польше до 1924 г. Находившиеся в них военнослужащие армии УНР сохраняли свою организацию, а отношение польских властей, особенно военных, было к ним самым доброжелательным¹⁰. Оказавшиеся в эмиграции политики УНР даже вынашивали планы превращения Восточной Галиции в своего рода

украинский Пьемонт, но не встретили поддержки у польской стороны, трактовавшей этот район как интегральную часть Польши¹¹.

Положение эмигрантов из УНР в Польше стало меняться к худшему после ухода Пилсудского в 1922—1923 гг. с государственных и военных постов и перехода внешней политики Польши под контроль право-центристских партий, стремившихся урегулировать отношения с СССР. Эта тенденция была немедленно замечена в Москве, реакцией которой стало прекращение в 1924 г. диверсионно-повстанческих действий на территории Западной Украины и Западной Белоруссии.

Но все же контакты с украинской военной эмиграцией сохранились вплоть до майского государственного переворота 1926 г., осуществленного Ю. Пилсудским. В справке, подготовленной экспозитурой № 2 II отдела Генштаба Польши в конце 1938 г., отмечалось: «В Генеральном штабе и министерстве иностранных дел прометейское дело (такое наименование получила проводившаяся в межвоенный период польскими военными и дипломатами политика поддержки антисоветских нерусских эмигрантских организаций — Г. М.), хотя и не находило отражения в нашей восточной политике, не было полностью заброшено. Оно только сошло с уровня начальника штаба и министра на уровень руководителей отделов и начальников, и сохранялось там благодаря тому, что в штабе остались Т. Шетцель, В. Енджеевич, Чарноцкий, а в МИД — Лукасевич, Кноль... начальник восточного отдела в МИД Лукасевич помог Т. Голувке наладить финансирование прежде всего украинских и грузинских организаций»¹².

После мая 1926 г. происходит не только оживление, но и пересмотр программы политического и военного сотрудничества с прометейским движением, в том числе и с украинцами из УНР. Общее руководство было возложено Пилсудским на генерала Ю. Стахевица, с ним взаимодействовали Генеральный штаб, министерство иностранных дел и министерство внутренних дел. В Генштабе за это направление деятельности отвечал начальник II отдела полковник Т. Шетцель, в МИД — начальник восточного отдела Т. Голувко, в МВД — начальник отдела национальностей Х. Сухенек-Сухоцкий. К сотрудничеству были привлечены Восточный институт и Украинский научный институт.

Реорганизации подверглись формы военного сотрудничества, в том числе и с украинской эмиграцией, были сформированы штабы. Принципы деятельности украинского штаба, сформулированные в 1927 г. полковником Т. Шетцелем, предусматривали, что он является дружественной Польской армии военной организационной единицей, которая временно находится на территории Польши и пользуется технической и материальной помощью польского Генштаба. В зада-

чи украинского штаба входили подготовительная мобилизационно-оперативная деятельность, разведка и пропаганда. В 1928 г. в Польскую армию на контрактной основе была принята первая группа украинских офицеров из числа эмигрантов¹³. На 31 декабря 1938 г. в Польской армии по контракту служили 40 украинских офицеров, в том числе 2 подполковника, 17 майоров, 8 капитанов, 10 поручиков, 1 подпоручик и 2 подхорунжих. По численности эта группа уступала только грузинской, насчитывавшей 51 человека¹⁴.

До 1932 г. польская сторона не очень скрывала факт сотрудничества с представителями прометейской эмиграции на уровне государственной администрации, армии и дипломатических служб, хотя оно и не имело государственно-правовых форм. Наиболее активным польско-украинское сотрудничество было на Волыни, где осела значительная часть петлюровцев, особенно в 1928—1938 гг., когда воеводой здесь был Х. Юзевский, поляк, легионер, министр в правительстве Петлюры в 1920 г.

В 1932 г. был подписан польско-советский договор о ненападении, ст. 3 которого содержала обязательство сторон не «принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне»¹⁵. С этого момента отношения между польскими властями и эмигрантами стали скрываться более тщательно, произошли изменения в распределении обязанностей между Генштабом и МИД в пользу первого¹⁶.

В историографии широко распространено мнение, что договор о ненападении 1932 г. явился важным рубежом в истории польско-советских отношений¹⁷. Совершенно по-иному его оценивали польские военные: «Руководители прометейской эмиграции прекрасно поняли тактический, а не существенный шаг в польской восточной политике, сделанный пактом о ненападении, и не утратили веры в прочность заключенных с ними союзов. Правда, вначале вызвала определенные опасения проблема реакции и оценки пакта со стороны национальных масс в прометейских странах, а также более широкого общественного мнения эмиграции, но здесь не было никаких осложнений. Без преувеличения следует сказать, что обаяние имени Юзефа Пилсудского и понимание в рядах эмиграции, что под его руководством наша внешняя политика будет использовать пакт как инструмент для того, чтобы ставить в сложное положение Советы, оказались достаточными для устранения опасений»¹⁸. И хотя сам Пилсудский в это время из-за болезни уже не принимал видных представителей эмиграции, но интереса к ней не утратил, получая информацию от генерала Ю. Стахевича.

Украинская эмиграция, наряду с кавказской, продолжала привлекать основное внимание польских военных и дипломатических

кругов и в 30-е гг., которые особенно интересовались пропагандистско-издательской деятельностью, рассчитанной на собственную среду, на родину и мировое общественное мнение. Что же касается диверсионно-подрывных действий, то из-за разгрома антисоветских организаций на Украине их пришлось ограничить, концентрируясь прежде всего на сохранении контактов и связей с законспирированными организациями на местах, в частности, с остатками Союза освобождения Украины, разгромленного в 1929 г. На изменение подхода к эмиграции влияли и другие факторы. Украинские эмигранты в Польше старели, умирали, уезжали в другие страны в поисках средств существования. Это серьезно снижало их значение как боевой силы. Определенные трудности возникали в связи с тем, что в ряде европейских стран наблюдалась тенденция к ограничению свободы антисоветской деятельности эмигрантских организаций. Серьезную конкуренцию Польше стала оказывать гитлеровская Германия, интересы которой на востоке практически покрывались с интересами Варшавы, и которая имела то преимущество, что располагала большими материальными возможностями. Это был весьма существенный момент, поскольку с начала экономического кризиса 1929—1932 гг. Польша вынуждена была сокращать финансовую помощь прометейским организациям. Так, если в 1931—1932 гг. она составила 1 263 709 злотых, то в 1937—1938 гг. сократилась до 803 110 злотых. На 1938—1939 гг. расходы Генерального штаба на прометейскую акцию планировались в размере 334 тыс., а МИД — 477 тыс. злотых¹⁹.

Тем не менее, в польских военных кругах в конце 30-х гг. существовало убеждение, что это сотрудничество следует активизировать. И сделать это считали нужным по двум причинам. Во-первых, эмигранты из УНР должны были пропагандой своей идеологии способствовать распространению антирусских и антисоветских настроений среди украинского населения Польши, особенно Восточной Галиции, а также ослаблению влияния антипольской ОУН. Во-вторых, тесное сотрудничество со всеми эмигрантскими организациями народов СССР должно было послужить Польше на случай военного конфликта с СССР. В связи с этим знаменателен один из пассажей уже неоднократно цитированного документа экспозитуры № 2 II отдела Генштаба: «Российское государство вследствие своего положения и размеров сможет вести оборонительную войну до тех пор, пока будет в состоянии удерживать свою целостность по национальным швам. Когда они начнут трещать — оно будет побеждено. Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто-то будет участвовать в разделе. Польша не может оставаться пассивной в этот знаменательный исторический момент. Она должна подготовиться

к нему достаточно заблаговременно физически и эмоционально. Путь к этому ведет через прометейское движение»²⁰.

Суммируя все вышесказанное, можно полагать, что расчеты и надежды на русско-украинский конфликт были одной из существенных установок польской дипломатии и военных кругов практически на всем протяжении существования II Речи Посполитой. Пребывание у власти право-центристской правительственной коалиции, не разделявшей взглядов Пилсудского на восточную политику, оказалось слишком непродолжительным, чтобы существенно ослабить сложившийся союз пилсудчиков и сторонников Петлюры. Опыт межвоенного двадцатилетия показал, что исповедывавшаяся Пилсудским концепция обеспечения безопасности Польши, стержнем которой было стремление к максимальному ослаблению России, оказалась слишком нереалистической. Время проверки второй, национал-демократической концепции наступило только после второй мировой войны, в иных исторических условиях.

Примечания

¹ См. например: Pilsudski J. Pisma zbiorowe. W-wa, 1937. Vol. II. S. 253.

² Switalski K. Dziariusz 1919—1935. W-wa, 1992. S. 40.

³ Nowak A. Jak rozbić Rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733—1921). Warszawa, 1995. S. 256—257.

⁴ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее ЦХИДК). Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 153—154.

⁵ Nowak A. Op. cit. S. 260.

⁶ ЦХИДК. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 154.

⁷ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее ДиМ). М., 1964. Т. II. С. 656—658, 660—663.

⁸ Switalski K. Op. cit. S. 92.

⁹ Ibid. S. 93. ЦХИДК. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 170.

¹⁰ Там же. С. 171.

¹¹ Switalski K. Op. cit. S. 137.

¹² Там же. С. 176—177.

¹³ Там же. С. 178—179.

¹⁴ Там же. С. 208.

¹⁵ ДиМ. М., 1967. Т. V. С. 534.

¹⁶ ЦХИДК. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 180.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Матерский В. К вопросу о периодизации польско-советских отношений в межвоенный период // Вестник Моековского университета. Сер. 8. История. 1995. № 4. С. 73.

¹⁸ ЦХИДК. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 3. С. 181.

¹⁹ Там же. С. 184, 186, 189—191, 213.

²⁰ Там же. С. 211.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Флоря Борис Николаевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики (ИСБ) РАН.

Котляр Николай Федорович — член-корр. НАН Украины, д. и. н., зав. сектором истории Киевской Руси Института истории НАН Украины (ИИУ НАНУ).

Заборовский Лев Валентинович — к. и. н., старший научный сотрудник ИСБ РАН.

Яковлева Татьяна Геннадиевна — к. и. н., независимый исследователь (Петербург).

Санин Геннадий Александрович — д. и. н., ведущий научный сотрудник Института Российской истории (ИРИ) РАН.

Горобец Виктор Николаевич — к. и. н., научный сотрудник ИИУ НАНУ.

Артамонов Владимир Алексеевич — к. и. н., старший научный сотрудник ИРИ РАН.

Софронова Людмила Александровна — д. ф. н., зав. отделом истории культуры ИСБ РАН, председатель Российской ассоциации украинистов.

Дзюба Елена Николаевна — к. и. н., докторант Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАНУ.

Каппелер Андреас — директор семинара по истории Восточной Европы Кельнского Университета.

Миллер Алексей Ильич — к. и. н., старший научный сотрудник ИСБ РАН.

Середа Остап Владимирович — научный сотрудник Института украиноведения НАНУ (Львов).

Бовуа Даниэль — директор Института славянских исследований Сорбонны.

фон Хаген Марк — директор Института им. А. Гарримана Колумбийского Университета.

Михутина Ирина Васильевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник ИСБ РАН.

Верстюк Владислав Федорович — д. и. н., зав. отделом истории украинской революции (1917—1921) ИИУ НАНУ.

Соколова Марина Валентиновна — к. и. н., научный сотрудник ИСБ РАН.

Галушко Кирилл Юрьевич — аспирант кафедры истории Украины Киевского Университета им. Тараса Шевченко.

Матвеев Геннадий Филиппович — д. и. н., зав. кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова.

AUTHORS

- Boris Floria** — leading research-fellow, Institute for Slavic and Balkan Studies of Russian Academy of Sciences (ISB RAS).
- Nikolaj Kotliar** — corresponding fellow of Ukrainian National Academy of Sciences, Director of the Department of History of Kievan Rus' of the Institute of Ukrainian History of Ukrainian National Academy of Sciences (IUH UNAS).
- Lev Zaborovski** — senior research-fellow, ISB RAS.
- Tatiana Jakovleva** — independent scholar, St. Petersburg.
- Victor Gorobets** — research-fellow, IUH UNAS.
- Gennadij Sanin** — leading research-fellow, Institute of Russian History of RAS.
- Vladimir Artamonov** — senior research-fellow, Institute of Russian History of RAS.
- Olena Dziuba** — senior research-fellow, M. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archaeography of UNAS.
- Ludmila Sofronova** — Director of the Department for the Studies of Culture, ISB RAS.
- Ostap Sereda** — research-fellow in the Institute for Ukrainian Studies of UNAS (Lviv).
- Andreas Kappeler** — Director, Seminar for East-European Studies of the University of Cologne.
- Daniel Beauvois** — Director, Center of Slavic Studies of Sorbonne.
- Alexey Miller** — senior research-fellow, ISB RAS.
- Mark von Hagen** — Director, A. Harriman Institute of Columbia University (New-York).
- Irina Mikhutina** — senior research-fellow, ISB RAS.
- Vladislav Verstiuk** — Director, Department of the history of Ukrainian revolution (1917—1921) of IUH UNAS.
- Marina Sokolova** — research-fellow, ISB RAS.
- Kirill Galushko** — Ph. D. student, Taras Shevchenko University in Kiev.
- Gennadij Matvejev** — Director, Chair for History of Southern and Eastern Slavs of Moscow State University.

РОССИЯ — УКРАИНА: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Ответственные редакторы:

А. И. Миллер, В. Ф. Репринцев, Б. Н. Флоря

Издатель А. Кошелев

Корректор Г. Грибкова

(авторская корректура статей на укр. яз.)

Подписано в печать 20.01.97. Формат 70х100 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».

Усл. п. л. 19,99. Заказ № 1077 Тираж 1000.

Издательство Школа «Языки русской культуры».

121857, Москва, Бережковская наб., 24.

ЛР № 071105 от 02.12.94

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6